

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4
2023

ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова (заместитель главного редактора), М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун, М.В. Лескинен,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, С.А. Мызников, К.В. Никифоров,
В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, М.Н. Саенко,
Н.Н. Старикова, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова, Е.И. Якушкина.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, *И.И. Баринov*, *О.В. Белова* (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина*,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Т.Ю. Кравченко*, *И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:
<https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Кочегаров К.А. (Москва). Архиепископ Лазарь Баранович и московские колокола в монастырях Черниговщины в 1680–1690-х годах.....	5
Вернер И.В. (Москва). Местоимения <i>той, тая, тое</i> в церковнославянском переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е годы)	31
Кречмер Анна (Вена). Славяносербская письменность в трудах Н.И. Толстого	47
Серapiroнова Е.П. (Москва). Праздники в среде русской эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е годы.....	65
Манолакев Хр. (Велико-Тырново). Александр Митрофанович Федоров в творчестве болгарского писателя Стилияна Чилингирова.....	78
Поляков Д.К. (Москва). Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша.....	91
Вирен Д.Г. (Москва). Фильм Юрия Ильенко «Наперекор всему» на перекрестье культур	109

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Малинов А.В. (Санкт-Петербург). Гусизм в оценке петербургских славянофилов (из писем И.С. Пальмова В.И. Ламанскому)	120
Седакова И.А. (Москва). К 100-летию профессора Мирослава Янакиева.....	140

РЕЦЕНЗИИ

Станков Н.Н. B. Ferenčuhová. Bohdan Pavlů: politická biografía 1883–1938	144
Дмитриев М.В. А.В. Мартынюк. До Герберштейна. Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века)	148
Ганин А.В. М. Живановић. И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20 веку	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лобачева Ю.В. Международная научная конференция «Проблема дипломатического признания Советского государства странами Центральной и Юго-Восточной Европы (1920–1940-е годы). К 100-летию Рапальского договора и образования СССР»	155
---	-----

ЮБИЛЕИ

Ващенко Д.Ю. К юбилею Валерии Сергеевны Ефимовой	157
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

JULY •

AUGUST •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), E.N. Kovtun, M.V. Leskinen,
G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, S.A. Myznikov, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
N.N. Starikova, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova, E.I. Yakushkina

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova* (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova, T.Yu. Kravchenko, I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a
Phone: +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

Kochegarov K.A. (Moscow). Archbishop Lazar Baranovich and Moscow Bells in Monasteries of Chernigov Land in 1680–1690s	5
Verner Inna V. (Moscow). Pronouns <i>мой, мая, мое</i> in the Church Slavonic Translation of the New Testament by Epiphanius Slavinetsky and Euthymius Chudovsky (1670–1680s).....	31
Kretschmer Anna (Vienna). Slavo-Serbian Literature in the Works of N.I. Tolstoy.....	47
Serapionova E.P. (Moscow). Holidays Among Russian Emigration in Czechoslovakia in 1920–1940s	65
Manolakev Hristo P. (Veliko Tarnovo). Alexander M. Fyodorov in the Works of Bulgarian Writer Stilian Chilingirov.....	78
Polyakov D.K. (Moscow). Central Europe as a Myth and Model in the Texts of Czesław Miłosz, Milan Kundera and Danilo Kiš	91
Viren D.G. (Moscow). The Film «Against all Odds» by Yuri Ilyenko at the Crossroads of Cultures	109

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Malinov A.V. (Saint-Petersburg). Hussism as Evaluated by the Petersburg Slavophiles (From I.S. Palmov's Letters to V.I. Lamansky)	120
Sedakova I.A. (Moscow). On the Centenary of the Birth of Professor Miroslav Yanakiev.....	140

REVIEWS

Stankov N.N. Ferencuhová B. Bohdan Pavlů: A Political Biography (1883–1938).....	144
Dmitriev M.V. A.V. Martynyuk. Before Herberstein. Austria and Eastern Europe in the System of Personal Ties and Cultural Contacts (13 th – early 16 th Century).....	148
Ganin A.V. M. Zivanovic. And the Cross and the Pentacle. Russian Burial Complexes in Yugoslavia in the 20 th Century	151

SCHOLARLY LIFE

Lobacheva Y.V. International Scientific Conference «The Problem of Diplomatic Recognition of the Soviet State by the Countries of the Central and South-Eastern Europe (1920–1940s). To the 100 th Anniversary of the Treaty of Rapallo and the Formation of the USSR»	155
--	-----

JUBILEE

Vashchenko D. Yur. On the Anniversary of Valeria Sergeevna Efimova	157
---	-----

Славяноведение, 2023, № 4, с. 5–30

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 5–30

DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6

Оригинальная статья / Original Article

Архиепископ Лазарь Баранович и московские колокола в монастырях Черниговщины в 1680–1690-х годах

© 2023 г. К.А. Кочегаров

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация: В первой половине 1680-х годов черниговский архиепископ Лазарь Баранович обратился к русскому правительству с просьбой о безвозмездном предоставлении колокола для строившегося им Свято-Троицкого храма Ильинского монастыря. Русское правительство удовлетворило эту просьбу, дав распоряжение отлить колокол для архиепископа. Однако спустя короткое время по просьбе посланца Лазаря Барановича в Чернигов был отправлен другой, более тяжелый колокол, снятый с колокольни церкви Григория Неокесарийского на Полянке. Колокол, специально отлитый для черниговского архиепископа, остался в Москве и в наши дни висит на колокольне Покровского собора на Красной площади. Помимо Лазаря Барановича, интерес к русскому колокольному производству проявлял и гетман Иван Самойлович, заказавший у крупнейшего московского литейщика Федора Моторина колокол для другой черниговской обители — Елецкого Успенского монастыря. Все это свидетельствует о высоком уровне развития колокольного производства в России последней четверти XVII в.

Ключевые слова: Лазарь Баранович, Чернигов, русское колокольное производство, Федор Моторин, русско-украинские отношения.

Ссылка для цитирования: *Кочегаров К.А.* Архиепископ Лазарь Баранович и московские колокола в монастырях Черниговщины в 1680–1690-х годах // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6

Archbishop Lazar Baranovich and Moscow Bells in Monasteries of Chernigov Land in 1680–1690s

© 2023. Kirill A. Kochegarov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy
(Moscow, Russian Federation)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Abstract. In the first half of 1680s Lazar Baranovich, archbishop of Chernigov asked the Russian government to cast a bell for Saint Trinity Church, that he was building. The government of prince Vasilij Golitsyn and princess Sofia agreed to do it at state costs. But it appeared in short time that envoy of Lazar Baranovich in Moscow wished to have the heavier one, so a such bell was taken away from the church of Gregory of Neocaesarea in Polyanka and sent to Chernigov. The bell, specially made for the archbishop was left in Moscow and nowadays it hangs in the bell tower of Saint Basil's Cathedral in the Red square. Besides Lazar Baranovich, Ivan Samojlovich, the hetman of the Left-Bank Ukraine, also was inspired by the high level of the Russian bell manufacture in the last quarter of 17th century and ordered a bell for another monastery of Chernigov.

Keywords: Lazar Baranovich, Chernigov, the Russian bells manufacture, Fedor Motorin, Russian-Ukrainian relations.

For citation: Kirill A. Kochegarov. Archbishop Lazar Baranovich and Moscow Bells in Monasteries of Chernigov Land in 1680–1690s. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 4. P. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X0026703-6.

...хлеб милости своя и одяние дал еси обители нашей,
 одевая церковь Троицы Святой железом и украсив царским своим колоколом

Из письма царю Петру I архимандрита
 Свято-Троицкого Ильинского монастыря
 Лаврентия Крщоновича. 1699 г.¹

Материальная поддержка украинских и белорусских православных церковных центров была важным элементом в культурных контактах России с восточнославянскими народами Речи Посполитой, начиная как минимум с конца XVI в. В первой половине XVII в. содержание милостыни прибывавшим в Россию представителям церквей и монастырей, а также посланникам высших церковных иерархов с западнорусских земель формализовалось, сводясь к регулярной выдаче денег и мехов, богослужебных книг, церковной утвари, священнических одежд и икон. Были и беспрецедентные примеры как обращений за помощью, когда, например, киевский митрополит Иов Борецкий в 1630 г. просил в Москве средства на церковное строительство «и на колокольничное дело»², так и ее оказания, когда в 1644 г. в Густынский Свято-Троицкий монастырь были отправлены краски и листовое золото на «церковное строение», а в Киево-Печерский — и вовсе царский сусальщик («которой делает золото и серебро листовое») Яким Евтихеев, изготовивший для митрополита Петра Могилы «листового золота с 10 000 листов»³. Подобные пожалования были весьма затратными для русской казны и поэтому не носили систематического характера, более того, они были обусловлены конкретными политическими мотивами в политике царской власти по отношению к православным церковным центрам Речи Посполитой.

После перехода Киева, Левобережной Украины и Северщины под русскую власть в середине XVII в. расположенные там крупные монастыри и церкви, имевшие царские жалованные грамоты на получение милостыни, по понятным причинам были заинтересованы в ее дальнейшей выдаче. Москва поддерживала сохранение устоявшегося обычая. Вместе с тем крупные церковные

¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699 г. Д. 15. Л. 14.

² Воссоединение Украины с Россией, 81.

³ АЮЗР Т. 3, 65–66, 88; Воссоединение Украины с Россией, 400–401.

деятели Малой России, используя новую политическую ситуацию, обуславливавшую в том числе их более тесные и постоянные связи с русскими правящими кругами, пытались при случае добиться новых беспрецедентных материальных выгод за счет царской казны. Один из подобных случаев — попытка черниговского архиепископа Лазаря Барановича получить от русского правительства листовое железо на отделку куполов строившегося собора Свято-Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове, и, что важнее, большой колокол для церковной звонницы. В существующей научной литературе об этом имеются самые скудные известия⁴.

Заинтересованность черниговского архиепископа в продукции русского литейного производства не была случайностью, объяснявшейся в том числе безвозмездным характером предоставления столь ценного атрибута любого храма, как колокол. Во второй половине XVII в. русское колокольное производство переживало настоящий расцвет, выражавшийся в росте и объема, и качества, и разнообразия изготавливаемых колоколов. Помимо крупнейшего производителя колоколов — Пушечного двора, возникает рынок частного колокольного производства, ориентированный на заказчиков из самых разных социальных слоев: купцов, приказной бюрократии, посадских жителей и др. (см.: [Бондаренко 2012. Ч. IV, 257–350]).

Однако первым московские колокола по достоинству оценил не Лазарь Баранович, а украинский гетман Иван Самойлович. В письме от 22 августа 1680 г. на имя думного дьяка Лариона Иванова, доставленном 3 сентября в Москву одним из наиболее доверенных лиц гетмана В.Л. Кочубеем, Самойлович просил руководителя Посольского приказа, несмотря на «безспрестанные труды [...] и разсудительные около дел государственных трудности», оказать ему содействие в деле заказа церковного колокола у московских мастеров. Гетман, по его словам, «обещал [...] на хвалу Богу в монастырь Пресвятыя Богородицы Черниговской Елецкой вылить колокол», признавая, что «в малороссийских городех такова совершенного мастера нет, а в царствующем величии граде Москве таких совершенных мастеров есть много». В связи с этим гетман вручил Кочубею нужную, с его точки зрения, сумму и «приказал [...], чтоб сыскал мастера совершенного и договорился с ним вылить колокол». Кроме денег Кочубей получил и «роспись», «каков весом имеет быть тот колокол». Теперь Самойлович просил «приятеля» Иванова помочь своему посланцу, приказав «сыскать на то дело мастера доброва», а найдя, «обнадежить, чтоб тотчас дело то зачав», он отлил колокол к «нынешние осени, покамест тепло». Гетман рассчитывал «тот колокол по первому зимнему пути оттуды к себе привести»⁵. Ларион Иванов помог, и 5 сентября 1680 г. один из крупнейших колокольных мастеров Москвы Федор Моторин, отец знаменитого литейщика Ивана Моторина, изготовившего известный Царь-колокол, подписал с представителями Самойловича канцеляристом В.Л. Кочубеем и учителем находившегося в Москве гетманского сына П. Ясильковским договор («рядную запись») с обязательством отлить к концу года (к Филиппову заговенью или к Рождеству) колокол весом в 110 пудов из «доброй колокольной и красной меди, и положить прутное аглинское олово безо всякие хитрости добрым мастерством, чтоб у того колокола звон был крепкой и мочной». Кочубей и Ясильковский должны были предоставить Моторину и текст надписи на колоколе с упоминанием

⁴ Об отправке Лазарю Барановичу колокола кратко, буквально одним предложением, упоминал Н.Ф. Сумцов [Сумцов 1885, 160].

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 43–46.

имени заказчика («летопись и гетманское имя положить мне словами против их росписи, какову они, Василей и Павел, дадут»). Стоимость колокола рассчитывалась исходя из 4,5 руб. за пуд и должна была составить почти 500 руб.⁶

Архимандритом Елецкого Успенского монастыря в Чернигове был друг и ученик Лазаря Барановича Иоанникий Галятковский. Получение его обителью роскошного гетманского подарка⁷, изготовленного в московских литейных мастерских, не могло быть секретом для черниговского архиепископа. Спустя год, летом 1681 г., Лазарь Баранович предпринял первую попытку получить колокол для возводимого его трудами главного храма Свято-Троицкого Ильинского монастыря, отправив послание царю Федору Алексеевичу. Какие-то детали этой миссии, кроме расписок посланника черниговского владыки «черного» дьякона Антония в получении кормовых денег с 20 июня по 1 августа 1681 г., не известны⁸. О самой просьбе архиепископа мы знаем из послания Лазаря Барановича царевне Софье Алексеевне, написанном спустя год. В нем черниговский архиерей напоминал, как «в прошлом во 189 году» он «бил [...] челом» царю Федору Алексеевичу «о колоколе и о железе белом до церкви каменной Святыя Троицы». Тогда по царскому указу архиепископу было пожаловано четыре бочки жести, «а на колокол, — писал владыка Лазарь, — милостивое свое государское изволил дати мне, богомольцу, своему обещание»⁹. Смерть царя Федора и последовавший за ней политический кризис в Москве, сопровождавшийся восстанием стрельцов, воспрепятствовали его исполнению.

В августе 1682 г. Лазарь Баранович направил в Москву новую миссию во главе со своим конюшим Федором Смольницким [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. Бумаги миссии Смольницкого в виде отдельного дела, по-видимому, не сохранились, несколько разрозненных документов (включая содержание тетради, куда были переписаны со столбцов подлинники документы, связанные с приемом миссии) были присоединены к делу о следующем визите в Москву посланца Лазаря Барановича, дьякона Антония Прокофьева (Прокоповича; см. об этом далее).

Кроме того, Смольницкий в ответ на царскую просьбу к Лазарю Барановичу прислать ко двору «алтистов и динаристов», «выбрав в епархии своей двух [...] добрых и свидетелствованных» и «обнадежив» их жалованьем великих государей, сопровождал к царскому двору шестерых певчих, из которых двое, Василий Кривецкий и Григорий Полевский, были по каким-то причинам 18 октября пожалованы сукном («кармазину мерою по пяти [аршин] ис Казенного приказу»), соболями и деньгами по 5 руб., после чего отпущены назад. Остальные четверо остались в столице. «Корм» и «питье» прибывшим выдавали дополнительно «сверх поденного». Последовал и указ о посылке самому Лазарю Барановичу 100 «золотых червонных», а также «отлас[у китай]ского» на рясу. Все это свидетельствовало об особом расположении русского правительства к архиепископу. Пользуясь этим, последний в своем письме к великим государям

⁶ См. приложение, документ № 1.

⁷ Судя по описанию колокольной монастыря, сделанному в самом конце XIX в., колокол И. Самойловича до этого времени не сохранился (см.: [Добровольский 1900, 115–116]).

⁸ Расписки в получении кормов дьяконом Антонием сохранились в «Монастырских делах» (РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 141. Л. 1). В них не указано, что Антоний был представителем Лазаря Барановича, но это, несомненно, тот же человек, который приезжал в Москву как посланец черниговского архиепископа в 1683 и 1684 г.

⁹ Письмо опубликовано в приложении к труду протоиерея А. Страдомского [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. Списки с письма были обнаружены А. Страдомским в архиве Оружейной палаты и в ризнице Черниговского архиерейского дома [Там же, 73].

напоминал об обещании царя Федора пожаловать колокол и жестяное железо¹⁰. В письме к царевне Софье владыка Лазарь также напоминал об указанном обещании и просил похлопотать о его исполнении (письмо получено 30 сентября 1682 г.) [Страдомский 1852, 72–73, 97–98]. В ответных грамотах от царей и Софьи Лазаря Барановича «жаловали и похваляли» за присланных певчих и обещали «послать к нему своего государского жало[ванья: колокол] и железа белого», когда минует осеннее бездорожье и установится зимний путь¹¹.

Помимо колокола, Лазарь Баранович просил также отдать ему лес на постройку церкви, который, по его словам, был вырублен в окрестных лесах, принадлежавших Свято-Троицкому Ильинскому монастырю, по приказу служившего в Чернигове полковника Степана Янова в 189 (1680/81) г. на «городовое строенье, а ныне де тот [лес л]ежит без дела». В связи с этим «ис походу ис Троицкого Сергиева монастыря», где находился царский двор, был послан запрос черниговскому воеводе, стольнику и полковнику Михаилу Ознобишину с требованием проверить указанную выше информацию и прислать полную роспись лесных припасов, на которые претендует архиепископ. Дело протянулось до января 1683 г., когда в Москве получили отписку Ознобишина, что «лес высечен в прош[лом] году, а не во 189-м году [при] полковнике при Степане Янове и надобен де [...] на городовое и на нижнее острожное дело, где живут их великих государей ратные люди черниговские старые осадные сиделцы, салдаты и стрелцы, и даточные салдаты, потому что тот острог ветх, [и выс]ечен тот лес в государеве лесу в Черниговском уезде, а не в монастырском лесу, а сечь велел черниговской полковник Василей [Борко]вской». Дубовые бревна, брусья и прочее были складированы за рекой Стрижень. По результатам расследования была составлена докладная выписка, однако решения по ней нет¹². По всей вероятности, лес Лазарю Барановичу не достался.

Приезд Смольницкого, которого принимали в Троице-Сергиевом монастыре, где в тот момент находился двор, совпал с завершением стрелецких волнений. Вскоре цари вернулись в Москву, произошла определенная стабилизация политической системы — окончательно установилось регентство царевны Софьи при малолетних царях Иване и Петре. Это создало благоприятные условия для исполнения просьбы черниговского архиепископа.

В конце 1682 г. Лазарь Баранович послал в Москву «зимним путем» своего писаря дьякона Антония «со смиренным своим рабским челобитьем», т.е. с просьбой исполнить обещание о пожаловании для церкви Святой Троицы, «сооруженной, — как писал черниговский владыка, — тщанием моим», колокола и белого железа для покрытия церковных глав. В письме царям Ивану и Петру от 26 декабря 1682 г. Лазарь Баранович уподоблял великих государей двум херувимам, которых «не Веселеил, но василевс, сиречь царь небесный, премудрый архитектор, сотвори от злата чиста добродетелей», венчав «главы» самодержцев «венцем царским златым, подобие в российской своей церкви раскрывляющая верху Великия и Малыя, и Белыя Росии, осеняюща же крылы превеличайших государских щедрот своих всю в поднебесной православием сияющую церковь». То есть царский венец, по мнению Черниговского архиепископа, дававший российским монархам права на обладание Великой, Малой и Белой Россией, делал их одновременно ктиторами и патронами всей православной церкви на этих землях. Соответственно, «на сень тех херувимских

¹⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 127–128об., 147–149об.

¹¹ Там же. Л. 148–148об.

¹² Там же. Л. 127, 129–130об., 148об.–149об.

крил вашего царского пресветлого величества надеясь», Лазарь Баранович просил пожаловать ему жесть и колокол для строившегося храма¹³.

Отдельное письмо архиепископ Лазарь написал царевне Софье Алексеевне (письмо от 26 декабря 1682 г.). В этом послании он уподоблял Троицкую церковь дому Софии, премудрости Божией, который царской милостыней «основанный и воздвигнутый»: «дом Софии, дом премудрости, премудрость созда себе дом; седм глав церкви святыя Троицы Ильинской черниговской, милостью и ходатайством вашего пресветлого величества под покровом беложелезным ставше, будут то седм столпов в дому оном премудрости вашего пресветлого величества неподвижные вовеки». Владыка Лазарь подчеркивал, что рассчитывает на поддержку Софьи в деле выделения колокола для церкви и железа «на покровение глав», благодарил за ранее присланное специально от Софьи (через Ф. Смольницкого) жалование – «отлас китайской», из которого архиепископ велел «стихарь дьяконской в церковь Святых Троицы зделати, в нем же бескровная служба о упокоении блаженных памяти» царей Алексея и Федора «приносима была». Баранович писал, что если получит в 1683 г. «того великих государей обещание совершение», то будет всегда «в церкви святых Троицы Троицу Святую молити, дабы великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича тремя венцы венчанных, трегубыми на земли одарил благами, миром, здравием и долгоденствием»¹⁴. Отдельное послание было адресовано «благодетелю» В.В. Голицыну, которого владыка благодарил «за ходатайство [...] к их царскому пресветлому величеству», в результате которого он получил царское жалованье. Лазарь Баранович посылал с дьяконом Антонием Голицыну «погребец с вотками» и просил поспособствовать получению колокола и белого железа (письмо, как и другие послания, датировано 26 декабря)¹⁵.

Обращался к главе правительства и недавно назначенный игумен Троицкого Ильинского монастыря архидьякон Лаврентий Крщонович¹⁶: «Понеже предведением Божиим и произволением отца моего, преосвященного Лазаря Барановича, архиепископа черниговского, игуменство монастыря Свято-Троицкого Ильинского черниговского паче силы и достоинства моего (Бог весть, яко не хотящу мне) бысть врученно, еже послушания ради и покорения к старцу и отцу своему принужден есмь прияти, не не восхотех и аз, недостойный богомлец благородия вашего смиренное мое до лица земли поклонение благородию твоему преподати, яко же бо ныне слышу, благородие ваше великую милость творяща преосвященному архиепископу нашему, тако уповаю в милости благородия твоего, яко и мне недостойному сыну ево, богомолцу ж благородия твоего, тоя ж де милости своя являти в приидущее время не возбраних». Сообщая, что в Свято-Троицкой обители «уже Пресвятая Богородица чудесы

¹³ Здесь Лазарь также благодарил за присланное ему царское жалование «сто червонных золотых», обещая молиться «о блаженном упокоении» царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и о «долгоденственном здравии» царей Ивана и Петра Алексеевичей (Там же. Л. 1–4). Еще один список письма: Там же. Л. 114–117об. Материалы о поездке Антония Прокофьева в рамках данного дела представлены в столбцах (Там же. Л. 1–112), а также в сильно поврежденной тетради (Там же. Л. 113–173об.), куда была переписана по крайней мере часть столбцов. Тетрадь сохранилась со значительными утратами.

¹⁴ Там же. Л. 5–9. Еще один список см.: Там же. Л. 117об.–120об.

¹⁵ Там же. Л. 10–13.

¹⁶ Сохранился список грамоты Лазаря Барановича о назначении его игуменом от 20 октября 1683 г. Дата, видимо, указана с ошибкой в один год, либо архиепископская грамота на игуменство была выдана позже фактического вступления Лаврентия Крщоновича в управление монастырскими делами. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 33–38.

своими прославляти изволи», Лаврентий просил Голицына поддержать монастырь, ходатайствуя о его нуждах перед царями и оказав помощь направленному в столицу дьякону Антонию, которому игумен поручил в Москве «некоторые нужные на церковь вещи [...] покупать». Соответственно, Голицына он просил выдать Антонию подводы для провоза совершенных покупок «сколко потребно будет». В подарок князю он посылал «крест резный от рукоделия братии Свято-Троецкого монастыря», прося Голицына «любовне тот иноческий дар» принять¹⁷.

Прибыв в Москву в сопровождении четырех слуг, черный дьякон Антоний Прокофьев явился в приказ 9 января с проезжим «листом» гетмана Самойловича. На следующий день последовало распоряжение дьяка Е.И. Украинцева о выдаче им кормов и жалованья на приезде¹⁸. Согласно помете Украинцева, доставленные Антонием письма были доложены царям и Софье 11 января¹⁹. Соответственно, последовал указ о подготовке в Малороссийском приказе докладной выписки с предыдущими прецедентами, близкими по содержанию к поступившей из Чернигова просьбе — однако в ней отмечены только два случая пожалования «белого железа» для покрытия церковных глав. В 178 (1669/1670) г. игумену батуринского Никольского Крупицкого монастыря Исихею «з братиею» было дано 50 руб. милостыни из Приказа Галицкой четверти, камчатая риза из Казенного приказа, пять ведер церковного вина, пуд ладана, а также две бочки «железа белого листового на опойку и на обитие глав». В 180 (1671/1672) г. в Москву прибыли представители черниговского Успенского Елецкого монастыря: игумен Иоанникий Галятковский, уставщик «черной поп» Каллист, дьякон и два челядника. Им было пожаловано 5 ведер церковного вина, полпуда ладана, «да на церковную главу белого железа» две бочки. Однако последнее пожалование вдруг было отменено из-за дороговизны материала: «а после того белого железа дать им не велено для того, что в то время купили дорогою ценою в 17 и в 18 рублей бочку». Незадачливым черниговским паломникам оставалось ждать, когда железо «будет в привозе от Архангелского города». Иоанникий Галятковский и его товарищи ждать не стали, отбыв восвояси и «в приезде после того в том во 180-м году не бывали».

В докладной выписке ничего не говорилось и о рядной записи на изготовление колокола 1680 г., поскольку оно считалось частным делом Самойловича, оплаченным из его кармана, и не подходило под определение царского жалования. Отливка колокола для черниговского монастыря должна была, таким образом, стать прецедентом в выдаче подобной милостыни. 14 января 1683 г. по докладу был дан указ царей Ивана и Петра и царевны Софьи удовлетворить прошение Лазаря Барановича и отправить в Чернигов «на обивку глав церковных» шесть бочек белого железа из Приказа Большой казны, но самое главное — «колокол блавестной [...] в тот монастырь вылить нарочно во сто в четыре пуда ис Пушкарского приказа»²⁰. Уже на следующий день окольниковому А.И. Ржевскому в Большую казну была послана память о выдаче шести бочек жести, однако «в том белом железе отказано». Тогда по приказу В.В. Голицына память «о том же белом железе» послали 18 января в Приказ Большого дворца²¹. 15 же января была отправлена память в Пушкарский приказ

¹⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 14–16.

¹⁸ Там же. Л. 17–19.

¹⁹ Там же. Л. 117об.

²⁰ Там же. Л. 23–25, 150–152.

²¹ Там же. Л. 26, 45, 152–152об.

(возглавлялся также В.В. Голицыным) об отливке по челобитью Лазаря Барановича медного колокола «во сто четыре пуда»²².

За этой чередой первых царских указов об исполнении просьб черниговского владыки последовали какие-то неофициальные переговоры дьякона Антония с влиятельными царскими сановниками (в первую очередь, видимо, с В.В. Голицыным). Посланец владыки Лазаря имел, очевидно, определенные указания касательно объема требовавшихся епископу материалов и всеми силами добивался их удовлетворения. Эти закулисные прошения имели практически немедленный успех. Уже 22 января последовал именной указ (без челобитной и предшествующей ему докладной выписки) за подписью дьяка Е.И. Украинцева о выдаче «к прежней даче ко шти бочкам семь бочек» из собственных царских запасов — из Приказа Большого дворца, куда и дана была память из Малороссийского приказа²³. Однако и этого было мало. 28 января 1683 г. последовал еще один именной указ (подписан также Украинцевым): послать в Троицкий Ильинский монастырь царского жалованья для Лазаря Барановича «на обитие глав церковных белого железа и с прежним дватцать четыре бочки из Приказу Болшого дворца да колокол блавестной взяв от церкви Егоргия Ниукисарейского, что за Москвою рекою на всполье в двесте в дватцать пуд²⁴, а в место того колокола указали великие государи вылить колокол и дать к той церкви таков же». Память о белом железе была послана боярину и дворецкому князю В.Ф. Одоевскому в Большой дворец на следующий день, в Пушкарский приказ о замене колокола — 31 января. 4 февраля указ о колоколе был повторен, причем теперь в нем подчеркивалось, что двухсотпудовый колокол посылали в Чернигов «вместо того колокола, которой было велено дать во сто в четыре пуда». 8 февраля в Пушкарский приказ опять была послана соответствующая память²⁵.

В этих новых решениях заслуживают внимание два аспекта. Во-первых, заказ о закупке «белого железа» был передан в Большой дворец — приказ, руководивший собственно царским хозяйством, и, соответственно, должен был быть исполнен за счет ресурсов этого ведомства. Во-вторых, почему колокол для Лазаря Барановича было решено снять именно с церкви Григория Неокесарийского? На этот вопрос дает ответ история храма. Впервые он упоминается в источниках в 1632 г. как деревянное строение. С 1667 г. церковь Григория Неокесарийского перестраивалась в камне на казенные средства, выделенные Приказом Тайных дел по указу царя Алексея Михайловича. Строительство велось по просьбе царского духовника Андрея Посникова, служившего в церкви Григория Неокесарийского священником до поставления в протопопы Благовещенского собора в 1666 г. Великий государь профинансировал кровельные и отделочные работы, написание икон и др. Завершить строительство при жизни Алексея Михайловича не успели и освящали новопостроенный храм уже при его преемнике, царе Федоре, в марте 1679 г. Освящение проводил патриарх всея Руси Иоаким. Сам царь Алексей побывал в церкви как минимум дважды на храмовый праздник — день св. Григория Чудотворца 17 ноября 1668 и 1670 г. [Токмаков 1890, 4–9; Беляев 1894, 6–26, 51]²⁶. Финансирование Алексеем Михайловичем строительства и создания внутреннего убранства церкви, по всей вероятности, включало

²² Там же. Л. 27, 153.

²³ Там же. Л. 47–48.

²⁴ Из позднейших документов следует, что вес был 206 пудов.

²⁵ Там же. Л. 50–52, 55–56, 166–167об., 169–169об.

²⁶ О протопопе Андрее Постникове, пользовавшемся особым расположением царя, см. [Извеков 1902].

и покупку для храма колоколов. Соответственно, царь и его дети, выступая главными ктиторами храма, могли принимать решения, касавшиеся его имущества, по своему усмотрению. Именно поэтому, когда понадобилось срочно выдать новый колокол для Лазаря Барановича, подходящий был подыскан и снят с одной из церквей, находящихся под опекой царского дома, с обещанием, впрочем, заменить его на аналогичный. Думается, что ведущую роль в принятии решения об отдаче на Украину колокола из церкви на Полянке сыграла царевна Софья и ее фаворит князь В.В. Голицын, которым расчетливый и хорошо разбиравшийся в хитросплетениях московской политики владыка Лазарь отправил отдельные послания.

5 февраля последовало распоряжение отпустить из Москвы слуг Лазаря Барановича, прибывших в столицу с дьяконом Антонием, с выданным им «белым железом» (24 бочки по четыре пуда в каждой; всего 96 пудов²⁷). Подводы для него было указано выдать из Ямского приказа «от Москвы до Севска и до малороссийских городов, и до Чернигова»²⁸. Антоний подал в приказ челобитную о выдаче слугам архиепископа подорожного корма, которая также была удовлетворена. Получив пропитание, они двинулись из столицы в Чернигов с драгоценным грузом вскоре после 8 февраля²⁹.

Сам дьякон остался в Москве для организации доставки полученного колокола. Жилось ему в столице весьма неплохо. Помимо обычного поденного корма (дьякон Антоний сумел добиться его увеличения)³⁰ представители Барановича получали в Москве и дополнительное единовременное жалованье в связи со специальными случаями. 12 января в честь именин «благочестивые государыни царевны и великие княжны Татьяны Михайловны» им указали выдать корм и питье сверх нормы («четвертную ск[ляницу] вина двойного, ведро простого, че[твертную] скляницу вина церковного», три ведра пива, рыбы на 1 руб. и др.)³¹. 23 февраля дьякон Антоний получил особое царское жалованье — «для службы Божией на дьяконской стихарь объяри золотной девять аршин» из Посольского приказа³². В начале марта Антоний подал челобитную о своем желании «помолиться преподобному отцу Сергию Чюдотворцу в Троицком монастыре». Он просил выдать ему проезжую грамоту из Москвы до монастыря и подводы. Указ о выдаче подводы «с санми и с проводником» для дьякона, его челядника, а также одного из слуг архиепископа (прибыл в Москву позже, 27 января³³), состоялся 9 марта, память в Ямской приказ окольничему И.Ф. Бутурлину послана в тот же день³⁴. 7 апреля в честь «праздника светлого Христова воскресения» Антонию и остальным черниговцам по распоряжению В.В. Голицына было выдано царское жалованье (три ведра меда, пять ведер пива, полведро вина, «осетрик», 10 гривенок коровьего масла, 100 яиц, пять гривенок черной икры, ведро молока, сыр, ведро уксуса)³⁵.

²⁷ Если принять, что их стоимость была ниже «дорогой» цены в 17–18 руб., допустим 15 руб. за бочку, общая цена отгруженного в Чернигов листового железа составляла 360 рублей. Здесь также условно принимается во внимание, что и в 1683 г., и в 1672 г. вес бочки был одинаков — четыре пуда.

²⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 53, 167об.—168.

²⁹ Там же. Л. 54—54об., 168—168об.

³⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 32—36, 155об.—157об.; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 21.

³¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 3. Л. 153об.—155об.

³² Там же. Л. 57, 170.

³³ Там же. Л. 61, 172.

³⁴ Там же. Л. 58—60, 170об.—171об.

³⁵ Там же. Л. 61—64об., 172—173об.

Доставка двухсотпудового колокола в Чернигов оказалась для дьякона Антония хлопотным делом. В начале апреля он подал в приказ очередную челобитную. В ней сообщалось, что «хотя скорее... возвратится» с колоколом в Чернигов, Антоний «изискал на Гостинном дворе такова человека извозщика, который готов есть подрядитца везть тот колокол на своих лошадех и своим всем промыслом до Новгородка Северского, а оттуду мы сами спустили бы его рекою в Чернигов». За свои труды «извозчик» запросил «с пуда по семи гривен», однако Антоний готов был платить лишь две гривны, потому что, как объяснялось в его челобитной, «у меня здес некаких денег нет и укладщика в нас до новой обители не единого нет же, а что и ест у меня, богомолца вашего, на дело нужные и благопотребные церковные вещицы данные денжонки, и тех на тот подряд зело мало, а взять мне, богомолцу вашему, негде». Антоний просил русские власти выделить средства, чтобы вместо «ямских подвод подрядить того извозчика звезть колокол до Новгородка Северского», чтоб ему «з тем колоколом в дорозе не бедствовать»³⁶. В Малороссийском приказе в ответ на челобитную снеслись с Ямским приказом, чтобы выяснить «по сколку пуд от Москвы до Севска и до Малороссийских городов на подводу железа или меди кладетца». Выяснилось, что «кладетца на подводу зимним путем» по 20 пудов, летом — по 15 пудов. Соответственно, по расчетам приказных для транспортировки колокола необходимо было 12–13 подвод (не очень ясно, правда, как на них должен был быть размещен груз) с выплатой прогонов до Новгорода-Северского в сумме 10 руб. 4 алтына 4 деньги (по 26 алтын на подводу). Перевозка же по найденному дьяконом Антонием подряду стоила даже из расчета две гривны за пуд в четыре раза дороже — 40 руб., а при семи гривнах за пуд — и вовсе астрономическую сумму в 140 руб. 7 апреля, ознакомившись с этими расчетами, В.В. Голицын, распорядился транспортировать колокол на ямских подводах³⁷.

Однако к этому времени наступила весенняя распутица. Поэтому решено было отправить колокол водным путем. 26 апреля в Малороссийском приказе допросили подрядчика, купца Гостиной сотни из Севска Агафона Медведева, который обязался отправить колокол «на стругу водяным путем» из Москвы в расположенный на реке Оке Орел. За это он хотел не менее 10 руб., поскольку «колокол большой и проводить его надобно в целости», при этом он требовал «государевых людей», чтобы погрузить колокол на струг в Москве и выгрузить в Орле на берег. Сделка была заключена, деньги (10 руб.) уплачены в тот же день³⁸. Проезжая грамота А. Медведеву на провоз колокола с языком весом 206 пудов от Москвы до Орла была выдана с датой 1 мая. Воеводам городов, через которые должно было проплывать судно с ценным грузом, следовало пропускать его «безо всякого задержания и зацепки», а воеводе Орла Луке Васильевичу Изъединову «тот колокол у него, Агафона, велети с струга принять», выгрузив его силами орловских пушкарей, затинщиков и иных посадских людей. Труд их, также как и снасти для выгрузки, предписывалось оплатить за счет средств государственной казны. Выгрузив колокол, Изъединову следовало дожидаться прибытия в Орел дьякона Антония (должен был прибыть туда посуху, на ямских подводах), после чего «проводить» его до «малороссийских городов со всяким помогателством, чтоб ему (дьякону. — К.К.) нигде никакова задержанья и зацепки не было». От Орла до Черниговщины

³⁶ Там же. Л. 66.

³⁷ Там же. Л. 65, 67–68. Подробную роспись прогонов см.: Там же. Л. 71.

³⁸ Там же. Л. 69–70об.

груз следовало транспортировать на ямских подводах, о чем в Ямской приказ была послана память 3 мая³⁹. Все эти предписания (передать полученный «водяным путем» колокол дьякону Антонию и организовать транспортировку до Севска) были продублированы и в царской грамоте самому орловскому воеводе⁴⁰. Севский воевода Л.Р. Неплюев должен был встретить ценный груз и обеспечить его перевозку до малороссийских городов⁴¹. Сам колокол был отпущен из столицы 2 мая⁴². Вслед за царским подарком для Лазаря Барановича выехал из Москвы и дьякон Антоний. Указ о выдаче ему 10 руб. царского жалования «на отпуске» и корма в дорогу на неделю (с 10 мая) датирован 7 мая⁴³, царская проезжая грамота — тем же числом⁴⁴. В тот же день в приказе была записана его челобитная о выдаче подвод под купленные им для монастыря «нужные вещи: меды (меди. — *К.К.*) в досках пудов десять, гвоздей луженых на покрытье глав церковных пятьдесят тысячей, олова агнелского (английского. — *К.К.*) пудов два, ладану пудов два, железа прутowego на станок под колокол пудов десять, а иных рухлядишков покупленных и домашних всех будет на двадцать пуд». В Малороссийском приказе распорядились прибавить к обозу дьякона Антония четыре ямские подводы⁴⁵.

Грамоты от царей Ивана и Петра и отдельно от Софьи, адресованные Лазарю Барановичу, датированы 6 мая. В них отмечалось полное удовлетворение всех просьб черниговского архиепископа и исполнении обещаний царя Федора, о поминовании которого архиепископу следовало «чинить (т.е., видимо, организовывать регулярные поминальные службы. — *К.К.*) по преданию святых апостол и святых отец». Характерно, что при перечислении царского жалования в грамоте отмечалось, что требуемый владыкой Лазарем колокол «в двесте пуд» был именно «вылит» по царскому приказу (это, как показано выше, было совершенно не так)⁴⁶. Отдельно на поминование покойного царя Федора Лазарю Барановичу было послано царского жалования 50 «золотых червонных из Приказу княжества Смоленского» (указ от 10 мая)⁴⁷. В грамоте, направленной архиепископу от В.В. Голицына (от 10 мая), отмечалось, что указ о царском жалованье архиепископу состоялся именно по «доношению» руководителя посольских дел⁴⁸.

Дьякон Антоний и его спутники прибыли в Орел 18 мая, опередив струг с колоколом, который «по 19 число не бывал». Сообщая об этом, орловский воевода Лука Изъединов одновременно сетовал, что у него необходимых для транспортировки колокола «конатов и волаков, и иных никаких снастей нет, а торговые всяких чинов люди соленые и хлебные промышленники (их силами в том числе предполагалось осуществить перевозку. — *К.К.*) с Орла поплыли в стругах к Москве, а дворы их купецкие и онбары все погорели». Кроме того,

³⁹ Там же. Л. 73–75.

⁴⁰ Там же. Л. 89–92, 126об.

⁴¹ Там же. Л. 95–96.

⁴² Там же. Л. 75об.

⁴³ Там же. Л. 85. Тогда же было указано выдать слуге Барановича на отпуске «сукно аглинское», а челяднику Антония — «сукно». См.: Там же. Л. 86. См. также: Там же. Л. 124–125.

⁴⁴ Там же. Л. 92–94.

⁴⁵ Там же. Л. 87–88об. Память в Ямской приказ датирована тем же числом. См. также «перевод» челобитной Антония и копию памяти: Там же. Л. 125–126.

⁴⁶ Там же. Л. 77–84, 121–124.

⁴⁷ Там же. Л. 97. Золотые посылались в том числе и потому, что аналогичное жалование, отправленное в декабре 1682 г. с дьяконом кремлевской Воскресенской церкви («Воскресенского собору, что у великих государей на сенех») Иаковом, по каким-то причинам не было отвезено в Чернигов.

⁴⁸ Там же. Л. 98–100.

воевода заявлял о трудности пути, требовавшего значительного количества людей: «от Орла мимо города Кром до Севска того колокола весть нечим, потому что от Орла до Севска реки и переправы и ржавцы многие, а таких конатов взять негда и малолюдством тот колакол весть невозможно». Наконец, Изъединов выражал недовольство и тем, что орловским посадским и служилым людям велено везти колокол до Севска, а не до Кром, как обычно: «а наперед сего вашу великих государей всякую казну с Орла важивали Орловского уезду всяких чинов, а проваживали грацкие люди стрелцы и драгуны да Кром, а не до Севска»⁴⁹. В Москве жалобы Изъединова вызвали очевидное недовольство. В.В. Голицын, которому отписка была доложена 28 мая, распорядился (решение записано на обороте дьяком Е.И. Украинцевым) послать в Орел новую грамоту с требованием беспрекословного исполнения ранее данных распоряжений, отпустив архиепископский колокол «в Севск тотчас без всякого мотчанья, не дожидаясь о том к себе иного нашего великих государей указу, а канатов и иных снастей, что надобно к тому колоколу велеть взять из Кром, а буде посадскими и служилыми людьми того колокола поднять не мочно, и ты б велел и уездными людьми помочь учинить, применяясь к прежнем таким отпуском, чтоб однолично не за чем тому колоколу мотчанья в отпуске не учинить и отпустить тебе тот колокол с Орла без всякого задержания не описываясь к нам, великим государем ни о чем». «А буде вскоре не отпустишь, — грозила Изъединову царская грамота от 29 мая, — и тебе по нашему великих государей указу тот колокол велят поставить в Севску самому на своих подводах»⁵⁰. К воеводе Кром князю Ивану Тимофеевичу Волконскому на следующий день направили грамоту с распоряжением выдать Изъединову необходимые снасти для транспортировки колокола, если от него последует соответствующий запрос. После прибытия груза в Кромы Волконский должен был незамедлительно выдать под него новые подводы⁵¹. 7 июня колокол был доставлен в Орел, и Изъединов после полученного нагоняя отправил его в Кромы сухим путем, «сделов станок на медветках», на орловских подводах 13 июня. Транспортировка осуществлялась силами орловских отставных дворян и детей боярских городской службы и «грацкими всяких чинов людьми». 16 июня Изъединов получил отписку Волконского, что колокол доставлен туда «в целости», принят «у орловских проводников» и «отпушон на кромских подводах» с местными провожатыми⁵². К 24 июня дьякон Антоний с ценным грузом благополучно добрался до Севска, откуда был отпущен воеводой Л.Р. Неплюевым с подводами и провожатыми в Новгород-Северский⁵³.

Получение царской милостыни на астрономическую сумму и в желаемом объеме должно было убедить Лазаря Барановича в особом расположении к нему царского двора. Это давало черниговскому архиепископу надежду на сохранение подобного же уровня отношений и материальной поддержки, а возможно, и более широких политических преференций с учетом начавшихся переговоров гетмана и русского правительства о выборе Киевского митрополита. Не желая упускать время царского фавора, уже спустя год Лазарь Баранович вновь направил Антония Прокоповича (произведенного теперь в архидьяконы) в Москву с новым набором просьб и пакетом грамот царям и Софье

⁴⁹ Там же. Л. 101–102.

⁵⁰ Там же. Л. 101 об., 104–105 об.

⁵¹ Там же. Л. 107–108.

⁵² Там же. Л. 109–110.

⁵³ Там же. Л. 111–112.

от 27 декабря 1683 г. (поданы в приказ 28 января 1684 г.). В этих посланиях он, поздравляя царственных особ и Голицына с Рождеством, благодарил за доставленный колокол и листовое железо. В частности, в письме Софье владыка Лазарь отмечал: «Мудрость zde человека домовита в вашем пресветлом величестве, яко не точию преславном своем государстве российском, пречестные и чудотворные обители в славу Богу и Богородицы созидаете, устроите и укрошаете, но и zde, в Малой России между иными святыми обителями новостроящемуся вышеписанному Святыя Троицы монастырю тая ж де являете благодееине, обычай бо добре управляющим дома своя, не точию близ сущих, но и далних своих сих домочатцов не презираете». Благодаря Софью, что она защищает «новосозидающуюся ту обитель премилостивейшим своим государским жалованьем от всяких скудостей и недостатков», архиепископ, причислявший себя к «дальним домочадцам» царского дома, просил царевну поддержать его просьбы «в малых неких нуждах», о которых подробнее должен был донести дьякон Антоний.

И царям, и царевне Лазарь посылал экземпляры недавно изданных им книг: «книжицу малую под именем “Благодать и истинна”», написанную «в славу их великих государей» и другую — «О чудесех иконы Пресвятыя Богородицы Ильинской черниговской» (и дополнительно царям: «доску медную к той же книжице зделанную»; царевне: 12 книг «О Пресвятей Богородице» на польском языке, одна из которых содержала дарственную надпись «особо, — как писал архиепископ, — вашему пресветлому величеству от смирения моего приписаную»)⁵⁴.

О том, что за «нужды» заставили Лазаря Барановича вновь прислать в Москву Антония Прокоповича, более конкретно сообщалось в письме В.В. Голицыну. «Известно же благородию твоему творю, — писал архиепископ, — яко к иным моим печалем, которыми Господь Бог в старости моей посещает мене, не малую приобретох печаль, егда колокол, от их царского пресветлого величества за многомошным благородия твоего предстательством присланный, вскоре распадеся, Богу сведущу, какими случаи». Лазарь Баранович подчеркивал, что возвратившийся в Чернигов в начале лета 1683 г. Антоний Прокопович «зело хвалился» оказанной ему Голицыным «величайшею» милостью и в связи с этим просил главу русского правительства вновь похлопотать об

⁵⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 1–11, 129–135об. Материалы второй поездки Антония Прокофьева в составе дела также представлены в столбцах (Там же. Л. 1–127) и частично в тетрадях, куда были переписаны столбцы (Там же. Л. 128–151об.). Один из фрагментов тетради сохранился как отдельное дело (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 1–6). Материалы дела № 4 за 1684 г. частично опубликованы [Sakal 2017]. В публикации в заголовках документов № 1 и 2 указаны ошибочные даты; автор не приняла во внимание сохранившиеся тетрадные списки писем (см. выше), в связи с чем письмо архиепископа к царям напечатано не полностью (фактически лишь окончание). Об отправке книг первым, по-видимому, упомянул Н.Ф. Сумцов [Сумцов 1885, 141], вслед за ним И.А. Шляпкин [Шляпкин 1891, 127]; отдельно об этом также написал К.В. Харлампович, уточнивший, что книги предназначались всем членам царского дома [Харлампович 1914, 452]. В целом это факт в научной литературе известный. Точную роспись 40 книг, присланных архиепископом, см.: РГАДА. Ф. 124. 1684 г. Д. 4. Л. 55–56, 136–137. Помимо четырех книг для Ивана и Петра, Софья получила 14 книг (см. выше), остальные представительницы царского дома, в том числе царица Прасковья Федоровна, супруга царя Ивана IV, мать Петра I Наталья Кирилловна, вдова царя Федора Марфа Матвеевна получили по экземпляру «Благодати и истины» и повествований о чудесах икон. Еще 16 книг предназначалось неназванным по имени «благородным государыням царевнам и великим князям» (8 шт. «Благодати и истины» и столько же экземпляров повествований о чудесах иконы).

удовлетворении нужд архиепископа и особенно — чтобы «мастера прислать сюды велели для перебивки того государева колокола и меди б на угар пожаловали»⁵⁵.

12 февраля в Пушкарский приказ была отправлена память об исполнении просьбы черниговского владыки. «На угар х колоколу» следовало послать 30 пудов меди, а также «дву человек колокольных мастеров добрых, которым бы то дело было за обычей»⁵⁶. В ответной памяти из Пушкарского приказа 18 февраля сообщалось, что медь для отправки в Чернигов готова, а для поездки туда назначен колокольный мастер Яков Леонтьев⁵⁷. На следующий день была отправлена память в Ямской приказ с указом выдать подводы под 30 пудов меди для отправки к Лазарю Барановичу⁵⁸.

Основная часть миссии дьякона Антония была, таким образом, завершена, в связи с чем его решено было отпустить из Москвы с посланиями к черниговскому архиепископу. В грамоте царей Ивана и Петра от 21 февраля Лазаря Барановича благодарили за присылку книг и уведомили об отправке колокольной меди и литейщика для починки колокола (подчеркивалось, что это решение принято «по доношению» В.В. Голицына). Здесь фигурировало другое имя литейщика, нежели в памяти из Пушкарского приказа. Для переделки колокола весом в 206 пудов из церкви Григория Неокесарийского после праздника Пасхи в Чернигов должен был отправиться Федор Моторин, «которой тот колокол лил»⁵⁹. Царевна Софья благодарила архиепископа за присланные книги отдельной грамотой, аналогичной по содержанию⁶⁰, схожее послание направил в Чернигов и Голицын⁶¹.

Около 24 февраля архидьякон Антоний покинул Москву с царскими грамотами и жалованьем (этим днем датирован указ о выдаче архидьякону и его спутникам поденного корма на неделю с прекращением его выдачи впредь)⁶². Для завершения «колокольного дела» в столице остался один из посланцев владыки Лазаря — черный поп Иосиф, который подал челобитную о назначении ему отдельного содержания. Оно было установлено с 27 февраля⁶³.

Пасха наступила в 1684 г. достаточно рано, 30 марта⁶⁴, однако сборы в дорогу колокольных мастеров начались лишь в конце мая. При этом в первоначальные

⁵⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 12–15.

⁵⁶ Там же. Л. 36, 143–143об.

⁵⁷ Там же. Л. 37–38.

⁵⁸ Там же. Л. 39. 20 февраля последовало распоряжение и о выдаче подвод для архидьякона Антония (пять штук «с санми и з проводники»). См.: Там же. Л. 40.

⁵⁹ Там же. Л. 47–50. В грамоте перечислялось посланное архиепископу царское жалованье: «два меха лисьих черевых, три испода черевых песцовых, пять исподов песцовых хрептовых, да сукна лундышу черного доброго два портища». Отдельно владыке Лазарю посылалась книга «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого. Жалованье мехами (всего на 70 руб.) и тканями посылалось именно за присланные книги. Экземпляр «Вечери душевной» Лазарь Баранович был пожалован по его челобитью. См.: Там же. Л. 55–70, 144–144об., 145об.–147об.

⁶⁰ Там же. Л. 51–54.

⁶¹ Там же. Л. 71–74, 148–149об. Между прочим, князь благодарил архиепископа за присланные к нему ранее через стольника Якова Ивановича Дивова образы «Вседержителей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и матере его, Пресвятые Владычицы наши Богородицы и Приснодевы Марии», а также вручение «нескольких книг» через посредство архидьякона Антония.

⁶² Там же. Л. 75.

⁶³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 76–80, 150–151об.; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 1–4об. Антоний оставил Иосифа «для колокольного мастера с архиепископским слугою и с лошедью».

⁶⁴ См. документы о выдаче священнику Иосифу и его службе жалованья в честь Пасхи в соответствии с нормами предыдущего года: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 81–84; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 15. Л. 4об.–6.

планы их отправки, изложенные в том числе в царских февральских грамотах Лазарю Барановичу, были внесены определенные коррективы. 22 мая из Пушкарского приказа в Малороссийский были присланы «для посылки в Чернигов» колокольный мастер Яков Иванов в сопровождении «колокольных учеников» Лаврушки Ильина, Филатки Яковлева, Сеньки Вахромеева⁶⁵. 24 мая Яков Иванов подал в приказ «роспись на колокольной образец», содержавшую перечень припасов, необходимых для переливки колокола. Приказные подготовили на основе ее доклад, разделив, со слов Иванова, все необходимые материалы на две статьи: те, которые надо было доставить из Москвы в Чернигов, и те, которые можно было добыть на месте, в хозяйстве Лазаря Барановича или при его помощи. Соответственно, был поставлен вопрос об изыскании припасов первой статьи путем их покупки или получения в Пушкарском приказе (или в других ведомствах). Решение по докладу записано не было⁶⁶. 2 июня в Малороссийском приказе была дана память в Пушкарский приказ об отправке в Чернигов с Яковом Ивановым двух пудов проволочного железа, 30 гривенок «укладу», пяти гривенок тазовой меди, 10 колодок луженых гвоздей, также следовало выдать «мешечик дутой малинкой»⁶⁷. 6 июня в Ямской приказ направили память о выдаче подвод для колокольного мастера, его учеников и отправляемого с ними груза до Чернигова⁶⁸. Тем же днем датирована память о выделении подвод для священника Иосифа (здесь он назван Феодосием)⁶⁹.

Нерешенным оставался вопрос с жалованьем Якову Иванову и «колокольным ученикам». Около 5 июня мастер и ученики подали челобитную с просьбой выдать им подъемные и кормовые деньги⁷⁰. На следующий день в Малороссийском приказе последовало распоряжение «отписать в Черниговской стол, великих государей жалованья почем давано колокольного дела мастером и учеником для посылок, подъемных и кормовых денег и иным мастеровым людям, которые посылаемы в Киев». Ожидаемо выяснилось, что «колокольным мастером и учеником в Киев посылок не бывало», однако в 188 (1679/80) и 189 (1680/81) годах туда посылались «гранатного дела мастера и ученики», а также «мостового дела мастер». Им выдавалось жалованья «против московских стрелцов по два рубли человеку в посылку»⁷¹. В составленной докладной выписке по челобитной Иванова «на пример», помимо указанных случаев, были выписаны прецеденты выдачи жалованья («в дорогу на корм по 2 рубли человеку») посылавшимся в Батурин в 191 (1682/83) г. сокольнику Леонтию Коноплеву и «каменных дел подмастерью» Никите Короткову. 7 июня было записано распоряжение В.В. Голицына о выплате Иванову 2 руб., ученикам по 1,5 руб. каждому⁷². Деньги были выданы на следующий день⁷³.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 85. О поездке колокольного мастера Я. Иванова в 1684 г. в Чернигов кратко, буквально одной фразой: упомянул К.В. Харлампович, не раскрывая ни ее цель, ни иные связанные с ней обстоятельства [Харлампович 1914, 337]. Вслед за Харламповичем об этом написал В.Л. Модзалевский [Модзалевский 1921, 19].

⁶⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 86–89. Роспись по «велению» Я. Иванова писал тяглец Сретенской сотни Афонька Иванов. Публикацию доклада см. в приложении, документ № 2.

⁶⁷ Там же. Л. 90.

⁶⁸ Там же. Л. 91–92.

⁶⁹ Там же. Л. 93.

⁷⁰ Там же. Л. 100.

⁷¹ Там же. Л. 96.

⁷² Там же. Л. 101–102.

⁷³ Там же. Л. 103.

7 июня датирована царская грамота Лазарю Барановичу с уведомлением, что вместо обещанной отправки Федора Моторина к нему направляется Яков Иванов, «которой к такому делу, как и тот, вышеупомянутой мастер, навычен», трое «добрых» учеников и «припасы» для переливки колокола. Моторин не мог приехать, поскольку он, как сообщалось в грамоте, «ныне у наших царского величества колокольных и пушечных многих дел на Москве, а вскоре ему зделать тех дел не мочно»⁷⁴. О самой работе Якова Иванова в Чернигове и дальнейших контактах Лазаря Барановича с Москвой касательно материальной помощи для сооружения Свято-Троицкого Ильинского монастыря информации найти не удалось.

Между тем колокол, отлитый для Лазаря Барановича, но показавшийся дьякону Антонию недостаточно большим и потому оставленный в Москве, сохранился до наших дней. До революции 1917 г. он принадлежал храму Введения во храм Пресвятой Богородицы на Большой Лубянке (ныне на этом месте площадь Воровского) и был описан в его истории, составленной в конце XIX в. священником Николаем Антушевым. Автор терялся в догадках, откуда подобный памятник колокольного искусства мог взяться на колокольне [Антушев 1897, 161–162]⁷⁵.

После сноса Введенской церкви колокол в 1924 г. был передан в Покровский собор на Красной площади, где более 60 лет хранился во внутреннем дворе. В 1991 г. его подняли на колокольню собора, где он, будучи вторым по величине, выполнял функцию полиелейного в колокольном ансамбле. Ныне благодаря исследованию А.Ф. Бондаренко нам известно его подробное описание. Исследовательница отмечает богатый декор колокола, выполненный «с большим художественным вкусом». «Несомненно, что столь сложное и пышное убранство колокола, — пишет А.Ф. Бондаренко, — могло быть лишь плодом совместных усилий очень хорошего художника-орнаменталиста и литейщика высшего класса. Опираясь на сложившиеся традиции и тонко чувствуя особенности формы украшаемого изделия, они стремились к достижению необычайно пластического богатства рельефа». На колоколе присутствуют три надписи. Первые две содержат дату отливки — 7191 (1683) г. и имя мастера, который ее выполнил — Федор Моторин. Третья надпись позволяет безошибочно соотнести колокол с царским «колокольным» жалованьем Лазарю Барановичу: «Сей колокол изволили послать в епархию Черниговского архиепископа Лазаря Барановича Святые Троицы в монастырь во Ильинский черниговский по обещанию брата своего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца, его царского величества / И послан сей колокол с Москвы в лето от сотворения мира 7191, а от Рождества сына слова Божия 1683 месяца генваря в 20 день, весу 104 пуда 21 гривенка московского литья» [Бондаренко 2002, 55–58]⁷⁶. Как уже отмечалось, память в Пушкарский приказ об отливке колокола была послана 15 января, а уже 28 было принято решение о замене колокола на более тяжелый из церкви Григория Неокесарийского. Учитывая официальную дату отливки — 20 января, можно предположить, что

⁷⁴ Там же. Л. 97–99.

⁷⁵ Церковь была сооружена при великом князе Василии III, в 1514–1518 гг., после Смуты была приходской церковью во владениях князя Д.М. Пожарского, который до строительства Казанского собора на Красной площади хранил там знаменитую Казанскую икону [Антушев 1897, 23–60].

⁷⁶ Благодарю автора за уточнение надписи на колоколе Лазаря Барановича. Надпись, пусть и не полностью, приведена также в труде священника Николая Антушева. См.: [Антушев 1897, 161].

работы по подготовке к ней были начаты одним из лучших царских литейщиков немедленно после получения соответствующего распоряжения либо даже заранее. Это в очередной раз свидетельствует о высоком значении, которое придавалось в тот момент в Москве просьбе Лазаря Барановича и исключительной расположенности царского правительства к персоне Черниговского архиепископа. Для последнего, впрочем, вес колокола был важнее его художественных достоинств и помещенной на него информации о беспрецедентном царском жаловании. Благодаря этому колокол в 104 пуда — уникальный, по мнению А.Ф. Бондаренко, памятник русского колоколотейного искусства и «яркое произведение моторинской династии» остался в Москве навсегда [Бондаренко 2002, 62].

Сохранились данные и о судьбе двухсотпудового колокола из церкви св. Григория Неокесарийского, также созданного Федором Моториным, который был благополучно доставлен летом 1683 г. в Чернигов и отремонтирован спустя год Яковом Ивановым. В конце декабря 1696 г., заручившись рекомендательной грамотой от гетмана Ивана Мазепы, в русскую столицу двинулся игумен черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря Лаврентий Крщонович. Гетман рекомендовал его как «мужа благочестива разума и добродетелей полного», который «о своих монастырских требованиях к пресветлому вашему монаршескому хочет прибегати престолу, х которому всей подсолнечной всякие духовные чины имеют свое прибежище». Ильинский монастырь — это, по словам гетмана, «обитель [...] старинная и многочюдесную Пресвятой Девы Богородицы иконою славная». Соответственно, Мазепа просил «в его (Лаврентия Крщоновича. — К.К.) прошениях показати премилосердную свою монаршескую милость»⁷⁷.

Помимо письма Мазепы, Лаврентий Крщонович доставил в Москву две грамоты Киевского митрополита Варлаама Ясинского четырехлетней давности — царям Ивану и Петру Алексеевичам, а также патриарху Адриану. Выданы они были митрополитом во время посещения Ильинского монастыря летом 1692 г., когда, по его словам, «по должности моей посещах церкви малоросиские державы вашего царского пресветлого величества, ко архиепископии здешней Киевской митрополии належащая, осмотра ради всякаго благочиния церковнаго». Уже возвращаясь в Киев, митрополит «уклонихся мало и в епархию Черниговскую, ведая тамо чудотворную быти икону Пресвятыя Богородицы близ самого града Чернигова в монастыре Ильинском Свято-Троецком, дабых оной прислушающее сотворил поклонение». В Чернигове Варлаам Ясинский «преосвященному в душе святом отцу моему, господину отцу Лазарю Барановичу, архиепископу Черниговскому, честь должную от сына воздал». Поездка была связана с обещанием посетить Черниговскую епархию, которое митрополит дал владыке Лазарю ранее, возвращаясь с поставления из Москвы. В Ильинском монастыре митрополит обозрел построенную трудами черниговского архиепископа «церковь велику каменную во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы» и помолился чудотворной иконе Пресвятой Богородицы «за пресветлую державу [...] царского величества, их же благополучным царствованием и всещедротным промыслением церкви Божия на чудотворных святых местах созидаются». Построив обширный каменный храм, черниговский архиепископ решил «по образу Киево-Печерские святые обители от пещеры и тесноты ветхаго монастыря

⁷⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1–3. Перевод датирован 27 декабря 1697 г. (год указан с ошибкой, должен быть 1696-й).

преселенные и распространенные яко самую воспоминаемую чудотворную икону Пресвятыя Богородицы от малыя церкви Святого пророка Илии перенести в великую строителством и окладом его созданную церковь Святыя Троицы, тако и монастырь весь на пространнейшее то место переселити». Это требовало очередных крупных расходов на строительство монастырских зданий, и соответственно Киевский митрополит стремился поддержать Лазаря Барановича («церкви Христовой полезного и престолу вашего царского пресветлого величества от древних лет верна и радателя сушаго») и игумена Ильинского монастыря Лаврентия Крщоновича, попросив Москву о материальной поддержке («прещедрая милости») обители, которая «основана есть от святыя памяти предка вашего царского пресветлого величества сродственного благоверного великого князя Святослава Ярославича, внука святому равноапостолному великому князю Владимиру Самодержцу». «На сень бо крилу тривенечного орла вашего царского пресветлого величества Тройческий сей храм надеетца непостыдно», — завершал Варлаам Ясинский свое послание, написанное «во время присудствия» митрополита «в Чернигове в монастыре Свято-Троицком Ильинском»⁷⁸.

Указанные письма были поданы в приказ прибывшим в столицу игуменом Лаврентием 24 января 1697 г.⁷⁹ 27 января он собственноручно подал дячку Е.И. Украинцеву челобитную, которая раскрывала тот характер материальной поддержки, на которую он рассчитывал, и подтверждающий расходы документ — подрядную запись на переливку колокола, заключенную с «человеком» Ивана Моторина (был сыном Федора Моторина, который умер в 1688 г. [Костина 2014, 146–147]) Семеном Федоровым от июля 1696 г.⁸⁰ Из этих документов следует, что пожалованный царями в 1683 г. и починенный Яковым Ивановым в 1684 г. колокол к 1696 г. «изволением Божиим разбился». Теперь уже игумен Ильинского монастыря Лаврентий Крщонович нанял нового мастера, Семена Федорова, «человека» Ивана Моторина, для новой переливки колокола, за которую обитель должна была заплатить из своих средств. 8 июля 1696 г. был заключен договор с Семеном Федоровым, по которому он обязался к октябрю того же года переделать колокол «добрым мастерством з голосом красным и класти на том колоколе травы и лица, и ево, великого государя, его царского пресветлого величества герб с написанием титулы его государственной». Кроме того, Федоров должен был добавить в новое изделие «красной меди», чтобы увеличить его вес до 250 пудов. За переливку и за добавленный металл Лаврентий Крщонович обязался заплатить московскому литейщику 326 руб. Чтобы добыть такие средства, ему пришлось заложить в Киево-Печерском монастыре «золотую гривну з дорогим камением».

В своей челобитной Лаврентий Крщонович также объяснял, почему он решил воспользоваться митрополичьими рекомендациями, данными более четырех лет назад. Причиной этого было сначала отсутствие средств на поездку в Москву, затем кончина архиепископа Лазаря Барановича (1693 г.) и, наконец, смерть его наследника на черниговской кафедре Феодосия Углицкого

⁷⁸ Там же. Л. 4–12. Текст грамоты датирован 27 июля 1692 г. См. также аналогичную грамоту от киевского митрополита патриарху Адриану: Там же. Л. 29–32. В ней владыка Варлаам среди прочего отмечал, что «сей новосоздающейся обители и церкви примесилася бе некая противность, яко чрез лет шесть не баше о той церкви попечения, о чем тако попустившу, но паки ныне тщанием сего ж всечестного игумена Лаврентия и тому же иждивением благочестивого гетмана Ивана Степановича Мазепы благоустроится и киот чудотворной иконе пресвятой Богородицы драгоценный соделоватся, иконы же благолепны ко церкви новосозданной готовятся» (Там же. Л. 31).

⁷⁹ Там же. Л. 1, 4.

⁸⁰ Там же. Л. 22.

(умер в феврале 1696 г.)⁸¹. Хотя, возможно, рекомендательные письма Киевского митрополита были придержаны Лаврентием специально в ожидании действительно значимых расходов, которые царская милостыня могла бы полностью или частично компенсировать при поддержке Варлаама Ясинского. Пожалованный в монастырь царский колокол был, таким образом, в 1692 г., скорее всего, еще цел и невредим. Его разрушение где-то в конце 1695 – начале 1696 г. заставило игумена Лаврентия пустить митрополичьи рекомендации в дело. Однако результата это не дало: если просьба Лаврентия Крщоновича о даровании Свято-Троицкому Ильинскому монастырю архимандрии была удовлетворена 23 февраля 1697 г.,⁸² то его челобитье о колоколе обошли молчанием (доклад был подготовлен, но решения по возмещению расходов на переливку колокола нет), ограничившись выдачей жалованья за присланные книги и иные «святыни» (указ от 7 марта)⁸³. В марте 1699 г., заручившись рекомендательными письмами И.С. Мазепы⁸⁴ и черниговского архиепископа Иоанна Максимовича⁸⁵, архимандрит Лаврентий предпринял последнюю попытку добиться возмещения средств за колокол, направив в столицу наместника Варлаама с ценным подарком, каковым был «Образ Святыя Троицы, писаной на полотне в рамках золоченых» (подал грамоты в Малороссийский приказ 28 марта⁸⁶). В направленном с ним послании на царское имя Лаврентий Крщонович, словно подводя итог царским милостям в отношении обители за прошедшие годы, писал, что великий государь «яко не токмо хлеб милости своея и одеяние дал еси обители нашей, одеяв церковь Троицы Святой железом и украсив царским своим колоколом, но и венцем архимандричества, венцем славы и чести увенчал еси и положил еси на главе ея венец от камене честна, от камене превысокого имяни своего». Тут же архимандрит напоминал о своей просьбе двухлетней давности и просил самодержца заложенную в Киево-Печерской лавре золотую гривну «Пресвятыя Богородицы выкупити по своему царскому обещанию»⁸⁷. Однако составленный по этой просьбе доклад вновь остался без решения, завершившись лаконичной пометой: «по сей выписке указу не учинено»⁸⁸. Указ о выдаче возвращавшемуся в Чернигов наместнику Варлааму десяти подвод (в том числе под покупки и пожалованные в монастырь вино и ладан) датирован 8 апреля⁸⁹, грамота И.С. Мазепе об отпуске из столицы духовных лиц – 10 апреля. В последней сухо объявлялось, что царский указ в ответ на челобитье Лаврентия Крщоновича «учинен будет впредь»⁹⁰. Судя по всему,

⁸¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 26–28; РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1092. Л. 1. См. также приложение, док. № 3 и 4.

⁸² См. подробнее: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 43–52, 69–76. Этим днем датирован соответствующий царский указ. В архимандрию Лаврентий Крщонович был поставлен 28 февраля; царская жалованная грамота на архимандрию датирована 22 марта.

⁸³ Там же. Л. 56–68об. Лаврентий Крщонович доставил царям следующие дары: «образ Пресвятыя Богородицы, писан на медной цке в рамках золоченых»; «Образ Пресвятыя ж Богородицы, печатан на обьяри со Азовскою победою и с ыными приписми»; «другой такой же образ на александринской бумаге печатан»; пять книг «Руно орошенное», в том числе одна «оклеена обьярью золотною травчатою, науголники и застешки серебряные», а еще две – «обьярью серебряною зеленою». За книги и образы велено было выдать 100 руб. соболями.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699 г. Д. 15. Л. 1–3. Письмо от 9 марта 1699 г. из Батурина.

⁸⁵ Там же. Л. 4–7.

⁸⁶ Там же. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Л. 8–16, 20. Письмо от 10 марта 1699 г.

⁸⁸ Там же. Л. 17–19.

⁸⁹ Там же. Л. 25.

⁹⁰ Там же. Л. 27.

добиться трехсотрублевой компенсации за перелив колокола не удалось, несмотря на красовавшийся на нем царский герб.

«Колокольные посольства» Лазаря Барановича 1681–1684 гг. стали примером того, как архиепископ, пользуясь тем расположением, которое ему оказывали в Москве, попытался выйти за традиционные рамки, определявшие формы и размер царской милости и жалования для украинских церквей и монастырей, и получить — именно в материальном измерении — значительно большую поддержку. Это ему удалось, русское правительство пошло на значительные траты вопреки сложившимся прецедентам и тем самым фактически превратилось в одного из крупнейших ктиторов Черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря. Изготовление и доставка колокола обошлись царским властям в крупную сумму денег, при этом, например, листовое железо, как свидетельствовала докладная выписка января 1683 г., часто было в дефиците, стоило также немало, и значительная часть его ввозилась из-за границы через Архангельск. Пожалованные Лазарю Барановичу «белое железо», колокол и связанные с этим расходы составили, по приблизительным оценкам, более 1,5 тыс. руб. (ок. 1 тыс. руб. колокол⁹¹, ок. 300 руб. переливка в 1684 г.⁹², ок. 360 руб. жезл на купола⁹³) и вполне могут быть поставлены в один ряд с беспрецедентно высокой царской милостыней, выданной митрополиту Петру Могиле и малороссийским монастырям в 1644 г. Подобные расходы, осуществленные за счет дворцового ведомства, предположительно, под личным контролем царевны Софьи и князя В.В. Голицына, имели, безусловно, политическое значение. Как уже отмечалось, в указанное время между гетманом и русским правительством велись переговоры о выборе Киевского митрополита, и Москва, судя по всему, благосклонно относилась к возможности избрания на киевскую кафедру Лазаря Барановича, бывшего блюстителем митрополии [Флоря, Кочегаров, Чеснокова, Яфарова 2019, 57–69, 75–100], хотя патриарх Иоаким и порицал его за старческую немощь и проистекавшую из этого неспособность в полной мере исполнять пастьерские обязанности [Сумцов 1885, 161] (см. также [Там же, 76])⁹⁴. Против такого избрания, однако, выступил гетман Иван Самойлович, отношения которого с владыкой Лазарем складывались не лучшим образом (возможно, именно поэтому архиепископ не захотел иметь колокол весом в 104 пуда, на шесть пудов легче стодесятипудового гетманского). Гетман имел своего кандидата — беглого луцкого епископа князя Гедона Святополк-Четвертинского. В итоге русское правительство заняло нейтральную позицию, чтобы не провоцировать углубление раскола в украинском обществе в преддверии митрополичьих выборов. Летом 1685 г. на митрополичий престол был избран князь Гедон, а Лазарь Баранович, проигнорировавший выборы вместе с духовенством своей епархии (см. подробнее: [Флоря, Кочегаров, Чеснокова, Яфарова 2019, 75–100]), в свою очередь, мог затаить обиду на своих московских покровителей. Как отметил Н.Ф. Сумцов, после 1685 г. интенсивные ранее контакты черниговского архиепископа с Москвой практически замирают вплоть до свержения гетмана в 1687 г. [Сумцов 1885, 160]⁹⁵.

⁹¹ Цена подсчитана исходя из денег, которые должен был заплатить за колокол И. Самойлович в 1680 г. См. приложение, док. № 1.

⁹² Цена ориентировочная, основана на стоимости работ по переливке 1696 г. См. приложение, док. № 3 и 4.

⁹³ См. примечание 27.

⁹⁴ Воссоединение Киевской митрополии, 328.

⁹⁵ См. также: Письма преосвященного Лазаря Барановича, 225–228 (письмо Лазаря Барановича царевне Софье от сентября 1686 г. с ходатайством о прием в дар «книжицы», посланной в Москву Иоанникием Галятовским).

Вместе с тем стремление черниговского архиепископа вслед за украинским гетманом заполучить на колокольную опекаемого им монастыря московский колокол свидетельствовали о заинтересованности украинского духовенства и светских властей Гетманщины в продукции московских литейщиков самой по себе. Так или иначе, процесс отливки столичными мастерами колоколов для малороссийских церковных центров получил дальнейшее развитие в заказах для киевских храмов⁹⁶. Возможно, дальнейшие исследования на основе архивных материалов этого и иных сюжетов дадут в руки исследователей и другие подобные примеры, изучение и систематизация которых позволит выйти на более широкие обобщения касательно культурной интеграции русского и украинского обществ во второй половине XVII — первой половине XVIII в.

В приложении публикуются документы, касающиеся изготовления и ремонта колоколов для черниговских монастырей. Публикация осуществлена по «Правилам издания исторических документов» (М., 1990), при этом в помете на документе № 3 и во всем документе № 4 сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое значение в русском и украинском языках того времени.

Приложение

№ 1.

1680 г. сентября 5. Рядная запись колокольного мастера Федора Дмитриева сына Моторина с войсковым канцеляристом В.Л. Кочубеем и учителем гетманских детей П. Ясильковским об изготовлении церковного колокола весом в 110 пудов.

(Л. 48) Список з записи слово в слово.

Аз, Рейтарского приказу государевых колоколных дел мастер Федор Дмитриев сын Моторин, подрядился я, Федор, на Москве гетмана Ивана Самойловича у посланника ево войскового канцеляриста у Василья Левонтьевича Кучубея да его ж, гетмана, Ивана Смойловича детей учителя у Павла Ясильковского, что вылить мне, Федору, в своей меди во сто в десять пуд или малым чем болши или малым чем менши колокол на имя гетмана Ивана Самойловича в доброй колоколной и красной меди, и положить прутовое аглинское олово безо всякие хитрости добрым мастерством, чтоб у того колокола звон был крепкой и мочной, а уши зделать воляшны толсты для особой крепости, а край б у того колокола и плотно, и дно было б цело и толсто, и ровно, а лепить и гетманское имя положить мне словами против их росписи, какову они, Василей и Павел, дадут. А от дела того колокола и за медь рядил я, Федор, у них, Василья и у Павла, за всякой пуд по четыре рубли с полтиною и тех рядных денег взял я, Федор, у них, у Василья и у Павла, наперед по сей записи двести рублей. А досталные денги по розчету взять (л. 49) мне, Федору, как тот колокол зделаю и отдам. А вылить мне, Федору, тот колокол и совсем в отделке отдать им, Василью и Павлу, на Москве на срок на Филипово заговейно в нынешнем же во сто осмьдесят девятом году. А будет волею Божиею тот колокол на тот срок не вылетца или не удасться и мне, Федору, тот колокол перелить за тою ж рядою на другой срок на Рождество Христово в нынешнем же во сто осмьдесят девятом году, а во всем против сей записи. Порукую по мне, Федоре, кодашевец Федор Яковлев сын Турченини⁹⁷. А будет я, Федор, за ево порукую того колокола на те сроки не вылью и им, Василью и Павлу, или кого

⁹⁶ Подробнее этот сюжет автор планирует рассмотреть в отдельном очерке.

⁹⁷ Ф.Я. Турченин — торговец из Кадашевской слободы, выступавший посредником в сделках Ф.Д. Моторина с частными лицами, а также поставлявший ему медь и олово [Костина 2014, С. 146].

с сею записью гетман пришет, не отдам, и в том каких убытков учиню и им, Василью и Павлу, или кого пришет⁹⁸, взять по сей записи на мне, подрядчике, и на мне, поруччике, кто из нас в лицах будет, те денги двести рублей и убытки, и протори, и волокиту по своей скаске. А на то послухи Аврам Кирилов, Евдоким Анофреев, Степан Карпов, Иван Богданов, а запис писал Ивановские площади подьячий Нестерко Чередин лета 7189 году сентября в пятый день.

(Л. 50) А назади той записи руки приложены.

К сей записи Федор Моторин, что я подредился колокол зделать и денег двести рублей взял, и руку приложил.

К сей записи вместо хозяина своего Федора Яковлева сына Турченина по ево веленью сиделец ево Юрка Марков руку приложил.

Послух Аврамка руку приложил.

Послух Евдокимко руку приложил.

Послух Стенка руку приложил.

Послух Ивашко руку приложил.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 48–49. На л. 49об. и 50об. подпись В.Л. Кочубея по скрепам листов *К сему списку Василий Кочубей руку приложил, а подлинную запис // к себе взял*. На л. 50об. приказная помета: *Приезд войскового канцеляриста Василья Кучюбея*.

№ 2

Докладная выписка с росписью припасов, необходимых для переливки колокола, пожалованного в черниговский Свято-Троицкий Ильинский монастырь.

(Л. 87) Доклад.

В нынешнем во 192-м году мая в 24 день в Приказе Малыя Росии подал Пушкарского приказу колокольного дела мастер Яков Иванов за рукою Посолского приказу площадного подьячего Ивашка Семенова роспись, что надобно на колокольное дело припасов. А в росписи написано:

Свицкого железа — 30 пуд; проволошного железа — 2 пуда; укладу — 30 гривенок; меди тазовой — 5 гривенок; гвоздей — 10 колодок луженых; 10 рогож це-
новок; дутой мешечик малинкой; гвоздей полутесовых — 200; тесовых — 100; да на колокольную медь олова по 2 гривенки на пуд, итого 10 пуд; да на прибыльную медь на 30 пуд, по 6 гривенок на пуд, итого 6 пуд; обо того⁹⁹ олова — 16 пуд.

(Л. 88) А ис которого приказу взять те припасы или в ряду купить, о том великие государи что укажут.

Да сверх того по той же росписи надобно припасов: 600 кирпичю не зженого; 20 000 кирпичю зженого; сусла — 50 ведр; воску — 30 гривенок; серы еловой — 10 гривенок; сала говяжьего топленого — 2 пуда¹⁰⁰; ветчинного сала — полпуда; полоть ветчины; 2 кадушки по 20 ведр; 2 кадки¹⁰¹ липовых по 2 сажени в длину, а поперег в 3 чети; 2 ушата; 2 корыта; 2 решета; 2 сита; 4 ковш; 6 но-
чвы¹⁰²; 2 ступы; 20 лопат; 4 гривенки щетин; да коровьи шерсти пуд; золы¹⁰³ четверть; 100 веревок лышных; 100 сажен прививошных веревок; пенковых

⁹⁸ Слово написано два раза: в конце строки и в начале следующей.

⁹⁹ То есть всего.

¹⁰⁰ В росписи, поданной в приказ Я. Ивановым, значилось 1,5 пуда, см.: (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 86).

¹⁰¹ В росписи Я. Иванова «2 доски липовых» (Там же).

¹⁰² Неглубокое корытце, лоток.

¹⁰³ В росписи Я. Иванова «каленой золы» (Там же).

100 ж сажен¹⁰⁴; 4 веши железных; (л. 90) воровых веревок на привези векам — 100 сажен; 4 шайки; 2 ведра; 4 бревна длиною по 4 сажени, а в отрубе в 3 чети; 100 дерев 3-х саженных в отрубе 6 вершков; канат 100 сажен толщиною в 6 вершков¹⁰⁵.

А по сказке вышеписанного колоколного мастера Якушки Иванова тот кирпич и всякие деревянные и иные припасы, опричь верхней статьи железа и гвоздей, и олова, мочно сыскать в черкасских городех где укажет взять Черниговской архиепископ или его приказные люди.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 4. Л. 87–89. Подлинник

№ 3

Список с подрядной записи между литейщиком Семеном Федоровым и игуменом Лаврентием Крщоновичем на переливку колокола для Свято-Троицкого Ильинского монастыря.

(Л. 26) *Список с подрядной записи слово в слово.*

Нынешняго 204-го году июля в 8 день договорились мы: я, игумен Свято-Троицкого Ильинского монастыря черниговского Лаврентей Крщенович, с москвичем колоколного дела мастером Ивана Моторина с человеком ево Семеном Федоровым, колокол перелить, великого государя нашего, его царского пресветлого величества, пожалованный во обитель Свято-Троицкую Ильинскую черниговскую на вечное помяновение достойно блаженныя памяти во святом успении благоверного государя, царя и великого князя Феодора¹⁰⁶ Алексеевича, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержца, а весу в том колоколе 200 пуд, а ныне тот колокол вылити в полтараста пуд¹⁰⁷. А по договору дать мне, игумену, от дела ему, Семену за всякой пуд по 20 алтын мелкими серебряными денгами, а вылити ему, Семену, тот колокол самым добрым мастерством (л. 27) з голосом красным и класти на том колоколе травы и лица, и ево, великого государя, его царского пресветлого величества герб с написанием титулы его государской, как я, игумен, ему, Семену, прикажу. И в тот колокол сверх того весу, что в колоколе, положить ему, Семену, лишку своей красной меди, а буде что сверх весу того колокола меди прикладной ево, Семеновой, пойдет в колокол, и мне, игумену, ту медь ему, Семену, заплатить за пуд по тому, по чему купят, а за дело платить потому ж. А буде тот колокол Божиим изволением до году розшибетца, и тот колокол мне, Семену, переливати за тот же подряд своими проторми и вылить ему, Семену тот колокол нынешнего году вышеписанного месяца октября в первых числах, а мне, игумену, колокол приняв, денгами ни мало его, Семена, не подержать, и по договору все сполна отдать. На том договор у нас стал.

У подлинной же записи написано (л. 28):

Лаврентей Крщенович, игумен монастыря Святой Троицы Ильинского черниговского.

¹⁰⁴ В росписи Я. Иванова значилось «прививошных веревок пенковых сто сажен» (Там же). Было ли раздвоение этой цифры в докладе сделанным Я. Ивановым позднее уточнением либо результатом ошибки переписчика, не ясно.

¹⁰⁵ В докладе пропущен «котел ведра в три», значившийся в росписи Я. Иванова (Там же).

¹⁰⁶ В рукописи Феодора.

¹⁰⁷ В челобитной (документ № 4) Лаврентий Крщенович отмечал, что вес колокола должен был быть 250 пудов. Эта цифра представляется более верной, учитывая, что С. Федоров должен был добавить в новый колокол свою медь.

Того ж времени по подряду дал я, игумен, Семену Федорову задатку 50 рублей сребренными денгами.

Иеромонах Никон, игумен Святой Троицы болницы печерской.

Против подрядной вышеписанной сей записи взял я, Сенка Федоров у отца игумена Лаврентия все сполна денги за роботу и за медь прибавочную свою, всех денег триста дватцать шесть рублей дватцать шесть алтын четыре денги. В том я и руку приложил.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 26–28. Пометы малороссийской скорописью на скрепах листов: (л. 27об.) К сему списку Троецкого Ильинского монастыра намѣсник иеромонах Варлаам руку приложил; (л. 28об.) а подлинную подрядную запись к себѣ взял.

№ 4

Челобитная игумена Свято-Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове Лаврентия Крщоновича о выкупе золотой гривны, заложенной для оплаты переливки монастырского колокола.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣвичу всея Великия и Малыя, и Бѣлыя России самодержцу бьют челом богомолцы твои города Чернѣгова Свято-Троецкого Ильинского монастыра игумен Лаврентий з братиею. В прошлом во 191-м году, пожалован в монастыр к нам, богомолцам твоим, колокол в двѣстѣ пудов и тот колокол изволением Божиим разбился. И мы, богомолцы твои, в прошлом же во 204-м году тот колокол, прибавя мѣди, перелили со изображением герба твоего государского и с нынѣшнем над Азовом благополучным побѣдоносіем и с подписанием, что тот колокол в обител к нам, богомолцем твоим ваше великого государя жалованье. И отлили тот колокол в двѣстѣ пятьдесят пуд, скудости же ради убогого нашего монастыра, не имѣя мы, богомолцы твои за литье того колокола и за прибавенную мѣдь заплатити майстеру, взяли в Печерском монастыру в заим триста двадцет шесть рублей и положили в закладѣ в тѣх денгах от чудотворной иконы Пресвятыя Богородици золотую гривну з дорогим каменіем. Милосердый великий государ, цар и великий князь Петр Алексѣвич, всея Великия и Малыя, и Бѣлыя России самодержец, пожалуй нас, богомолцев своих, вели государ, ту вышепомянутую от чудотворнаго образа гривну выкупити.

Росписку майстерскую о том колоколѣ здѣ же подаю вашему царскому пресвѣтлому величеству.

А грамота до вашего царского пресвѣтлого величества, писаная от преосвященного митрополита Киевского, удержана для того, что мы для убожества монастыра нашего не возмогли в то время скоро на Москву в такую далекую дорогу собратися и мы у него, архиерея, в то время и просили, докладючи, когда зберемося на Москву, а он, преосвященный, в то время прилучися быти в нашем монастырѣ для молебного пѣнія и поклонения чудотворному образу Пресвятыя Богородици, а потом скоро преставися преосвященный Лазарь Баранович¹⁰⁸, потом и другой вскорѣ преставися архиерей, преосвященный Феодосий Углицкий¹⁰⁹ и для того умедлѣли.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1092. Л. 1. Подлинник. Список, сделанный в Малороссийском приказе см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 23–25.

¹⁰⁸ Лазарь Баранович умер 3 сентября 1693 г.

¹⁰⁹ Феодосий Углицкий умер 5 февраля 1696 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. 1638—1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: В типографии П.А. Кулиша, 1861. 4 + 22 + 604 + 134 с.
Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676—1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. 912 с.
Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах / ред. колл. П.П. Гудзенко, А.К. Касименко, А.А. Новосельский, А.Л. Сидоров, Л.В. Черепнин, Ф.П. Шевченко. Т. 1. 1620—1647 годы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 588 с.
Письма преосвященного Лазаря Барановича. С примечаниями. Чернигов: В типографии Ильинского монастыря, 1865. 254 + VIII с.
Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22; 1683 г. Д. 3; 1684 г. Д. 4; 1684 г. Д. 15; 1697 г. Д. 1; 1699 г. Д. 15; Оп. 3. Д. 1092; Ф. 125. Оп. 2. Д. 141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антушев Н.* Летопись Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки в Москве. М.: Университетская типография, 1897. 318 с.
Беляев М. Исторические сведения о московской, Замоскворецкого сорока, Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви, с ее причтом и приходом. М.: Типография Елизаветы Гербек, 1894. 237 + III с.
Бондаренко А.Ф. Колокола Покровского собора: прошлое и настоящее. М.: Государственный исторический музей, 2002. 112 с.
Бондаренко А.Ф. История колоколов России. XI—XVII вв. М.: Русская панорама, 2012. 464 с. + 32 с. ил.
Добровольский П.М. Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание. Чернигов: Типография губернского земства, 1900. 2 + 150 с.
Извеков Н.Д. Духовник царя Алексея Михайловича — протопоп Андрей Савинович Посников // Христианское чтение. 1902. № 1. С. 126—139.
Костина И.Д. Литейщики Моторины и их родственники // Материалы и исследования. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». Вып. 25 / отв. ред. А.Л. Баталов. М., 2014. С. 145—162.
Модзалевский В. До історії українського ліярництва // Збірник секції мистецтв українського наукового товариства. Т. 1. Київ, 1921. [Отдельный оттиск]. 23 с.
Страдомский А. Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский. М.: б.и., 1852. 103 с.
Сумцов Н.Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Вып. 1. Лазарь Баранович. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, 1885. 188 с.
Токмаков И. Краткий историко-археологический очерк церкви св. Григория Неокесарийского чудотворца, что на Полянке, в Москве. М.: Губернская типография, 1890. 16 с.
Флоря Б.Н., Кочегаров К.А., Чеснокова Н.П., Яфарова М.Р. Киевская митрополия, Московский патриархат и Константинопольский патриархат в 1676—1686 годах // Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676—1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 33—137.
Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914. XXIV + 878 + LXVI с.
Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб.: Типография и хромотография А. Траншель, 1891. XIV + 102 + III с.
Sakal I. The Embassy of Lazar Baranovich to Moscow in 1684: Gifts, Requests, and Other Expenses // Київська Академія. 2017. Вип. 14. С. 152—179.

Рукопись поступила в редакцию 02.04.2023

Рукопись принята к печати 12.05.2023

REFERENCES

- Antushev N. *Letopis' Vvedenskoï tserkvi, chto na uglu Kuznetskogo mosta i Bol'shoi Lubianki v Moskve*, Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1897, 318 p. (In Russ.)
- Beliajev M. *Istoricheskiye svedeniia o moskovskoi, Zamoskvoretskogo soroka, Grigorije-Neokesariiskoi pri Polianke tserkvi, s jeje prichtom i prikhodom*, Moscow, Tipografiia Jelizavety Gerbek Publ., 1894, 237 + III p. (In Russ.)
- Bondarenko A. F. *Kolokola Pokrovskogo sobora: proshloje i nastoiashcheje*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 2002, 112 p. (In Russ.)
- Bondarenko A. F. *Istoriia kolokolov Rossii. XI–XVII vv.*, Moscow, Russkaia panorama Publ., 2012, 464 p. (In Russ.)
- Dobrovol'skii P. M. *Chernigovskii Jeletskii Uspenskii pervoklassnyi monastyr'. Istoricheskoje opisanije*, Chernigov, Tipografiia gubernskogo zemstva Publ., 1900, 2 + 150 p. (In Russ.)
- Floria B. N., Kochegarov K. A., Chesnokova N. P., Iafarova M. R. Kijevskaia mitropoliia, Moskovskii patriarkhat i Konstantinopol'skii patriarkhat v 1676–1686 godakh. *Vossojedenije Kijevskoi mitropolii s Russkoi pravoslavnoi tserkov'iu. 1676–1686 gg. Issledovaniia i dokumenty*, ed. Ilarion (Alfeev), Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2019, pp. 33–137. (In Russ.)
- Izvekov N. D. Dukhovnik tsaria Alekseia Mikhailovicha – protopop Andrei Savinovich Posnikov. *Khristianskoje chtenije*, 1902, no. 1, pp. 126–139. (In Russ.)
- Kharlampovich K. V. *Malorossiiskoje vliianie na velikorusskuiu tserkovnuiu zhizn'*, vol. 1, Kazan', Izdaniie knizhnogo magazina M. A. Golubeva Publ., 1914, XXIV + 878 + LXVI p. (In Russ.)
- Kostina I. D. Liteishchiki Motoriny i ikh rodstvenniki. *Materialy i issledovaniia. Federal'noje gosudarstvennoje biudzhethoje uchrezhdenije kul'tury «Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Krem'"»*, issue 25, ed. by A. L. Batalov, Moscow, 2014, pp. 145–162. (In Russ.)
- Modzalevskii V. Do istorii ukraïns'koho liiarnytstva. *Zbirnyk sektsii mystetstv ukraïns'koho naukovoï tovarystva*, vol. 1, Kiïv, 1921, [imprint], 23 p. (In Ukr.)
- Sakal I. The Embassy of Lazar Baranovych to Moscow in 1684: Gifts, Requests, and Other Expenses. *Kyïvs'ka Akademiia*, 2017, issue 14, pp. 152–179.
- Shliapkin I. A. Sv. Dimitrii Rostovskii i jego vremia (1651–1709 g.). St. Petersburg, Tipografiia i khromolitografiia A. Transhel' Publ., 1891. XIV + 102 + III s. (In Russ.)
- Stradomskii A. *Lazar' Baranovich, arkhiepiskop Chernigovskii i Novgorod-Severskii*, Moscow, 1852, 103 p. (In Russ.)
- Sumtsov N. F. *K istorii iuzhnorusskoi literatury semnadsatogo stoletii*, vol. 1, Lazar' Baranovich, Khar'kov, Tipografiia M. F. Zil'berberga Publ., 1885, 188 p. (In Russ.)
- Tokmakov I. *Kratkii istoriko-arkheologicheskii ocherk tserkvi sv. Grigorii Neokesariiskogo chudotvortsia, chto na Polianke, v Moskve*, Moscow, Gubernskaia tipografiia Publ., 1890, 16 p. (In Russ.)

Received on 02.04.2023

Accepted on 12.05.2023

Информация об авторе:

Кочегаров Кирилл Александрович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9877-7381
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Information about the author:

Kirill A. Kochegarov
Ph D. (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9877-7381
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Славяноведение, 2023, № 4, с. 31–46

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 31–46

DOI: 10.31857/S0869544X0027117-1

Оригинальная статья / Original Article

Местоимения *той, тая, тое* в церковнославянском переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е годы)

© 2023 г. И.В. Вернер

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская федерация)

inna.verner@mail.ru

Аннотация. Переведенный с греческого Новый Завет Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского характеризуется избыточным употреблением указательных местоимений *той, тая, тое* вместо личных местоимений 3-го лица. В «черновом» списке перевода присутствует большой массив исправлений личных местоимений на указательные, однако при этом имеется и противоположная правка. «Беловой» список Нового Завета сохраняет эту непоследовательность. Анализ совокупности исправлений позволил реконструировать изначальную конкуренцию форм *той, тая, тое* и **и, *та, *к*, присущую переводу Епифания Славинецкого и обусловленную ориентацией на функционирование греческого определительного местоимения *αὐτός* в качестве личного во всех падежах и притяжательного местоимения в генетиве. Непоследовательность правки Евфимия обусловлена сочетанием различных факторов: следованием узусу Епифания, влиянием традиции старшего евангельского перевода, а также диктуемым экзегетическими соображениями стремлением избежать омонимии местоимений при смене соотношенного с ними лица. Прослеживаемая по «беловому» списку Нового Завета дальнейшая правка демонстрирует тенденцию к ограничению употребления местоимений *той, тая, тое* контекстами «сильной» анафоры.

Ключевые слова: Новый Завет в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, указательные местоимения, анафора, церковнославянские переводы с греческого.

Ссылка для цитирования: Вернер И.В. Местоимения *той, тая, тое* в церковнославянском переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е годы) // Славяноведение. 2023. № 4. С. 31–46. DOI: 10.31857/S0869544X0027117-1

Pronouns *той, тая, тое* in the Church Slavonic Translation of the New Testament by Epiphanius Slavinetzky and Euthymius Chudovsky (1670–1680s)

© 2023. Inna V. Verner

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

inna.verner@mail.ru

Abstract. The New Testament translated from Greek by Epiphanius Slavinetsky and Euthymius Chudovsky is characterized by the excessive use of demonstrative pronouns **той, таа, ток** instead of personal pronouns of the third person. In the “draft” translation there is a large array of replacement of personal pronouns with demonstrative ones, although there is as well an opposite correction. The «clean» copy of the New Testament maintains this inconsistency. The analysis of the set of corrections allowed us to reconstruct the initial competition of the forms **той, таа, ток** and ***и, *а, *к**. This trait is inherent to the Epiphanius Slavinetsky’s translation and is due to the orientation towards the functioning of the Greek interpretive pronoun αὐτός as a personal one in all the cases and as a possessive pronoun in the genitive case. The inconsistency of Euphymius’ correction is due to a combination of various factors: the following of the Epiphanius’ usage, the influence of the older Gospel translation, as well as the desire to avoid homonymy of pronouns when changing the person, dictated by exegetical considerations. The further correction observed in the «clear» copy of the New Testament shows a tendency towards the limitation in the use of the pronouns **той, таа, ток** to the contexts of the “strong” anaphora.

Keywords: the New Testament translation by Epiphanius Slavinetsky and Euthymius Chudovsky, demonstrative pronouns, anaphora, Church Slavonic translations from Greek.

For citation: Inna V. Verner. Pronouns *мой, моя, мое* in the Church Slavonic Translation of the New Testament by Epiphanius Slavinetsky and Euthymius Chudovsky (1670–1680s) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 4. P. 31–46. DOI: 10.31857/S0869544X0027117-1

Церковнославянский Новый Завет, переведенный с греческого Епифанием Славинецким (далее НЗЕ) в середине 1670-х годов, после его смерти в 1675 г. был исправлен его ближайшим учеником и сотрудником Евфимием Чудовским. Эту правку отражают две черновые рукописи НЗЕ (ГИМ, Син. Греч. 472 и 473)¹. Обе рукописи двуязычны, греческий и церковнославянский текст расположены в них параллельно в двух столбцах. Максимальный объем исправлений содержится в Син. Греч. 473, а Син. Греч. 472 считается беловой рукописью, однако фактически последняя отражает лишь следующий этап sprawy, которая так и не была доведена до конца.

Текст диглотты был издан Т.А. Исаченко в серии Biblia Slavica [Исаченко 2004]², однако фототипический формат этого издания не позволяет увидеть и проанализировать многочисленные и разнообразные языковые и текстовые исправления, которые были внесены в перевод рукой Евфимия Чудовского. Большинство маргинальных и строчных глосс плохо читается в фототипическом издании, а правки, ставшие материалом настоящего исследования, в издании не видны вовсе, поскольку они сделаны не на полях или над строкой, а внесены поверх затертых форм непосредственно в строке. Речь пойдет об указательных местоимениях **той, таа, тоа** во всех падежно-числовых формах, правка которых в тексте постоянна, но при этом непоследовательна. Источником цитируемого текста выступает «черновая» рукопись НЗЕ ГИМ, Син. Греч. 473 (отличия «беловой» рукописи ГИМ, Син. Греч. 472 далее оговариваются особо).

¹ Третий сохранившийся список НЗЕ (РГБ, Унд. 1291) датируется первой третью XVIII в. и не включает греческий текст. Полное описание всех списков и исследование перевода НЗЕ см. в: [Исаченко 2015, 160–192].

² Критические замечания к этому изданию см. в [Пентковская 2019].

В НЗЕ необычно много форм местоимения **той**, **тага**, **тож** во всех родах и числах. Часть из них стоит на тех же местах, где в старших редакциях славянского Евангелия были употреблены формы местоимения **тѣ**, соответствующие греч. αὐτός. Ср. формы в Им. п.: Мф 8:17 **такъ да исполнѣся** реченное **чре^з** **исаію прѣрка**, **глаголющаго**, **той немощи наша взя**; Мф 8:24 **и се трѣбъ великѣ бысть въ мори**, **также кораблю покрыватисѧ ѿ вѣланъ**. **той же спаше**; Мф 3:11 **по мнѣ же грядый крѣпшій мене есть**, **егѡ же не есмь доволенъ сапоги понести**, **той вы крѣтитъ въ дѣсѣ стѡмъ**; И 14:10 **ѡцъ же во мнѣ пребываяй**. **той творитъ дѣла**; И 15:5 **азъ есмь лоза**, **вы же рѡзги**. **пребываяй во мнѣ**, **и ѧ в немъ**. **той приноситъ плодъ многъ**; Лк 6:20 **и той возведъ очи своя на оученики своя**; Лк 5:16 **и бысть во единѡ днѣи**. **и той вѣ оуча**; Мф 12:27 **ради сегѡ тѣи ва бѣдѣ сѣдин**; Мф 5:5 **блаженн кротціи**, **такъ тѣи наслѣдѣствятъ землю**; И 17:8 **дахъ имъ**, **и тѣи прияша** и др.

В косвенных падежах славянские указательные местоимения, присутствующие и в старших текстах, могли соответствовать греч. местоимениям αὐτός и οὗτος, а также артиклю ὁ, ἡ, τό: Лк 12:5 **покажѣ же вамъ**, **кого ѡбонтесѧ** ... **ей глаю вамъ**, **тогѡ (тоутов) ѡбонтесѧ**; И 1:4 **в томъ (αὐτῷ) жизнь вѣ**, **и жизнь вѣ свѣтъ члѡвѣ**; Лк 1:61 **никто же есть в срѡбствѣ твоѣ**. **иже зоветсѧ именѣ тѣ^м** (тоутѡ); И 9:18 **не вѣроваша ѡбѡ іѡдее ѡ немъ**, **такъ слѣпѣ вѣ**, **и прозрѣ**, **дондеже пригласиша родители тогѡ (αὐτοῦ) прозрѣвшиагѡ**; Мф 9:32 **тѣ^м (αὐτῶν) же исходящій**, **се приведоша**; Мф 4:10 **гдѣ бгѣ твоѡмѣ поклонишасѧ**, **и томѣ (αὐτο) единомѣ послѣжиши**; И 5:3 **кѡпель глѣмая еврейски виѡesda**. **пять притворы имѣша**. **въ тѣхъ (τοῖς) слежаше мнѡжество многое немощствующій**, **слѣпыхъ**, **хромыхъ**, **сѣхихъ**.

Во всех цитированных выше стихах на месте местоимения **той** в НЗЕ в старших редакциях новозаветного текста читаются формы **тѣ**/**тѣи**/**той** (**тѣ** в ранних рукописных редакциях, **тѣи** (реже **тѣ**) в Острожской Библии 1580–1581 гг., **той** в Московской Библии 1663 г.). Епифаний и Евфимий в своей работе обращались к Чудовскому Новому Завету 1355 г., Константинопольскому Евангелию 1383 г. и Библии 1663 г. [Исаченко 2015, 154–160, 191–196]. Соответственно, те стихи, где в старших редакциях присутствуют указательные местоимения, в НЗЕ не имеют исправлений³, и эти формы в дальнейшем изложении не учитываются. Их объем несопоставим с количеством исправленных Евфимием форм.

Особенностью НЗЕ является четкое различие греч. местоимений αὐτός, οὗτος, с одной стороны, и ἐκεῖνος, с другой. В древнейшем евангельском переводе эти местоимения не имеют такого распределения и могут передаваться вариативно как **съ**, **тѣ**, **онъ** [Večerka 1993, 54–58]. Для ἐκεῖνος прослеживается связь с местоимением **онъ**, однако уже в самых ранних текстах употребление **онъ** ограничено преимущественно рамками фразеологических сочетаний пространственного и временного значения (**онъ полъ**, **оно врѣмѧ** и др.) [Кузнецов 2020, 126]. В НЗЕ старые формы местоимения **тѣ** на месте ἐκεῖνος (κἀκεῖνος) последовательно меняются на **онъ**: Лк 19:27 **враги моя оныи** (ἐκεῖνους); Мф 27:19 **ничто же тѣбѣ и праведникѣ ономѣ** (ἐκεῖνῳ); Лк 20:11 **и приложи послати дрѡгаго раба**. **они же и онаго** (κἀκεῖνον) **виѡше**; Мк 12:4 **и паки посла к нимъ инаго раба**, **и онаго** (κἀκεῖνον) **каменовавше ѡбезглавиша**;

³ Подтверждением ориентации на сохранение «старых» форм указательных местоимений служит помета в «беловом» списке к чтению Лк 14:9 **пришедъ тебе и того (αὐτόν) зѡваый**. Форма **того** в строке не исправлена, а на полях она выписана еще раз с пометой **чю^д**, отсылающей к Чудовскому Новому Завету.

И 13:6 прихѡдитъ ѡбъ къ симѡнѣ петрѣ, и глѣтъ ѡмѣ онъ (ἐκεῖνος); И 5:43 аще инъ прѣде во имени своемъ, онаго (ἐκεῖνον) прѣимете; И 5:46–47 аще во вѣрова-ли высте мѡѡсѣю: вѣровали высте ѡбъ мнѣ. ѡ мнѣ во онъ (ἐκεῖνος) писа; И 6:22 видѣвъ ѡкѡ корабль инъ не бѣ тамѡ. токѡмѡ единъ онъ (ἐκεῖνο) в него же вѣидѡша ѡчѣници егѡ; И 6:57 онъ (ἐκεῖνος) поживетъ ради мене; И 1:8 не бѣ онъ (ἐκεῖνος) свѣтъ; И 5:39 пытайте писанѣа ... оная (ἐκεῖνα) сѣтъ свидѣтельствѡ-щаа ѡ мнѣ; Мф 13:44 кѡпѣе село оно (ἐκεῖνον).

Частично такие замены присутствовали уже в Чудовском Новом Завете, ср. в Лк 19:27 оны, И 13:6 онъ, И 5:43 оногѡ, И 5:46–47 онъ, оногѡ, И 6:22 онъ. С чтеніями Чудовского Нового Завета совпадает и замена старших чтений тѣ на онъ в функции притяжательного местоимения, ср. в И 9:28 ты еси ѡченикъ оногѡ (ἐκεῖνον) и И 5:47 аще же оногѡ писанѣемъ не вѣрѡете (ἐκεῖνον) вместо того [Евангелие от Иоанна 1998, 24, 45]. Последовательное различие разных греческих местоимений соответствует общей переводческой установке Епифа-ния и Евфимия на буквализм и точное соответствие источнику⁴.

На порядок больше неисправленных форм указательных местоимений в НЗЕ тех случаев, где формы косвенных падежей местоимения той, тая, тоѡ вписаны в текст на месте соответствующих форм *и, *ѡ, *к. В некоторых случаях изначальный вариант просматривается или даже читается (ср. написанное поверх зачеркнутого в Мф 7:13 ^{чрез}тѣ егѡ и Мф 7:14 ^{то и}ѡврѣтающѣи егѡ; написанное рядом с зачеркнутым в Лк 4:26 к ѡнединой же тѣнѣхъ посласѣ иліа и в И 19:40 вѣзѣша ѡбъ тѣло иѡсѡво, и свѣзѣша тоѡе). Однако в абсолютном большинстве случаев исправления внесены по смытому тексту теми же чернилами (далее в цитатах все исправленные формы выделены жирным шрифтом). Кое-где смытые места остались незаполненными: так, например, в стихах Мк 2:14–16 на л. 48 не вписаны начальные слоги местоимений, а читаются лишь конечные: мѣ, гѡ.

Такие исправления во множестве присутствуют в тексте всех четырех Евангелий, а в некоторых случаях они носят характер сплошной правки, ср. в Мф 5:28–31: (28) азъ же глѡ вамъ, ѡкѡ всякъ зряй женѣ ко еже вождѣти тѣю, ѡже прелюбоѡдѣствовѡ тѣю в сердци своемъ. (29) аще же око твое десное влазнитъ тѡ, изими тоѡ, и вержи ѡ тебе ... (30) и аще десная твоя рѡка влазитъ тѡ, ѡсѣци тѣю, и вержи ѡ тебе ... (31) речесѡ же ѡкѡ иже аще ѡпѡсти" женѣ свою, да дастъ тѣѣ ѡсѣщное; И 17:11–18: (11) и не к томѣ есмь в мирѣ, и сѣи в мирѣ сѣтъ. И азъ к тебѣ грядѣ. ѡче сѣтый, соблюди тѡя во имени твоѡмъ ... (12) егда вѣхъ с ними в мирѣ, азъ соблюда^х тѡя во имени твоѡмъ. ѡже далъ еси мнѣ сохрани, и никтоже и^х тѣ погине ... (14) азъ дахъ имъ слово твое, и мѡртъ воненавистѡва тѡя ѡкѡ не сѣтъ ѡ мѡра (15) не молю да возмѣши тѡя ѡ мѡра, но да соблюдеши тѡя ѡ ѡбѡвагѡ ... (17) ѡсѡяти тѡя во истинѣ твоей ... (18) ѡкоже мене послаа еси в миръ, и ѡ послахъ тѡя в миръ; Мф 24:1–4: (1) И изшедъ иѡсѣ, идаше ѡ сѣтѣлица, и прѣидѡша ѡченици тогѡ, показати томѣ зданѣа сѣтѣлица. (2) иѡсѣ же рече тѡмъ: не видите ли всѡ сѣа: аминъ глѡ ва^м, не ѡсѡвѣнсѡ здѣ камень на каменни иже не разрѣшитсѡ. (3) сѣдащѣ же томѣ на горѣ елеѡнстѣѣ, прѣидѡша томѣ ѡчѣници на единѣ, глѡще:

⁴ Эта установка, однако, не абсолютизирует буквализм в ущерб смыслу, ср. также следующие чтенія Чудовского Нового Завета чисто семантические переводы греч. αὐτός с выделительно-отождествительным значением местоимением самъ: И 6:15 ѡнде паки в горѣ самъ единъ; Мк 12:36 самъ во давид рече; Мк 12:37 самъ ѡбъ давид глѣтъ. В древнем тексте подобные формы αὐτός за небольшим исключением были переданы как тѣ [Кузнецов 2020, 127; Евангелие от Иоанна 1998, 26].

рцы нам, когда сѧ бѣдѣтъ ... (4) и ѡбѣщавъ іис, рече **тымъ**: видите, да некто вы преститѣ.

В Мф 5:28–31 в старших редакциях евангельского текста читаются формы косвенных падежей местоимения женского рода *ѧ и среднего рода *ѥ, в Мф 24:1–4 – формы косвенных падежей местоимения мужского рода *и [Евангелие от Матфея 2005, 34, 128]. В И 17: 11–18 последовательно употребляется форма Вин. мн. **ѧ** (начиная с текстов Афонской редакции заменяющаяся на **ихъ**) [Евангелие от Иоанна, 1998, 78–79]. В «беловом» списке НЗЕ вышеприведенные формы указательных местоимений без изменений относительно «чернового» варианта читаются в первых двух фрагментах, в последнем же отрывке (Мф 24:1–4) все указательные местоимения исправлены на личные.

Во всех случаях указательные местоимения НЗЕ выполняют анафорическую функцию, замещая уже названное лицо или предмет: И 6:40 **вѣрѣй** в него, **иматъ** жизнь **вѣчнѣю**; и **востаю** **того** **азъ** в **послѣднемъ** дни; И 10:27 овцы **моѧ** гласа **моегѡ** слышѡ^т, и **азъ** **знаю** **тыѧ**; И 2:7 **наполните** **водни**ла воды: и **наполниша** **тая** до **верха**; Мф 10:39 **вѣрѣтый** **дшѡ** свою, **погѣи** **тѣю**, и **погѣивый** **дшѡ** свою ради мене, **вѣрѣтъ** **тѣю**; Мф 13:20 на **каменны** же **сѣѧнны**, **сеи** **есть** слово слышѧ^м, и **авѣ** с **радостію** **емѧ** **тоѥ**; Лк 14:18 село **кѡпнѣхъ**, и **има** **нѣждѡ** **изити** и **видѣти** **тоѥ**; Мф 2:13 **иматъ** во **ирѡдѣ** **искати** **отрочатѣ**. **погѣити** **тоѥ**; Мф 7:26 **всякъ** **слышѧй** **моя** **словеса** **сія**, и **не** **творяй** **тѣхъ**, **ѡподобитсѧ** **мѡжѡ** **вѣю**; Лк 15:11 **члѣкъ** **нѣкѣи** **имашѣ** **два** **сѣны** и **рече** **юншій** **тѣѣ** **ѡцѣ**; Мк 5:41 и **ѡдержавъ** **рѣкѡ** **отроковици**, **глѣтъ** **тѣѣи**, **талѣѡ** **кѡмѣ**; Лк 16:28 **имамъ** во **пѣть** **браты**, **ѧкѡ** **да** **засвидѣтельствѣсѧ** **тыѧ**. Все формы местоимений без изменений читаются в списке ГИМ, Син. Греч. 472.

При этом прослеживаются существенные отличия от анафорических форм местоимения **тѣ** в древнейших новозаветных текстах: во-первых, имя существительное, называющее предмет или лицо, и замещающее его местоимение **той**, **тая**, **тоѥ** зачастую синтаксически довольно далеки друг от друга; во-вторых, в синтагме часто возможно последовательное многократное употребление указательного местоимения (в форме одного или разных падежей), называющего одно и то же лицо. Ср. повторяющиеся формы в пределах двух стихов: Мк 6:19–20 **ирѡдѣ** же **навѣтовашѣ** **томѡ**, и **хотѣшѣ** **того** **ѡбити**, и **не** **можашѣ**. **ирѡдѣ** во **вѣшѣсѧ** **іѡанна**, **вѣдый** **того** **мѡжа** **правѣдна** и **сѣѧ**, и **соблюдашѣ** **того**, и **послышавъ** **того**, **много** **творяшѣ**, и **сладостнѡ** **того** **слышашѣ** (в «беловом» списке все формы исправлены на личные). Обе эти особенности переводят указательные местоимения **той**, **тая**, **тоѥ** в разряд личных местоимений 3-го лица.

Формы Род.п. **тогѡ** и **тѣхъ** активно используются в НЗЕ и в атрибутивной функции аналогично притяжательным местоимениям **егѡ** и **ихъ** (греч. αὐτοῦ, αὐτῶν), омонимичным Род.п. личного местоимения⁵. В отличие от единичных

⁵ В НЗЕ последовательно снята омонимия лично-указательных и притяжательных местоимений **егѡ** и **егѡ**. В грамматике Смотрицкого 1618 г. и 1648 г. притяжательное местоимение **егѡ** маркировано орфографически: в отличие от личного местоимения в Вин.п. с флексией -о в Род. п. притяжательного пишется -ѡ [Грамматика 1648, л. 178]. НЗЕ следует этому правилу, ср. многочисленные примеры с формами притяжательного **егѡ** и личного **его**, исправленными из **тогѡ**/**того**: Лк 11:22 **егда** же **крѣпшій** **егѡ** **нашедъ** **повѣдѣтъ** **его**, **все** **орѡжіѣ** **егѡ** **емлетъ** на **еже** **оуповашѣ**, и **корысти** **его** **раздаѣтъ**; Мф 8:25 и **пришедше** **ѡчнцы** **егѡ**, **вѡбѣдиша** **его**; Лк 15:28 **ѡцѣ** же **егѡ** **изшедъ** **моляше** **его**; Мк 6:29 **ѡчнцы** **егѡ** **придоша** и **взяша** **трѣпѣ** **егѡ**, и **положиша** **его** во **гровѣ**; И 12:4 **глѣтъ** **ѡѡ** **единъ** и **ѡчнѣкъ** **егѡ**, **ѡда** **симѡнѡ** **искариѡтъ**, **имѣѧй** **его** **предати**; Лк 15:20 **видѣ** **его** **оцѣ** **егѡ**, и **ѡткровствова**: и **текъ** **нападе** на **выю** **егѡ**, и **оѡавыза** **его**; Лк 15:22 **вѡлѣитѣ** **его**, и **дадите** **перстѣнь** на **рѣкѡ** **егѡ**; Лк 15:28 **ѡцѣ** же **егѡ** **изшедъ** **моляше** **его**; Лк 7:15 **даде** **его** **мѣри** **егѡ**; Лк 8:9 **вопрошахъ** же **егѡ** **оцнцы** **егѡ**; Лк 8:42 **моляше** **его** **вѣити** и **до** **егѡ**.

случаев такого употребления форм указательных местоимений в старших текстах (ср. старую неисправленную форму в Мф 5: 10 **блаженн изгнани ради правды, пакw тѣхъ есть царствіе небесное**) в НЗЕ исправленные формы **тогw**, **тѣхъ** на месте его, **ихъ** довольно обычны: Мф 15:23 **онъ же не ѡвѣща тѣй словесе. и пришедше оученици тогw, молахъ того, глаголюще, ѡпѣсти тѣю**; Лк 3:16 **егw же не есмь доволѣ разрѣшити ремень сапогw тогw**; Мк 14: 47 **дарн раба архіереева, и ѡатъ тогw ѡхо**; И 10:3 **семъ дверникъ ѡверзаетъ, и овци гласа тогw слѣшajúтъ**; Лк 11:48 **вы же зиждете тѣхъ гробы**; Лк 22:51 **коснѣса ѡхъ тогw, извращи тое**; Лк 6:14 **симона. егоже и именована петра. и андреа брата тогw**; Лк 22:64 **и ѡкрывше его, вѣхъ тогw лице, и вопрошахъ того**. Форма Род.п.ж. рода **тоа** (αὐτοῦ) единична: Мк 6:22 **вшедшен дщери тоа иродіады**.

Вышеприведенные формы указательных местоимений в притяжательной функции не претерпели изменений в «беловом» списке НЗЕ, однако большая часть подобных форм в Род. п. подверглась исправлению: Мф 26:43 **и пришедъ ѡврътае тѣа паки спашыа, бахъ во тѣхъ** (→ **ихъ**) **очи ѡтагченн**; Мк 15:19 **и вѣхъ тогw** (→ **егw**) **главъ тростію**; Мк 6:27 **повелѣ принести главъ тогw** (→ **егw**); Мк 1:39 **и бѣ вѣствѣа въ сонмишихъ тѣхъ** (→ **ихъ**); Мф 27:19 **посла к томѣ жена тогw** (→ **егw**); Мк 7:19 **пакw не входитъ в срце тогw** (→ **егw**); Мф 25:34 **тогда речетъ црь сѣшымъ и десныхъ тогw** (→ **егw**); Мф 25:21 **рече же томъ господь тогw** (→ **егw**); Мф 22:6 **прочн же емше рабы тогw** (→ **егw**); Мф 21:45 **и слышавше архіерее и фарісее притчи тогw** (→ **егw**); Мф 21:34 **посла рабы своа к земледѣлѣлемъ, взати плоды тогw** (→ **егw**); Мф 25:41 **ѡготованный діаволъ и аггелъ тогw** (→ **егw**); Мф 26:52 **возврати твой мечъ в мѣсто тогw** (→ **егw**); Мф 27:29 **воложиша на главъ тогw** (→ **егw**), **и тростъ в десницъ тогw** (→ **егw**); Мк 1:3 **правы творите стези тогw** (→ **егw**); Мк 3:27 **домъ тогw расхититъ** (→ **егw**).

Описанная выше ситуация с употреблением указательных местоимений в функции личных и притяжательных местоимений 3-го лица заставляет констатировать особое пристрастие Евфимия и Епифания к формам **той**, **таа**, **тое**, соответствующим греческим определительным местоимениям αὐτός, αὐτή, αὐτό. Греческим местоимениям в новозаветном тексте свойственно три типа употребления: в качестве личного местоимения 3-го лица («он»), определительного местоимения с усилительным значением («сам»), указательного местоимения с отождествительным значением («тот же», «тот же самый»). В качестве личных местоимений αὐτός, αὐτή, αὐτό в Новом Завете используются в абсолютном большинстве случаев [Маунс 2011, 122–124]. Без определяемого слова αὐτός, αὐτή, αὐτό выступают в функции личного местоимения 3-го лица во всех падежах, а в Род. п. используются в приименной позиции как притяжательные местоимения.

Такое же орфографическое распределение омонимичных форм Род. и Вин. п. присутствует и в парадигме местоимения **той** (**тогw/того**), отнесенного к разряду указательных и возносительных [Грамматика 1648, л. 167об]. Однако в НЗЕ обе формы в пределах одного контекста встречаются реже: Мф 15:23 **онъ же не ѡвѣща тѣй словесе, и пришедше оученици тогw, молахъ того, глаголюще, ѡпѣсти тѣю**; Лк 22:64 **и ѡкрывше его, вѣхъ тогw лице, и вопрошахъ того**; Мк 15:19 **и вѣхъ тогw главъ тростію, и плевахъ на того**; Мк 7:17 **вопрошахъ того ѡчнци тогw**; Мф 27:64 **пришедше ѡчнци тогw ноцію, ѡкрадъ того**; Мф 27:35 **ѡкрѣтвоваше же того, раздѣлиша ризы тогw**; Мк 6:27 **авіе пославъ царь спекѣлатвора, повелѣ принести главъ тогw. онъ же вшедъ ѡвѣлави того в хранилищѣ**; Мф 24:51 **и разсѣче того, и часть тогw с подедѣтели положитъ**; Мф 26:67 **тогда вплеваши на лице тогw, и патствовахъ того**. За исключением первых двух примеров, все остальные формы **тогw/того** в «беловом» списке НЗЕ исправлены на **егw/его**.

Широкое употребление **той**, **тая**, **тоє** свойственно и оригинальным текстам Евфимия [Горский 1857, 408, 428, 497–502]. Ср., например, выписку Евфимия из Епифания Кипрского, вклеенную к тексту Евангелия от Иоанна 1:10–13 (ГИМ, Син. Греч. 473, л. 116): **Понѣди дхъ стѣй ѿанна ѿпрошающася бл҃говѣствовати, за бл҃гоговѣне и смиреномѣдріе, в старческомъ тогѡ вѣрастѣ, по лѣтѣхъ девяидесять тогѡ жизни: по вѣзращеніи тогѡ ѿ Патма, при клавдинъ вышѣ кесари. И по доволны лѣтѣхъ еже превыти томѡ ѿ Аси, понѣждается ѡложити егліе.** Такое же употребление указательных местоимений присуще и учителю Евфимия Епифанию Славинецкому, ср. в переведенном последним толковании Феофилакта Болгарского на Послание ап. Павла к Римлянам и 1-е к Коринфянам (ГИМ, Син. 718)⁶: Рим 11:8 **Прочіи же ѡслѣпишася і ꙗкоже писася, даде тымъ Бгъ дхѡ ѡмиленіа, очі еже не видѣти, и ѹши еже не слышати** (л. 58); Рим 11:15 **Аще бо ѿверженіе тыхъ, примиреніе міра, кое приатіе, развѣ жызнъ и мертвыхъ** (л. 59); Рим 15:27 **Бл҃говолиша бо, и должници тыхъ сѣть. Аще бо въ дхныхъ, тымъ приѡвѣишася ꙗзыци, должнствѣю и въ плотскихъ послѣдовати тымъ** (л. 80об.); Рим 12:20 **Аще ѹбо алчѣ врагъ твой, питай того. Аще жаждѣть напой того. Сіе бо творай, ѹгліа ѡгнь сѣгромадиши на главѣ тогѡ** (л. 67об-68). Объяснений этому обстоятельству может быть несколько.

Прежде всего, для выходцев из украинских земель Епифания и Евфимия было актуально квазиартиклевое употребление указательных местоимений, характерное и для украинского, и для польского языков. В последних анафорические местоимения *той* и *ten*, соответственно, выполняют функцию «местоимения-артикля» [Ревзин 1973] или «предартикля» [Касаткина 2012, 5]. В украинском языке XVI–XVII вв. местоимение *той* является одним из наиболее употребительных и частотных [Шпить 2016, 65]; похожая ситуация представлена в польском, где *ten* служит, во-первых, в качестве самостоятельного местоимения 3-го лица, отсылающего к названному ранее лицу или предмету, а во-вторых, аналогично определенному артиклю выступает в атрибутивной позиции (препозитивной, реже постпозитивной по отношению к имени) [SS1982–1987, 136–138]. Однако украинский и польский узус, по-видимому, был не непосредственной причиной, но вторичным разрешающим обстоятельством широкого употребления **той**, **тая**, **тоє** как анафорических субстантивов и посессивов. В НЗЕ нет ничего похожего на атрибутивное квазиартиклевое употребление указательных местоимений, характерное как для разговорного украинского и польского, так и для литературных текстов.

Преимущественно атрибутивный характер носит употребление местоимений *ten*, *ta*, *to* в польских библейских текстах, в частности, Новом Завете Якуба Вуйка 1593 г., с которым работал Евфимий при подготовке текста Апостола и Апокалипсиса НЗЕ [Пентковская 2016], ср.: Mt 13:53 **I stało się, gdy Jezus dokończył tych przypowieści (притчи сіа), odszedł ztamtąd**; Mt 13:56 **Zkądże tedy temu to wszystko (ѡкѣдѣ ѡвѡ сѣмѡ сіа вса)**; Mk 12:10 **Ani tego pisma (писаніа ли сего) czytaliście: Kamień, który odrzucili budujący, ten (сеи) się stał głową węgielną.** Указательным местоимениям-субстантивам в НЗЕ соответствуют стандартные польские формы личных местоимений (I 16:19 **A poznał Jezus, że go (того) pytać chcieli**, Lk 17:33 **Ktoby się kolwiek starał zachować duszę swą, straci ją (тѣю)**,

⁶ Этот текст, вероятно, был переведен Епифанием Славинецким с лондонского греческого издания 1636 г. в ранний период деятельности в Москве. Позже, при подготовке НЗЕ, освобожденный от толкований епифаниев перевод Посланий стал основой для редактуры и обработки текста Евфимием Чудовским [Горский 1857, 188–189; Пентковская 2017].

Mk 9:8 A gdy zstępowali z góry, rozkazał *im* (тьмъ), Mt 10:21 powstaną synowie przeciw rodzicom i o śmierć *je* (тыя) przysprawiać będą). Подобное употребление местоимений *ten, ta, to* не соотносится ни с исправлениями Евфимия, ни с местоимениями αὐτός, αὐτή, αὐτό в греческом тексте. Иные польские издания, католическая Библия Яна Леополиты 1561 г. и протестантская Брестская (Радзивилловская) Библия 1563 г., принципиально не отличаются от Библии Вуйка в использовании указательных местоимений и также не коррелируют с употреблением церковнославянских той, таа, тоє в НЗЕ.

Значение определенности, выражаемое в польском присубстантивными указательными местоимениями, в русском языке XVII в. могло передаваться постпозитивными по отношению к имени существительному местоимениями *тѣ, та, то*, причем последние обнаруживают очевидную тенденцию к утрате падежно-родовых форм, замене на общую форму *то* или *та* и превращению в частицу [Халанский 1901, 140–145]. В языке деловой письменности XVII в. выражение значения определенности берет на себя анафорическое местоимение *тотѣ*, употребляющееся препозитивно в составе именной группы. Как отмечает А.П. Майоров, местоимения *тотѣ* и *той* в XVII в. оказываются противопоставленными по сфере функционирования: «форма *той* представляется более архаичной, книжной, а следовательно, чаще (если не исключительно) применяется в литературном языке XVII в.» [Майоров 2004, 232].

История распространения и функционирования местоимения тѣй/той в церковнославянских текстах XVI–XVII вв. в атрибутивном и субстантивном употреблении еще требует исследования. Использованием указательных тѣ, та, то в функции анафорических личных местоимений 3-го лица отличаются переводы XIV в., выполненные книжниками из круга митрополита Киприана, в частности, Евхологий Великой церкви [Афанасьева 2017]. Живому древнерусскому языку этот узус присущ не был, а источником распространения таких форм в русских переводах могли быть среднеболгарские тексты тырновской школы, в которых членные формы *тон, тиа, тоє* употреблялись регулярно. Однако до сих пор не исследован вопрос, насколько характерна была для среднеболгарских членных форм местоимений анафорическая функция. В Евхологии Великой церкви местоимения тѣ, та, то в Род.п., так же, как и в НЗЕ, используются и в притяжательном значении [Афанасьева 2019, 109].

В XVI в., согласно данным церковнославянского корпуса, в гимнографических, житийных и летописных текстах встречаются как субстантивные формы местоимения тѣй/той, замещающие имя, так и атрибутивные приименные формы, в том числе несогласованные определения с притяжательным значением. Ср., например, в текстах митрополита Даниила: «еже вѣровати во Единаго Бога ... имже всяческая быша мытѣмъ и плотьскому смотрению Бога-Слова, сирѣчь воплощению Сына Божия вѣровати и съвершена того Бога и съвершена того Человѣка исповѣдовати»; «сия вѣра всѣмъ добродѣтелемъ совершение. Ту убо подобаетъ имѣти сокровище некрадомо, яже ти бысть питательнице отъ пелень самѣхъ»; «Аще ли и младенци сие умирають, не дивися. Ти бо от сего никако же врежени быша, ниже своих ради грѣхъ се пострадаша, но яко да тѣхъ родители цѣломудренѣиши и благоговѣнии будутъ»; «изыди на преддверие храмены твоея и виждь небо, солнце, луну, звѣзды, облака ови высоци, ови же низаише, и в сихъ прохлажайся, смотря ихъ доброту, и прослави тѣхъ Творца Христа Бога» [Журова 2020, 225, 742]. Однако степень распространения таких форм в книжном языке невелика: бóльшая их часть приходится на

клишированные конструкции, предваряющие цитаты и прямую речь (**той же рече, того же**).

На наш взгляд, для грекофила Евфимия, несомненно, более актуальной, чем письменный и разговорный узус, была грамматическая трактовка местоимений **той, тая, тое** в соотношении с греческими местоимениями αὐτός, αὐτή, αὐτό. Именно так представлены эти формы в львовской грамматике Адельфотис, где греческому αὐτός, отнесенному, в отличие от указательных οὗτος и ἐκεῖνος (**сей** и **онъ**), к анафорическим местоимениям, соответствует «наносное» **той** (Адельфотис 1591, л. 58). Грамматика Арсения Элассонского была основным пособием для изучения греческого языка в братских школах и в Киево-Могилянской коллегии, выпускником которой был Епифаний Славинецкий [Харлампович 1898, 450–451]. В Адельфотисе, так же как и в грамматике Л. Зизания 1596 г., приведены лишь парадигмы местоимения **той**, тогда как вся касающаяся этого местоимения синтаксическая информация осталась за рамками изложения. Экспликация этой информации в НЗЕ как способности всех форм местоимения αὐτός выступать в функции личного местоимения 3-го лица, а форм Род.п. — в функции притяжательного местоимения, вполне отвечает изложению синтаксиса местоимения αὐτός в современных учебных пособиях [Соболевский 2009, 71–72]. Лежащее же в основе львовской грамматики представление о едином «еллино-славянском» языке, «который реализуется либо как греческий, либо как церковнославянский» [Успенский 2002, 55], как нельзя лучше соответствует переводческому подходу Епифания и особенно Евфимия.

Иные грамматические руководства XVI–XVII вв. в представлении указательных местоимений не коррелируют с их функционированием в НЗЕ. Грамматика М. Смотрицкого в изданиях 1618 и 1648 г. трактует местоимение **той**, отнесенное к указательным и возносительным, уже только как атрибут, а *de facto* — как определенный артикль: помимо полной парадигмы в разделе «О местоимении», соответствующие формы **той, тая, тое** включены во все именные парадигмы (существительных, прилагательных, числительных, причастий). В Лексиконе греко-славяно-латинском, составленном Епифанием Славинецким, также присутствует специфическое осмысление местоимения αὐτός: ему соответствуют варианты **самъ ipse, той сей hic**. Выбор в качестве основного соответствия греческому αὐτός местоимения **самъ** здесь обусловлен этимологическими соображениями: αὐτός — **самъ** являются производящими лексемами для большой группы сложных слов, ср. αὐτοπραγία **самодѣйство**, αὐτοσταδία **самостояніе**, αὐτότεχνος **самохѣдожный**, αὐτότοκος **саморожденъ** и т.д. (НБ МГУ, Мур. 3504, л. 222об.–223)⁷.

Наконец, в латыни, которой Епифаний и Евфимий владели столь же хорошо, как и греческим, местоимение ille, указывающее на отдаленный по месту, времени или упомянутый раньше предмет, также могло иметь значение личного местоимения 3-го лица («он»); при упоминании двух разных предметов ille отсылает, как правило, к первому из них, а hic — к последнему [Соболевский 1998, 372–373]. В тексте Вульгаты, помимо атрибутивных конструкций с ille (ille homo, in illo loco, in illis diebus, in illa hora), достаточно примеров субстантивного употребления ille: Lk 7:4 at illi cum venissent ad Iesum rogabant eum; Mt 2:3 audiens autem Herodes rex turbatus est et omnis Hierosolyma cum illo; Mk 6:24 quae cum exisset dixit matri suae quid petam et illa dixit caput Iohannis

⁷ Цитируемый экземпляр греко-славяно-латинского Лексикона является копией 1766 г. с автографа Епифания Славинецкого ГИМ, Син. греч. 488 (383) (до 1675 г.). Об истории списка см. [Ленчиненко 2008].

Baptistae; I 5:23 qui non honorificat Filium non honorificat Patrem qui misit illum и т.д. Так же, как αὐτοῦ и αὐτῶν в греческом, латинские формы генетива illius и illorum имеют притяжательное значение (Mt 9:2 videns Iesus fidem illorum, I 9:28 tu discipulus illius; Mk 6:52 erat enim cor illorum obcaecatum; Lk 10:39 sedens secus pedes Domini audiebat verbum illius).

Однако в правленном НЗЕ ситуация сложнее однозначного предпочтения указательных местоимений личным. В тексте есть и противоположные исправления, когда стертыми оказываются формы указательных местоимений, а поверх них написаны формы личных местоимений *и, *я, *к в косвенных падежах:

Мф 1:19 іѡсиф же мѡжѣ еѡ, праведен сын, и не хотѣ еѡ вблнчнті, восхотѣ тайно ѡпѣстити ю; Мф 1:24 воставѣ же іѡсифѣ ѡ сна, сотвори пакѡ же повелѣ еѡ аггль гднь; Мф 1:25 и не знаяше еѡ, дондеже роди сѡа своего перворожденѡго, и нарече еѡа егѡ іис; Мф 8:5 вшедшѣ же еѡѣ в капернаѡм, прииде к немѣ стоначалникѣ, моля егѡ; Мф 8:15 и прикоснѣся рѣцѣ еѡ, и встави ю огнѣвица. и воста, и слѡжаше еѡѣ; Мф 4:8 пакѡ приѣмлетѣ егѡ діаволѣ на горѣ высокѣ сѣлѡ, и показѣ еѡѣ всѡ царствіѡ міра, и славѣ нхѣ; Мк 1: 36 и гнаша егѡ сімѡнѣ и сѡѡн с нимѣ; Мф 6:1 внимайте мѡтѡни вашѡ не творити пред чѡлѡвѣки, кѣ еже видѣтсѡ нми; И 2:22 егда ѡбѡ воста и мертвѣ, помянѣшѡ ѡченици егѡ пакѡ сіѣ глѡше нмѣ; Мк 3:5 и вѣзрѣвѣ тыѡ со гнѣвомѣ, соскорѣѡ ѡ камененіи сердца нхѣ; Лк 4:9 и веде егѡ во іерлѡмѣ, и постави егѡ на крилѣ стѣлища, и рече еѡѣ; Лк 5:31 и ѡтѣѣшавѣ іисѣ рече к нимѣ; Лк 8:2 маріѡ зѡвѣмая магдалинѡ, из неѡ же демони сѣдѣм изидѡша; Лк 9:45 вѣ прикровѣнѣ ѡ ннхѣ; И 1:47 видѣ іис на ѡанаила грядѡща к себѣ, и глѣтѣ ѡ немѣ; И 2:4 глѣтѣ ей іис и др.

Такое же направление правки охватывает и формы Род. п. указательных местоимения тогѡ, томѡ, тѣхѣ с притяжательным значением: Лк 3:4 оуготовайте пѣтѣ гднь, правы творите стѣзи егѡ; Лк 4:22 и всѡ свѣдѣтелствовахѣ томѣ, и чѡдѡхѣся ѡ словесѣхѣ блгодати, изхѡдящѣ и ѡста егѡ; Лк 6:6 и рѣка егѡ десная вѣ сѡха; Лк 6:10 ѡсторонѣ рѣка егѡ здрава пакѡ дрѡгая; Лк 6:45 ѡ излѣства бо срдца глѣтѣ оѡсто егѡ; Лк 7:18 и возвѣстѣша іѡаннѣ ѡченици егѡ ѡ всѣхѣ сн; Мф 2:21 онѣ же воставѣ пріѡ отрѡча и матерѣ егѡ; Мф 1:23 и родитѣ сѡа, и нарекутѣ нмѡ егѡ еѡманѡилѣ; Мф 1:19 іѡсиф же мѡжѣ еѡ; Мф 1:21 роди же сѡа, и назовѣши нмѡ егѡ іис. той бо спасѣтѣ людѣ свой ѡ грѣхѡвѣ нхѣ; Мк 1:31 ѡдержавѣ рѡкѣ еѡ; Мф 11:1 прѣиде ѡтоѡдѣ ѡучити и вѣстѡвати во градѣхѣ нхѣ; Мф 15:28 ѡврачнѣ дѣи еѡ ѡ чѣсѡ онагѡ; Мф 15:8 срдце же и далече ѡсѡтѣствѣтѣ; Лк 24:45 тогда рѡверзе нхѣ ѡмѣ; Мк 2:5 видѣвѣ же іис вѣрѣ нхѣ; Лк 8:44 и авіѣ ста тѡ, крове еѡ и др.

Нет возможности заключить, что в процессе sprawy изменилась установка справщика, например, от Евангелия от Матфея к Евангелию от Иоанна Евфимий постепенно поменял свою точку зрения на противоположную. Исправления имеют разную интенсивность в тексте, но во всех четырех евангелиях присутствуют разнонаправленные правки. Более того, данные «белового» списка ГИМ, Син. Греч. 472 также неоднозначны: в нем есть исправления форм указательных местоимений «чернового» списка на личные, однако они тоже непоследовательны и не меняют общую пеструю картину. Скорее всего, мы имеем дело с сомнениями писавшего и переписывавшего в целесообразности подобной sprawy вообще.

Такие сомнения красноречиво демонстрируют примеры, в которых в пределах одного или двух соседних стихов к одному и тому же объекту отсылают разные местоимения, указательное и личное: Мф 6:26 вѡзрѣте на птѣицы

НЕБЕСНЫЯ, ІАКВ НЕ СЬЮТЪ, НИЖЕ ЖИДЪТЪ, НИЖЕ СОБИРАЮТЪ ВЪ ВЛАГАЛИЩА, И ОЦЪ ВАШЪ НЕБЕСНЫИ ПИТАЕ **ТЫА**. НЕ ВЫ ЛИ ПАЧЕ ПРЕИЗЪЩЕСТВУЕТЕ **И**; Мк 9:9 НИХОДЯЩИМЪ ЖЕ ИМЪ **п** ГОРЫ, ЗАПРЕТИ **ТЫМЪ**; Мк 10:16 И ВЪЕМЪ **ТЫА**, ВОЗЛОЖИВЪ РЪКЫ НА НЯ, БЛГОСЛОВИ **ТЫА**; Лк 4:42 НАРОДИ ИСКАХЪ **ТОГО**, И ИДОША ДО НЕГѠ, И ДЕРЖАВАХЪ **ТОГО**; Лк 8:42 ВНЕГДА ЖЕ ИТИ **ЕМЪ**, НАРОДИ СОГНѢТАХЪ **ТОГО**.

Во всех вышеприведенных примерах в «беловом» списке нет изменений. Однако другая часть таких «расподобленных» форм внутри синтагмы в «беловом» списке правится на однородные личные местоимения 3-го лица: Мк 8:23 И ПЛЮНУВЪ НА ОЧИ ЕГѠ ПОЛОЖИВЪ РЪКЫ НА **ТОГО** (→ него), ВОПРОШАЕ ЕГО АЩЕ ЧТО ВИДИТЬ; И 1:10 В МІРѢ БѢ, И МІРЪ ЧРЕЗЪ **ТОГО** ВЫСТЬ (на полях имъ), И МІРЪ **ТОГО** НЕ ПОЗНА, НО И 1:11 ВО СВОЯ ПРІЙДЕ, И СВОИ **ЕГО** НЕ ПРІЯША; Мк 5:9 И ВОПРОШАЕ **ТОГО** (→ его), ЧТО ТЕБѢ ИМА, НО 5:10 И МОЛЯШЕ ЕГО МНѠГО; Мк 3:1–2 И ВЪИДЕ ПАКИ В СОННИЩЕ, И БѢ ТАМѠ ЧЕЛОВѢКЪ ИЗЪСОХШЪ ИМѢА РЪКЪ. И НАБЛЮДАХЪ **ТОГО** (→ его), АЩЕ В САВВАТѢХЪ УВРАЧИТЬ ЕГО, ДА УГЛЮТЪ ЕГО; Мф 21:44 И ПАДЫИ НА КАМЕНЬ СЕН, СОКРЪШИТСА: НА **ЕГО** ЖЕ АЩЕ ПАДЕТЬ, СОТРЕТЬ **ТОГО** (→ его).

Правка притяжательных форм указательных местоимений в «беловом» списке наиболее последовательна. Указательные же местоимения в функции личных правятся неравномерно и избирательно. Как правило, без изменений в Син. Греч. 472 остаются преимущественно те случаи, где присутствует «сильная» анафора, т.е. местоимения **той**, **таа**, **тоа** стоят в непосредственной близости от имени, к которому они отсылают: Мф 7:24 **В**СЯКЪ **п**ВѠ НИЖЕ СЛЫШИТЪ МОЯ СЛОВЕСА СІА, И ТВОРИТЪ **ТАА**, **п**ПОДОБІЮ ЕГО МЪЖЪ МЪДРОЪ; Мф 7:26 И **В**СЯКЪ СЛЫШАИ МОЯ СЛОВЕСА СІА, И НЕ ТВОРИИ **ТѢХЪ**, **п**ПОДОБИТСА МЪЖЪ БѢЮ; И 2:20 СОЗДАСА ХРАМЪ СЕЙ, И ТЫ ЛИ В ТРЕХЪ ДНЕХЪ ВОДВИГНЕШИ **ТОИ**; Мк 9:36 И ВЪЕМЪ ОТРОЧА, ПОСТАВИ **ТОА** ВО СРЕДѢ НХЪ, И ВЪЕМЪ **ТОА**; Мк 8:35 НИЖЕ ВО АЩЕ ХОЩЕ ДШЪ СВОЮ СПАСТИ, ПОГЪБИТЬ **ТѢЮ**. НИЖЕ ЖЕ АЩЕ ПОГЪБИТЬ ДШЪ СВОЮ РАДИ МЕНЕ И ЕВІА, **ТОИ** СПАСЕТЪ **ТѢЮ**; Мк 10:6 **п** НАЧАЛА ЖЕ ЗДАНИА МЪЖА И ЖЕНЪ СОТВОРИ **ТЫА** БГЪ; Лк 8:21 СІН СЪТЪ СЛЫШАЩІИ СЛОВО БЖЕЕ, И ТВОРИЩІИ **ТОА**; Лк 14:19 СОПРЪГИ ВОЛѠВЪ КЪПИХЪ ПАТЬ, И НДЪ ИСКЪСИТИ **ТЫА**; Лк 16:29 ГЛЕТЪ **ЕМЪ** АВРААМЪ: ИМЪ МОУСЕА, И ПРОРѠКЫ: ДА ПОСЛЪШАЮТЪ **ТѢХЪ**; Лк 24:11 ІАВИШАСА ПРѢД НИМИ ІАКВ БЛАДЪ ГЛИ НХЪ, И НЕ ВѢРОВАХЪ **ТЫМЪ**; Мф 23:20 РОТАНІА **п**ВѠ ЖЕРТВЕНИКОМЪ, РОТИТСА **ТѢМЪ**, И ВСѢМИ СЪЩИМИ НА НЕМЪ. В единичных случаях в «беловом» списке в подобном контексте указательное местоимение появляется на месте личного в «черновом» списке НЗЕ: Мф 1:20 **і**ѠСИФЕ СІНЕ ДѢДѠВЪ, НЕ ВОИСА ПРІЯТИ МРІАМЪ ЖЕНЪ ТВОЮ. В НЕЙ (→ **тѣи**) БО РОЖДШЕЕСА **п** ДХА ЕСТЬ СЪАГѠ.

Ориентация на дейктическую структуру классических языков выступала основным определяющим фактором взаимозамен личных и указательных местоимений в НЗЕ. Однако дополнительным обстоятельством, осложняющим выбор переводчиков в контексте и зачастую объясняющим их непоследовательность, могла быть актуальная для библейского текста семантическая мотивация. Подчиненная задаче адекватной интерпретации, эта мотивация связана с однозначностью указания на известное и уже названное лицо⁸ и, при необходимости, обозначением смены лица, о котором говорится в косвенном падеже. На грамматическом уровне речь идет о смене грамматического объекта и стремлении избежать омонимии при его обозначении. К примеру, в догматически важных первых стихах Евангелия от Иоанна местоимение **тѣ/той**,

⁸ Поскольку особо значимым в контексте интерпретации Нового Завета является однозначное указание на Иисуса, то наиболее простое решение этой проблемы представлено в русском Синодальном переводе, где все соответствующие формы местоимений пишутся с заглавной буквы.

относящееся к Слову, меняется на *и, когда речь заходит об Иоанне Крестителе (в скобках приведены формы древнего текста):

1:1 **Вѣ** началѣ **бѣ** слово, и слово **бѣ** къ **бг҃у**, и **бг҃ъ** **бѣ** слово

1:2 **Сіе** **бѣ** в началѣ къ **бг҃у**

1:3 **всѧ** **чреѝ** **тогѡ** (**тѣмь**) **быша**: и **безъ тогѡ** (**него**) **бысть** ниже **едино**, **еже бысть**.

1:4 в **томѣ** (**томь**) **жизнь** **бѣ**, и **жизнь** **бѣ** **свѣтъ** **чл҃ковѣ**

1:5 и **свѣтъ** во **тмѣ** **свѣтитъ**, и **тма того** (**его**) **не шѣтъ**

1:6 **бысть** **чл҃къ** **посланъ ѿ бг҃а**, **имѧ** **ѣмѧ** **іѡаннѣ**.

1:7 **сей** **пріиде** во **свидѣтельство**, да **свидѣтельствѣт** ѡ **свѣтѣ**, да **вси ѡбкр҃ѣютъ** **чреѝ того** (**имѧ**)

Замена форм местоимения *и древнего текста в И 1:3–5, очевидно, связана с устранением непоследовательности в указании на Слово (**тѣ**/*и). Смена объекта в И 1:6 маркирована формой **ѣмѧ**, указывающей на Иоанна Крестителя и не допускающей омонимии с предшествующими формами местоимения **тѣ**. В И 1:7 замена словоформы **имѧ** на **того** определена уже в большей степени синтаксическими причинами: «сильной» анафорой и соотносительностью местоимений **ѡѣтѡс** — **ѡѣтѡс**, стандартно передающихся в НЗЕ парой **сей** — **той**⁹. В И 1:8–12 в НЗЕ форма **той** уже снова относится к Слову и варьируется с формами местоимения *и.

Показательной аналогией, иллюстрирующей особое внимание библейских переводчиков XVII в. к проблеме определенного лица, выступает латинский перевод с греческого того же фрагмента из Евангелия от Иоанна Теодором Безой¹⁰, которого Евфимий Чудовский неоднократно упоминает в полемическом трактате «На оглаголюющия Священную Библию» [Исаченко 2015, 237–320]. Беза существенно меняет текст Вульгаты, избыточно добавляя местоимения *ille*, *hic*, *iste* к именам и атрибутам Бога (*Sermo ille*, *hic Sermo*, *lux illa*, *lux ista*):

1:1 *in principio erat Sermo ille et Sermo ille erat apud Deum, eratque ille Sermo, Deus*

1:2 *hic Sermo erat in principio apud Deum*

1:3 *omnia per hunc Sermonem facta sunt et absque eo factum est nihil quod factum sit*

1:4 *in ipso vita erat et vita erat lux illa hominum*

1:5 *et lux ista in tenebris lucet et 24nterpre eam non comprehenderunt*

1:6 *fuit quidam missus a Deo cui nomen Iohannes*

1:7 *is venit in dandum testimonium, id 24nterp testaretur de illa luce, ut omnes per eum crederent*

У Безы использование лично-указательных местоимений 3-го лица отличается от Вульгаты не только в пределах начальных стихов Евангелия от Иоанна. Во всем его переводе местоимение *ille* используется настолько чрезмерно и независимо от греческого, что превращается в определенный артикль: I 1:1 *in principio erat sermo ille, et sermo ille erat apud Deum, eratque ille sermo Deus*;

⁹ Ср. также Лк 10:21 **сокрылѣ** **еси сія** (**αὐτῶν**) **ѿ мѡдрѣ** и **разѡмнѣ**, и **ѡкрылѣ** **еси тѣмѧ** (**αὐτῶν**) **младенцѣ**.

¹⁰ При жизни Безы вышло пять его больших изданий (in folio): 1556 (1557), 1565, 1582, 1589 и 1598 гг. Четыре из них (за исключением первого издания) содержали не только новый латинский перевод с авторскими комментариями, но также греческий текст и латинский текст Вульгаты. Кроме того, вышло также пять двуязычных изданий меньшего формата [Krans 2006, 202–206]. Выходили также неавторизованные издания и издания, содержавшие только латинский перевод Безы с его комментариями, — всего их насчитывается около восьмидесяти. Цитаты приводятся по третьему изданию перевода Безы, напечатанному Анри Стефаном в Женеве в 1589 г.: *Novum Testamentum, sive Novum foedus, cuius Graeco contextui respondent interpretationes duae: una, vetus: altera, Theodori Bezae, nunc quarto diligenter ab eo recognita*.

Mk 6:41 Et acceptis quinque *illis* panibus ac duobus *illis* piscibus, suspiciens in coelum, benedixit, ac fregit panes: deditque discipulis suis ut *illis* apponerent; Mk 6:52 Non enim intellexerant quod factum fuerat *illis* panibus; Mk 6:37 At *ille* respondens dixit eis; Mt 27:11 Tú ne es Rex *ille* Iudaeorum; Mk 1:11 Tu es Filius *ille* meus dilectus.

Для маркирования смены объектов, обозначаемых одним и тем же местоимением *αὐτός* в греческом, как Беза, так и Вульгата, используют разные формы: *is, ea, id, ille, illa, illus, iste, ista, istud*; в их употреблении старый перевод Вульгаты и новый перевод Безы зачастую различаются (ср. Mk 5:8 Беза: *dicebat enim ei Iesus, Exi spiritus impure ex isto homine*; Вульгата: *dicebat enim illi, Exi spiritus inmunde ab homine*). Идея четкого и однозначного указания на уже известное и ранее названное лицо и маркирования смены лица, о котором говорится, несомненно, выступает одним из мотивов исправлений как в латинском переводе Безы, так и в церковнославянском НЗЕ. Речь идет не об использовании конкретного текста в качестве источника, но о типологической аналогии, диктуемой потребностями экзегезы.

Наблюдения над правленными формами местоимений 3-го лица в НЗЕ позволяют реконструировать изначально присущую переводу Епифания Славинецкого широкую вариативность местоимений *и и той в качестве личных местоимений 3-го лица, соответствующих греческому *αὐτός*. Эта вариативность обусловлена совмещением традиционных форм *и, *та, *к древнего текста и свойственной Епифанию индивидуальной норме, в которой той, таа, тое составляют сильную конкуренцию личным местоимениям 3-го лица. Непоследовательность и разнонаправленность исправления местоимений Евфимием Чудовским обусловлена сочетанием нескольких факторов: стремлением к следованию узусу Епифания Славинецкого, ориентацией на синтаксическое функционирование греческого *αὐτός* в качестве местоимения 3-го лица, влиянием традиции старшего славянского евангельского перевода, необходимостью обозначения смены соотнесенного с местоимением лица для верного истолкования текста. Прослеживаемая по «беловому» списку НЗЕ дальнейшая правка местоимений демонстрирует сохранение непоследовательности, однако можно заметить тенденцию к отказу от использования указательных местоимений в Род. п. в функциях притяжательных и к ограничению употребления местоимений той, таа, тое контекстами «сильной» анафоры, в пределах которых имя и соотнесенное с ним местоимение находятся в непосредственной близости. Эта тенденция свидетельствует о стремлении Евфимия Чудовского в процессе правки перевода НЗЕ найти некий компромисс между калькированием синтаксического функционирования греческого местоимения *αὐτός* и узусом анафорического употребления местоимения тѣ в старших евангельских славянских переводах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей
НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
НЗЕ – Новый Завет в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского
РГБ – Российская государственная библиотека

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адельфотис. Грамматіка доброгоглавоваго еллинословенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому Російському роду. Львов, 1591.
ГИМ, Син. Греч. 473. Евангелия, Деяния апостольские в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Посл. треть XVII в.

ГИМ, Син. Греч. 472. Новый Завет (Евангелия, Деяния и Послания апостольские, Апокалипсис) в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Посл. треть XVII в.
 ГИМ, Син. 718. Толкование Феофилакта Болгарского на Послания ап. Павла к Римлянам и 1-е к Коринфянам в переводе Епифания Славинецкого. Сер. XVII в.
 Грамматика Мелетия Смотрицкого. М.: Печатный двор, 1648.
 НБ МГУ, Мур. 3504. Лексикон греко-славяно-латинский Епифания Славинецкого, 1766 г.
 Novum Testamentum, sive Novum foedus, cuius Graeco contextui respondent interpretationes duae: una, vetus: altera, Theodori Bezae, nunc quarto diligenter ab eo recognita. [Genevae], 1589.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева Т.И.* Употребление указательных местоимений в функции личных местоимений 3-го лица в русских переводах конца XIV века // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 196–208.
- Афанасьева Т.И., Козак В.В., Мошков Г.А., Шарихина М.Г.* Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 400 с.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 1: Толкование Священного Писания. М., 1857. 199 с.
- Журова Л.И.* Даниил, митрополит Московский. Сочинения / Исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с.
- Евангелие от Иоанна в славянской традиции / изд. подготовили Алексеев А.А., Пичхадзе А.А., Бабицкая М.Б. и др. СПб.: Российское Библейское общество, 1998. 53 + 98 + 82 с.
- Евангелие от Матфея в славянской традиции / изд. подготовили Алексеев А.А., Азарова И.В., Алексеева Е.Л. и др. СПб.: Российское Библейское общество, 2005. 181 с.
- Исаченко Т.А.* Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.). Факсимиле. Подготовка текста Т.А. Исаченко. Neues Testament in der Übersetzung des Priestermonchs Jepifanij Slavynec'kyj. Herausgegeben von T. Isačenko. (Biblia Slavica. Nachdrucke ältester Ausgaben slawischer und baltischer Bibelübersetzungen. Serie III: Ostslawische Bibeln. Band 2). Padeborn, München, Wien, Zürich, 2004. LIX + 830 с.
- Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015. 382 с.
- Касаткина Р.Ф.* Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.
- Кузнецов А.М.* Употребление указательных местоимений сь, тъ, онъ в Зографском Евангелии // Труды Института русского языка. 2020. № 1. С. 123–134. DOI: 10.31912/pvrl-2020.1.7.
- Ленчиненко М.В.* «Нарышкинский» список Греко-славяно-латинского Лексикона Епифания Славинецкого. К истории возникновения / Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 136–152.
- Майоров А.П.* Местоимения сей, тот, оной в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 224–239.
- Маунс У.Д.* Основы библейского греческого языка. Базовый курс грамматики. СПб.: Библия для всех, 2011. 480 с.
- Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1(31). С. 182–226.
- Пентковская Т.В.* Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 27–52.
- Пентковская Т.В.* Историко-лингвистический анализ как необходимое условие подготовки текста к изданию (на материале Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского второй половины XVII в.) // Slavistica Vilnensis. 2019. Vol. 64(1). P. 37–53. [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64\(1\).03](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64(1).03).
- Ревзин И.И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 121–137.
- Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка: Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. СПб.: Алетей, 1998. 430 с. (Фототипическое изд.: М., 1948).
- Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. 616 с. (Фототипическое изд.: М., 1948).
- Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект-Пресс, 2002. 558 с.

- Халанский М.Г. Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1901. Т. 6. Кн. 3. С. 127–169.
- Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань: Типо-литография Имп. Университета, 1898. 524 с.
- Шпуть О.Б. Граматика і семантика займенника в українській мові XVI–XVII століть. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Львів, 2016. 280 с.
- Krans J. Beyond What Is Written: Erasmus and Beza as Conjectural Critics of the New Testament. Leiden; Boston, 2006. 387 p.
- SS – Słownik staropolski. T. IX. Ściadły – Używanie / red. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982–1987, 511 p.
- Večerka R. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. T. II. Die Innere Satzstruktur / Monumenta Linguae Slavicæ Dialecti Veteris. XXXIV (XXVII/2). Freiburg, 1993. 411 p.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2023

Рукопись принята к печати 25.04.2023

REFERENCES

- Afanas'jeva T.I. Upotreblenije ukazatel'nykh mestoimenii v funktsii lichnykh mestoimenii 3-go litsa v russkikh perevodakh kontsa XIV veka. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017, no. 1 (33), pp. 196–208. (In Russ.)
- Afanas'jeva T.I., Kozak V.V., Mol'kov G.A., Sharikhina M.G. *Jevkhologii Velikoi tserkvi v slaviano-russkom perevode kontsa XIV veka. Issledovanie I teksta*. Moscow; St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2019, 400 p. (In Russ.)
- Gorskii A.V., Nevostrujev K.I. *Opisanije slavianskikh rukopisei Moskovskoi sinodal'noi biblioteki*. Otd. II: Pisaniiia sviatykh ottsov. Ch. 1: Tolkovanie Sviashchennogo Pisaniiia. Moscow, 1857, 199 p. (In Russ.)
- Jevangelije ot Ioanna v slavianskoi traditsii. Izd. Podgotovili Aleksejev A.A., Pichkhadze A.A., Babitskaia M.B. I dr. St. Petersburg, Russian Bible society Publ., 1998. 53 + 98 + 82 p. (In Russ.)
- Jevangelije ot Matfeja v slavianskoi traditsii. Izd. Podgotovili Aleksejev A.A., Azarova I.V., Aleksejeva Je.L. I dr. SPb.: Russian Bible society Publ., 2005, 181 p. (In Russ.)
- Isachenko T.A. *Novyi Zavet v perevode ijeromonacha Chudova monastyrja Jepifaniiia Slavinetskogo (posl. Trei' XVII v.) Faksimile. Podgotovka teksta T.A. Isachenko*. Neues Testament in der Übersetzung des Priestermonchs Jepifanij Slavyneč'kyj. Herausgegeben von T. Isačenko. (Biblia Slavica. Nachdrucke ältester Ausgaben slawischer und baltischer Bibelübersetzungen. Serie III: Ostslawische Bibeln. Band 2). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004, LIX + 830 p.
- Isachenko T.A. *Vera I protivlenije v otvetakh I oblicheniakh 80–90-kh gg. XVII v. Novyje bibleiskije perevody v filologičeskikh shkolakh XVII v.* Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, 382 p. (In Russ.)
- Kasatkina R.F. Russkii iazyk ischet artikl'. *Voprosy iazykoznanii*, 2012, № 2, pp. 3–9. (In Russ.)
- Khalanskii M.G. Iz zametok po istorii russkogo literaturnogo iazyka. II. O chlene v russkom iazyke. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka I slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, 1901, t. 6, kn. 3, pp. 127–169. (In Russ.)
- Kharlampovich K.V. *Zapadnorrusskije pravoslavnyje shkoly XVI I nachala XVII veka, otnoshenije ikh k inoslavnym, religioznoje obuchenije v nikh I zaslugi ikh v dele zashchity pravoslavnoi very I tserkvi*. Kazań', Tipo-litografiiia Imp. Universiteta, 1898, 524 p. (In Russ.)
- Krans J. *Beyond What Is Written: Erasmus and Beza as Conjectural Critics of the New Testament*. Leiden-Boston, 2006, 387 p.
- Kuznetsov A.M. Upotreblenije ukazatel'nykh mestoimenii s', t', on' v Zografskom Jevangelii. *Trudy Instituta russkogo iazyka*, 2020, no. 1, pp. 123–134. (In Russ.) DOI: 10.31912/pvrl-2020.1.7
- Lenchinenko M.V. «Naryshkinskii» spisok Greko-slaviano-latinskogo Leksikona Jepifaniiia Slavinetskogo. K istorii vzniknoveniia. *Rukopisi. Redkije izdaniia. Arkhivy. Iz fondov Otdela redkikh knig I rukopisei Nauchnoi biblioteki MGU*. Moscow, Vodolei Publishers Publ., 2008, pp. 136–152. (In Russ.)
- Maiores A.P. Mestoimeniia sei, tot, onoi v delovom iazyke XVII–XVIII vv. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 2 (8), pp. 224–239. (In Russ.)
- Mounce W.D. *Basics of Biblical Greek. Grammar*. 3rd edition. Michigan, Zondervan, 2009. 456 p. Russ. Ed.: Mauns U.D. *Osnovy bibleiskogo grecheskogo iazyka. Bazovyi kurs grammatiki*. St. Petersburg, Bibliia dlia vsekh, 2011, 480 p. (In Russ.)

- Pentkovskaia T.V. Novyi Zavet v perevode knizhnogo kruga Jepifaniia Slavinetskogo I pol'skaia perevodcheskaia traditsiia XVI v.: perevod argumentov k Apostolu. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, no. 1(31), pp. 182–226. (In Russ.)
- Pentkovskaia T.V. Tolkovaniia na poslaniia apostola Pavla v perevode Jepifaniia Slavinetskogo kak istochnik Novogo Zaveta poslednei chetverti XVII v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2017, no. 2, pp. 27–52. (In Russ.)
- Pentkovskaia T.V. Istochnikovedcheskii analiz kak neobkhodimoje uslovije podgotovki teksta k izdaniiu (na materiale Novogo Zaveta knizhnogo kruga Jepifaniia Slavinetskogo I Jevfimiia Chudovskogo vtoroi poloviny XVII v.). *Slavistica Vilnensis*, 2019, vol. 64(1), pp. 37–53. (In Russ.) [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64\(1\).03](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2019.64(1).03)
- Revzin I.I. Nekotorye sredstva vyrazheniia protivopostavleniia po opredelennosti v sovremennom russkom iazyke. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniia*. Moscow, 1973, pp. 121–137. (In Russ.)
- Shpyt' O.B. Hramatyka i semantyka zaimennyka v ukrains'kii movi XVI–XVII stolit'. Dysertatsiia na zdobuttia naukovooho stupenia kandydata filolohichnykh nauk. L'viv, 2016, 280 p. (In Ukr.)
- Słownik staropolski*. T. IX. Ściadły – Używanie, red. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982–1987, 511 p. (In Pol.)
- Sobolevskii S.I. *Grammatika latinskogo iazyka: Chast' teoreticheskai. Morfologiya i sintaksis*. St. Petersburg, Aleteia, 1998, 430 p. (Fototipicheskoe izd.: M., 1948). (In Russ.)
- Sobolevskii S.I. *Drevnegrecheskii iazyk*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2009, 616 p. (Fototipicheskoe izd.: M., 1948). (In Russ.)
- Uspenskii B.A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2002, 558 p. (In Russ.)
- Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. T. II. Die Innere Satzstruktur*. Monumenta Linguae Slavicæ Dialecti Veteris. XXXIV (XXVII/2). Freiburg, 1993, 411 p.
- Zhurova L.I. *Daniil, mitropolit Moskovskii. Sochineniia*, issledovaniye, podgotovka tekstov i izdaniye L.I. Zhurovoi. Moscow, Indrik Publ., 2020, 848 p. (In Russ.)

Received on 10.03.2023

Accepted on 25.04.2023

Информация об авторе:

Вернер Инна Вениаминовна
 кандидат филологических наук,
 старший научный сотрудник
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-8385-3599
 E-mail: inna.verner@mail.ru

Information about the author:

Inna V. Verner
 Ph D. (Philology),
 Senior Researcher
 Institute of Slavic studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-8385-3599
 E-mail: inna.verner@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 4, с. 47–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 47–64

DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8

Оригинальная статья / Original Article

Славяносербская письменность в трудах Н.И. Толстого

© 2023 г. Анна Кречмер

Венский университет
(Вена, Австрийская Республика)

anna.kretschmer@univie.ac.at

Аннотация. Работа посвящена исследованиям Н.И. Толстого по нестандартному периоду сербской письменности. К этой теме (как правило, в контексте культурного ареала Православной Славии) он обращался в течение почти всей своей научной жизни. В обзоре рассмотрены его работы по славяносербской культурной традиции, которая все еще остается относительно слабо изученным периодом сербской культурной и языковой истории. Славяносербская культура была создана сербами в рассеянии, на землях империи Габсбургов, и просуществовала со второй половины XVIII почти до середины XIX в. Особое внимание в обзоре уделяется темам и вопросам, которые недостаточно представлены в работах других исследователей, а также методологическим аспектам, слабо освещенным в конвенциональных исследованиях. История и актуальное состояние этих исследований рассматриваются в заключительном разделе обзора, на фоне анализа вклада Н.И. Толстого в изучение славяносербской тематики. В основе его подхода — концепция единой (надэтнической) культурной парадигмы Православной Славии, в рамках которой и рассматривается сербский материал. Характерен для Толстого также максимально широкий текстовый корпус (как эмпирическая база исследования) и последовательная дескрипция этого корпуса, включающая и внеязыковые его характеристики.

Ключевые слова: славяносербская культурная традиция, донациональная письменность, Православная Славия, методологические аспекты исследования.

Ссылка для цитирования: Кречмер Анна. Славяносербская письменность в трудах Н.И. Толстого // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 47–64. DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8

Slavo-Serbian Literature in the Works of N. I. Tolstoy

© 2023. Anna Kretschmer

University of Vienna
(Vienna, Republic of Austria)

anna.kretschmer@univie.ac.at

Abstract. With this paper we would like to pay homage to N.I. Tolstoy's research of the pre-standard Serbian literature. That topic, as usual within the broader context of *Slavia Orthodoxa*, has accompanied Tolstoy during almost the whole of his scientific activity. In this area his studies about the Slav(en)oserbian literature are of particular relevance, because it is one of rather poorly studied periods of the Serbian cultural and language history. Slav(en)oserbian literature has been in use among the Serbs in Austria during the 2nd half of the 18th – 1st half of the 19th century. In our overview the focus will be on such themes and questions which are rather poorly researched in the conventional sources, while N.I. Tolstoy's works are characterized by his systemic, descriptive, analytically approach to the matter. This approach includes non-linguistic features of the corpus, too. To demonstrate it is the main purpose of this paper.

Keywords: Slavoserbian culture, pre-standard literature, *Slavia Orthodoxa*, methodological aspects of research.

For citation: Anna Kretschmer. Slavo-Serbian Literature in the Works of N. I. Tolstoy // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 4. P. 47–64. DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8

Обзор посвящен исследованиям Н.И. Толстого по славяносербской письменности, сравнительно слабо изученной фазе сербской культурно-языковой истории. Эту письменность создали сербы на землях империи Габсбургов, куда они массово переселялись с территорий под властью Османской империи в конце XVII и в первые десятилетия XVIII в. До 1918 г. сербы оставались подданными империи – как православное славянское меньшинство в иноязычном, инокультурном, иноверном мажоритарном окружении.

По ряду причин исследование славяносербской культуры и ее письменности начинается лишь в 1960-х годах. Ведущая роль в этом принадлежит Александру Младеновичу и его школе (ср. [Кречмер 1990; Кречмер 2021]). После периода некоторой стагнации, в последние годы заметно усиление интереса к этой теме.

Подход Толстого характеризует последовательное стремление к панорамной реконструкции сербской культурно-языковой ситуации и динамики ее развития в широком временном диапазоне, с конца XVII в.¹ и до примерно 1825 г.², с привлечением большого количества текстов самых разных жанров. Результаты его исследований по славяносербской культуре и ее языку представлены в работе «Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в.» [Толстой 1998b]³. В отношении славяносербской эпохи многое еще остается неразъясненным – даже временные ее характеристики. Показательно, что этому вопросу, слабо представленному в конвенциональных исследованиях, Н.И. Толстой, напротив, уделяет много внимания. Он в целом принимает предложенную еще в 1935 г. выдающимся представителем научной русской эмиграции Б.О. Унбегауном хронологическую схему довуковской письменности: (1) 1690–1740 гг.; (2) 1740–1780 гг.; (3) 1780 – начало XIX в. [Unbegaun 1935], подчеркивая значимость данных социокультурной и политической истории для истории письменной культуры [Толстой 1988, 243–245; Толстой 1965, 218–219]. В основе периодизации Унбегауна следующие исторические события: 1690 г. – *Великий*

¹ Ключевой момент здесь представляет массовое переселение сербов с подвластных Османской империи территорий в тогдашнюю Южную Венгрию в 1690 г. – так называемый *Великий исход* (*Велика сеоба Срба*), с которого и начинается предистория славяносербской культуры.

² Это время смены культурной парадигмы и перехода на новый сербский литературный язык по модели Вука Караджича (ср. н.).

³ Впервые опубликовано в двух статьях [Толстой 1978; Толстой 1979].

исход сербов (ср. в.), которым до 1918 г. был разделен сербский социум. 1740—1780 гг. — правление Марии-Терезии. 1780—1790 гг. — правление просвещенного монарха Иосифа II, период относительной веротерпимости; в 1788—1791 гг. — военные успехи против Турции. Кроме того, «последние два десятилетия оказываются периодом подготовки двух крупных событий в истории Сербии — первого (1804) и второго (1815) восстания против турок»⁴ (244)⁵.

На основе данных текстового корпуса Толстой дифференцирует среднюю и конечную фазы схемы Унбегауна. Поскольку формирование славяносербского языка начинается не ранее 1760 г., период 1740—1760 гг. Толстой относит к его предыстории. Разделение же конечной фазы мотивировано тем, что 1780—1800 гг. представляют собой «переходный период от славяносербского, или, вернее, русско-славянского литературного языка к литературному языку на народной основе» (289), в то время как для периода 1800—1825 гг. характерна уже конкуренция представлений о сербском литературном языке.

В отличие от большинства исследователей, Толстой обращается и к раннему славяносербскому, и к предшествующему ему периоду — в том числе к деятельности монахов-рачан, создавших скрипторий в тогдашнем центре сербской культурной жизни, венгерской Сентандрее (245—252)⁶. Их деятельность — в целом позднее проявление средневекового церковнославянского культурного наследия сербского сегмента православного славянского мира. Ее специфика и инновативность заданы, в первую очередь, контекстом жизни сербского общества. Наряду с обычной для скрипториев перепиской сакральных текстов создаются хождения, а также проповеди, обращенные к простому народу. Эти проповеди Толстой относит не к традиционной гомилетике, а считает новым жанром (246). Язык рачан (с заметным влиянием идиома) показан на примере хождения Иерофея (Ерофея) Рачанина († после 1727) в Иерусалим (1727 г.) и текстов Гавриила Стефановича Венцловича (ок. 1680—1749?), самого значимого автора из круга рачан. В языке Иерофея представлены три составляющие — «сербульская» (сербская редакция церковнославянского), «книжно-московская» (поздний церковнославянский «русского типа») и сербский народно-разговорный язык. Употребление их в определенной степени осознанно и регулировано, в основном стилистическими параметрами (247). Примечательно здесь указание на (структурные!) параллели с языком «Жития» протопопа Аввакума (246). В отличие от конвенциональной трактовки, Толстой уже в языке Иерофея видит «довольно сильное русское влияние, которое исследователи обычно относили ко времени после 1740 г.». У Иерофея это влияние выражается еще «в восприятии отдельных элементов древнеславянского языка позднего русского типа, а не всего языка как целого, как системы». В то время как Венцлович, «видимо, уже воспринимал три упомянутых выше идиома не как варианты инвентари одного языка, а как два разных (сербский “простой” и древнеславянский “сербульского” и “московского” типа) или даже три языка, сознавая при этом их близость и возможность сближения в определенных условиях». Интересно и указание на то,

⁴ В результате восстаний возникает сербское государство — княжество Сербия. В этом контексте следует рассматривать и начало деятельности Вука Караджича: в 1814—1818 гг. выходят его собрание народных песен, первые сербская грамматика и словарь, где представлена его модель литературного языка на вернакулярной основе, главный конкурент славяносербской модели.

⁵ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по [Толстой 1965].

⁶ Круг монахов-переписчиков из сербского монастыря Рачи, бежавших в ходе Великого переселения сербов в 1690 г. на земли венгерской короны в составе австрийской империи и основавших там значительный скрипторий и центр церковнославянской письменности поздней сербской редакции.

что «суждения Венцловича близки к представлениям южнорусских (украинских) книжников XVII в., различавших “словенский” язык и “простую мову” и пользовавшихся нередко и тем и другим» (248). Подчеркивается осознанность языковой практики — «некоторые произведения инок Гавриил просто переписывал, некоторые при переписке перерабатывал и приближал к народному языку, некоторые переводил на язык, очень близкий к народному» (249). Тут возникает тема оригинальности письменной (литературной) деятельности. В исследованиях по истории формирования литературных языков у православного славянства, в ранней фазе которых преобладает переводная письменность и адаптации иностранных текстов, это нередко оценочная категория. Для Толстого же вопрос оригинальности, авторства, «особенно для периодов становления новых норм, новой системы стилей [...] должен ставиться по-разному» (249)⁷.

Хотя и в сжатой форме, в работе представлена и слабо пока изученная тема «русских» школ у сербов в 1720–1730-е годы⁸. Деятельность этих школ привела к тому, что «в церковном обиходе, а в значительной мере и в обиходе гражданском, древнеславянский (церковнославянский) язык сербского образца был заменен древнеславянским языком русского образца» (254). Почти полностью свободными от русского влияния остаются деловая письменность и частная переписка. Им редко уделяется внимание, они не являются памятниками литературного языка — но представляют собой важные источники для истории письменной культуры. Толстой и здесь не ограничивается этническими особенностями и указывает на ситуацию Московской Руси XVII–XVIII вв., где «большую роль играл достаточно четко нормированный и почти лишенный ярких локальных особенностей государственно-канцелярский, деловой “приказной” язык», который «противопоставлялся языку с древнеславянской (церковнославянской) нормой и входил в определенную систему отношений с народно-разговорным койне и диалектами, а также с фольклорным языком». В южных регионах Православной Славии (Сербии, Болгарии) ситуация была иной — здесь «языком государственных канцелярий был латинский, немецкий, турецкий» (256–257).

Период 1740–1780 гг. для Толстого — время почти полного господства в письменности австрийских сербов позднего церковнославянского языка русского типа и высокого русского слога. С 1760 г. поступательно усиливаются секуляризация и отход от жанрового канона Православной Славии⁹. До этого мирские сербские тексты единичны. В качестве примеров приводятся «Стематогрфия» Жефаровича (1741) и описание Иерусалима Симеона Симоновича (1748). Для обоих авторов характерно «сознательное употребление четко нормализованного языка, далекого от народной основы и лишенного связи с сербульской традицией» (261). В 1759 г. выходит «Каллиграфия» Захарии Орфелина (ок. 1726–1785).

⁷ Индивидуальное авторство в парадигме культуры Православной Славии не было значимым само по себе — переписка, создание новых текстов (в соответствии с канонами) было в восприятии и автора (переписчика), и общества, частью жизненной задачи православного христианина, не актом индивидуальной деятельности.

⁸ Они воспитали целую плеяду значимых для сербской культуры личностей. Теме сербских школ посвящены [Гаврилович 1986; Грујић 1908; Кречмер 2021b; Кулаковский 1903; Нинковић, Васин 2021].

⁹ Модель строгого, иерархически организованного жанрового канона Православной Славии, состоявшего из 14 ярусов, представлена в работе Толстого «Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку» [Толстой 1988b] (впервые опубликовано на сербском в [Толстой 1982]). Верхние ярусы представлены жанрами, наиболее близкими к сфере сакрального — (1) литургической письменностью, (2) гимнографией, (3) агиографией и (4) панегирикой. А нижние — (12) светской юридической, (13) деловой и (14) бытовой письменностью (168).

«Каллиграфию», вместе с «Кратким о богоподобном телу и крови Христовой поклонении...» митр. Павла Ненадовича (1758), «Привилегиями» Леопольда I (1745) и «Регуламентом» 1748 г., Толстой относит к сфере «делового церковного и гражданского языка середины XVIII в.» (261–263).

Он обращается и к устному употреблению литературного языка в проповеди и драме, новых для сербского общества жанрах — теме, в конвенциональных исследованиях практически не представленной (263–267). Оба жанра «имели ярко барочный характер, и оба возникли под т.н. “русским” влиянием». Важным источником и образцом для проповеди была гомилетика Иоаникия Галатовского, Лазаря Барановича, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича — авторитетных церковных деятелей Петровского времени, выходцев из так называемой Юго-Западной Руси¹⁰. Драма представлена «школьной драмой», барочным жанром, хорошо знакомым учителям «русских» школ: «драмы разучивались школярами и исполнялись в школе под руководством учителей» (265)¹¹.

1760–1780 гг. характеризуются «резким подъемом печатной продукции у сербов, укреплением позиций славяно-сербского языка с ярко русской окраской, [...] расширением жанрового репертуара сербской литературы, увеличением числа оригинальных сочинений, резким усилением светской струи» (267). Из печати выходит более сотни сербских книг¹², из которых 40 относятся еще к конфессиональной письменности, но число светских публикаций неуклонно растет. При этом «приток русских книг конфессионального и неконфессионального характера за этот период не ослабевал, а усиливался» (269). Определенной секуляризации подвергается даже конфессиональная письменность — в облике новой для Православной Славии катехетической литературы (268). Светские тексты представлены в первую очередь пособиями, учебниками, постановлениями и указами австрийских властей (270–274)¹³. Язык официальных текстов, законов, правил, рескриптов в высокой степени нестабилен и неоднороден (272). То же относится в целом и к языку учебных пособий, особенно естественно-научных — что показано на примере «Новой сербской арифметики» В. Дамьяновича (1767), первого сербского учебника математики (273–274). Напротив, *историографический слог*¹⁴ в это время уже «довольно прочно стабилизировался» (274). Интересны указания на прямую связь между ранней славяносербской историографией (с которой, по сути дела, начинается научная историография у сербов) и языком и стилем «Славяносербских хроник» Георгия Бранковича. Они были написаны на рубеже XVII–XVIII вв., т.е. не относятся к славяносербской эпохе, но являются связующим звеном между старой летописной традицией и научной историографией (274–275)¹⁵.

¹⁰ Источником этого влияния были «русские» школы, в которых работали Максим Суворов с братом, Эммануил Козачинский, иеромонах Петр Михайлов и др., воспитанные на трудах названных авторов и в Киево-Могилянской академии.

¹¹ Этот жанр ранней сербской светской письменности слабо изучен. В 1736 г. Козачинский написал трагедию о смерти Уроша († 1371), сына последнего выдающегося правителя династии Неманичей и первого сербского царя Душана. Трагедия сохранилась в редакции 1795 г. ученика Козачинского, Йована Раича (о нем ср. н.), ср. [Толстой 1998b, 265–266].

¹² Главным источником таких данных и сегодня остается «Српска библиографија XVIII века» Г. Михайловича [Михайловић 1964].

¹³ Также слабо изученные жанры.

¹⁴ Ему Толстой отводит особое значение в процессе формирования славяносербского письменного языка, ср. [Толстой 1998a]

¹⁵ Незадолго до своей смерти Н. И. Толстой в личном разговоре с автором посетовал на то, что этот важный памятник до сих пор не издан. Так возник проект первого издания «Хроник», частично уже осуществленный [Бранковић 2008; Бранковић 2011].

Ведущие авторы этого времени — Павле Юлинац (ок. 1730–1785), историограф и переводчик, и Захария Орфелин — учитель, автор популярных учебников и пособий, издатель (276–289)¹⁶. Их язык, как и язык Йована Раича, Толстой выделяет в особый подтип (278). Орфелина он считает «центральной творческой фигурой в рассматриваемый период, значительно обогатившей жанровый состав сербской литературы» (288). Его языковой репертуар широк — в зависимости от жанра и интенциональности текста это может быть и почти чистый поздний церковнославянский, и историографический слог, и язык, весьма близкий к разговорному — и даже почти чистый русский письменный язык (в жизнеописании Петра I 1772 г.). Осознанное переключение кодов особенно заметно в изданном в 1768 г. Орфелиным первом (и единственном) номере первого сербского журнала «Славено-сербский Магазинь»¹⁷, в котором представлены разные жанры: эпиграммы, советы домашнего лекаря, рецепты, морально-поучительные и исторические тексты и т.д. В целом у Орфелина заметно стремление к упорядочению употребляемых кодов (287).

Время Орфелина для Толстого — кульминация «развития и функционирования славяно-сербского, по сути дела русско-славянского (по терминологии А. Младеновича) литературного языка». В это время поступательно расширяется читательская аудитория на базе формирующегося сербского гражданского сословия. Этот языковой тип существовал и далее, «но ему в последнем двадцатилетии XVIII в. все более противопоставлялся язык, возникавший на сербской народной основе с элементами русско-славянскими [...] (“средний язык”), наконец, язык, почти лишенный этих элементов» (288–289). В конце XVIII в. «со сменой литературных направлений и вкусов началась и смена литературного языка, его основной базы и структуры, началось проникновение народного языка в литературу». Этому процессу, развивавшемуся «постепенно и небеспрятственно», посвящены последние разделы работы (289–327; 330–344).

Рубеж веков — «переходный период от славяно-сербского или, вернее, русско-славянского литературного языка к литературному языку на народной основе». При этом «само понятие и формы «народной» основы были в то время достаточно расплывчаты и требуют дополнительного определения» (289). Это указание принципиально важно — *народность* языка в сербистике аксиоматично рассматривается как главный показатель его качества¹⁸. Ей противопоставляется (и негативно коннотируется) не столько церковнославянский (как в исторической русистике), сколько именно славяносербский — главный конкурент модели Вука, ориентированной практически исключительно на народный язык. Таким образом, для рубежа веков характерно сосуществование «трех основных моделей, или типов, в принципе даже трех разных языков — русского (или “русскословенского”, т.е. определенного типа русского языка XVIII в.), древнеславянского (церковнославянского) русского типа и сербского (народно-сербского)». Они «могут быть выделены довольно четко и определенно как некие модели или даже нормативные системы, но не как конкретный язык конкретных произведений и памятников» — в них представлена смесь элементов различного происхождения. В это время имеет место вытеснение «древнеславянского (церковнославянского) языка из литературной, в первую очередь светской сферы», а оппозиция «“русско-славянского”

¹⁶ Их творчество (особенно Юлиница) относительно слабо изучено.

¹⁷ Образцом были русские «Ежемесячные сочинения» [Kretschmer 1989, 92–95]. Анализу журнала Орфелина посвящена наша монография [Kretschmer 1989].

¹⁸ Аналогична позиция исторической русистики.

(русского) языка в сербском употреблении и сербского языка на народной основе — «народно-сербского» литературного языка» увеличивается (289–290). С уходом церковнославянского языка, игравшего роль координатора, связующего звена между русско-славянским и народно-сербским, «общая система связи распалась, и несовместимость отдельных языков и языковых элементов оказалась более очевидной». Сосуществование трех языков (стилей) сменяется «процессом их отталкивания» (291), что непосредственно связано с расширением и изменением жанрового и стилистического репертуара славяносербской письменности и с резким увеличением печатной продукции. Как показывает популярный катезихис Й. Раича, выдержавший в последнюю четверть века пять изданий, даже язык параконфессиональной (церковно-учительной) литературы этого времени близок к сербскому. Письменный язык этого периода Толстой определяет как «язык торгово-интеллигентской среды Воеводины, своеобразное воеводинское койне» (292)¹⁹. В конфессиональной и (менее) в параконфессиональной письменности в дальнейшем употребляется церковнославянский язык русского типа («часто со значительной долей элементов русского литературного языка XVIII в.»), но «сербульская» редакция уже полностью вытеснена (293). Одновременно усиливается «процесс обособления церковно-сакрального языка (древнеславянского русской редакции) от языка несакрального, который мог применяться и в церковной, и в светской сфере» (294). Важным жанром и далее является историография. Крупнейшее произведение этого жанра, сохранившее авторитет и значение и в последующие периоды — «История» Йована Раича (1794–1795). Ее язык очень близок языку «Жития Петра Великого» Орфелина (1772), т.е. языку русской историографии. В целом же русские элементы в это время поступательно заменяются сербизированными или просто сербскими. Это показано на примере (переводной) биографии Суворова Н. Лазаревича 1799 г. (295). К историографическому слогу близка административно-юридическая письменность, в меньшей степени — периодика. Последняя представлена уже несколькими изданиями, что «свидетельствует о возникновении к концу XVIII в. если не массового, то все же немалочисленного сербского читателя» (298). Ее язык, в соответствии с тематической и интенциональной пестротой жанра, имеет более выраженный смешанный характер.

В дальнейшем важное место в славяносербском жанровом репертуаре занимает школьная и близкая к сфере школы письменность. Толстой особо останавливается на жанре «торжественного красноречия», очень популярного в то время — это приглашения на годовые экзамены, похвальные слова в конце учебного года и тому подобное. Приводится список сохранившихся текстов (около полутора десятков), описываются основные характеристики их языка и стиля. Этот жанр почти не изучен, несмотря на то, что он хорошо отражает «языковые нормы, принятые в практике сербских училищ и влиявшие, несомненно, на развитие литературного языка. И хотя следует признать, что эти тексты имеют малую литературную ценность, их значение как памятников литературного языка немалое» (302–304)²⁰. Язык учебников в целом близок языку периодики — за исключением букварей. В них «представлен довольно чистый “славено-сербский” язык русско-славянского образца» (301) — как

¹⁹ Интересны замечания Х. Куны о статусе и роли койне при формировании литературных языков в [Куна 1976].

²⁰ Они являются драгоценным источником данных о тогдашней школе, ее программе, составе ее учеников и т.д. Обзор и анализ текстов этого жанра см. в [Кречмер 2021b].

и в грамматике Авраама Мразовича (1794), памятнике кодификации позднего церковнославянского²¹. Сам же славяносербский не был кодифицирован, хотя некоторые попытки предпринимались, что показывается на примере итальянской грамматики 1794 г. В. Луштины и немецко-сербского словаря, приписываемого Т. Аврамовичу (1-е изд. 1790 г.) (301–302).

В отличие от большинства исследователей, Толстой обращается и к поэзии (которой не было в жанровом каноне Православной Славии). На рубеже веков она представлена уже довольно широко — как дифирамбической поэзией классицизма, так и лирикой (304–310). Язык ее часто близок языку похвальных слов, о которых шла речь выше (но в ней отсутствуют синтаксические латинизмы), и русскому литературному слогу. Толстой особо подчеркивает влияние на поэзию «южнорусских школьных духовных песен и вирш, принесенных русскими учителями еще в первой половине XVIII в.» (305–306)²². Рассматривается и имевшая широкое хождение рукописная поэзия, к которой редко обращаются исследователи, хотя «эти стихи демонстрируют по сути дела все типы (виды) литературного языка, или, точнее, литературных языков, бытовавших в сербской среде во второй половине и к концу XVIII в. — русского, славяно-русского (т.е. церковнославянского русского типа с элементами русского, а иногда и сербского языка), смешанного славяно-русско-сербского (очень часто со значительным преобладанием последнего) и чисто сербского языка, т.е. языка, близкого к народному или народному» (305–306). Выбор языка, как правило, задавался тематикой (направленностью) текста. Рукописная лирика «на грани устной и книжной словесности» была и «наименее нормированным жанром в отношении языка». Определенное влияние она (народная традиция в ней) оказала на печатные поэмы и баллады «на духовные и “исторические” темы» — в качестве примера приводятся произведения митр. Стратимировича, В. Раича, Ст. Раича и Й. Раича (307–309). Интересно указание на расхождение между языком заголовка и самого текста — первый, как правило, выдержан в русско-славянском ключе, второй же близок к идиому (308)²³.

Весьма популярным жанром были комедии, по большей части переводные или адаптированные. Многие из них издал Эмануил Янкович (1758–1791). Их язык, в отличие от поэзии, особенно торжественной, близок к сербскому, а число русизмов невелико (312). Показательна интерпретация выбора языка Янковичем: «не только и не столько сербское национальное самосознание побудило Э. Янковича выбрать довольно чистый сербский народный язык для своих переводов и переделок. Сам жанр комедии решительно требовал «простого» языка, а не возвышенного слога». Здесь вновь указывается на расплывчатость признаков «народного» в языке (ср. в.) и на принципиальные расхождения между устным идиомом и языком литературным: «язык Э. Янковича был

²¹ И буквари, и грамматика имели широкий круг читателей и влияли на языковое сознание и языковую практику общества.

²² В сербских исследованиях — в отличие от работ Толстого — обозначение «русский» употребляется, как правило, недифференцированно, без учета специфики так называемой Юго-Западной Руси и 3-го церковнославянского влияния.

²³ Такие различия, особенно в ранние периоды славяносербского, имеют системный характер и представлены в разных жанрах. В это время преобладают переводы, переработки, адаптации иностранных текстов (образцов). Предисловия же, введения, посвящения писали славяносербские авторы, нередко объясняя в них своим читателям, мало еще знакомым с литературой в западноевропейском понимании, важность данной книги, просвещения и образования для молодого сербского общества, свои представления о языке и культуре и пр. Для этого времени предисловия, видимо, следует рассматривать как особый тип текста.

довольно точной фиксацией воеводинского диалекта с некоторыми элементами нормализации и искусственности, без которых невозможно формирование литературного языка» (311). Примечательно, что язык предисловий (написанных сербскими издателями и переводчиками) и самих комедий не различаются.

Тот же Янкович написал первый учебник физики для сербов (1787) — как и большинство других славяносербских авторов, он выступал в разных жанрах. Показательно, что язык учебников и комедий практически уже не различается, и это подтверждает осознанную установку на близость к языку читателя. На примере «Физики» Янковича затрагивается тема формирования сербской терминологии²⁴ и отмечается «осторожность, с которой автор вводит новые слова и понятия, неизвестные народному языку, либо давая их синонимы (*часть, таль, парче*)²⁵, либо толкуя их (*Океанъ* — наивеће море у свету²⁶ и т.п.)» (312). К учебной примыкает также весьма популярная поучительно-морализаторская литература. Это по большей части переводы и адаптации — как переведенный Авраамом Мразовичем французский «Почителный магазинъ за дѣцу» (1787–1800 гг.) (313)²⁷.

Особое место в кругу авторов этого периода занимает Досифей Обрадович (1739/1742–1811) — монах-расстрига, просветитель до мозга костей, неустанно учившийся и передававший свои знания и умение сербскому обществу (313–319). Его называют символом сербского Просвещения²⁸, его творчество и личность являются предметом многочисленных работ (ср. [Грбић 2012; Купа 1979]). А вот как Обрадовича характеризует Толстой: «Все основные сочинения Обрадовича имеют одну, довольно четко выработанную моралистическую, отчасти этико-философскую, отчасти дидактико-практическую направленность, подчиненную его рационалистическо-педагогическим взглядам. Секуляризация народного просвещения становилась целью его литературной и общественной деятельности. [...] Язык Обрадовича был в общем единым в его произведениях. Этот момент очень важен и для понимания его литературно-языковой концепции, и для определения в языковом плане места его произведений в общей системе и соотносительности произведений его современников-сербов» (315–316). Толстой и здесь прибегает к надэтническим обобщениям: «Если обращаться к национальным аналогиям, которые всегда приближительны, а во многих случаях и рискованны, то в истории сербского литературного языка Обрадович выполнял ту же роль, что у русских Карамзин, а Негош — что и Пушкин» (317).

Другой крупной и во многом отличавшейся от Обрадовича личностью сербской культуры на рубеже веков был Йован Раич (1726–1801), духовное лицо, воспитанник «русской» школы. Язык его много ближе церковнославянскому, чем язык Обрадовича. Толстой видит в этом осознанную оппозицию последнему, «сторону полемическую, направленную против расстриги Обрадовича, увлеченного идеями иозефинизма, рационализма и антиклерикализма». В то время, как его современники все больше склонялись к доминанте «среднего стиля», Раича можно отнести к «сторонникам теории “трех стилей”, так как он

²⁴ Славяносербской терминологии посвящена монография И. Белакович [Бјелаковић 2017].

²⁵ Различные выражения значения «часть» — первые два из немецкого языка, последнее — сербизм.

²⁶ ... *самое большое море в мире*.

²⁷ Не исключено, что Мразович был знаком с русской и/или немецкой версией этого текста и пользовался ими для своего перевода.

²⁸ Обрадович был одним из редких авторов того времени, осознанно печатавших свои произведения гражданским шрифтом — выбор графической системы имел статус манифеста и маркировал языковую и культурную позицию автора.

в своей литературной практике пользовался довольно четко нормированными различными языками» (321).

Такие — осознанные — различия в подходах к вопросу о сущности и функциях литературного языка маркируют переход от сосуществования различных языков письменности к единому ее языку. К этой теме Н.И. Толстой обращается неоднократно. Последующий обзор базируется на его работах «Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века у сербов» [Толстой 1988b]²⁹ и «Литературный язык сербов в XVIII — начале XIX в.» [Толстой 1998b]. «Многоязычие» письменности на определенном этапе развития неизбежно переходит в конкуренцию «опытов»³⁰ нормирования и кодифицирования литературного языка». Такая ситуация «характерна лишь для определенных периодов — периодов борьбы за становление норм национального литературного языка. Именно в «преднациональный» период эта конкуренция обостряется, а ее прекращение знаменует собой начало нового этапа, этапа стабилизации норм национального литературного языка» [Толстой 1998b, 290]. В первые два периода периодизационной схемы Унбегауна (ср. в.) конкуренции норм еще нет [Толстой 1988b, 188]³¹. Во втором периоде (1740–1780), однако, уже довольно четко представлено «многостилие» — причем, языковой и стилевой выбор задается темой и жанром текста³². И здесь Толстой описывает общеславянские тенденции: «В применении к сербскому языку, как и к русскому, украинскому, болгарскому и др. в XVIII в. можно наряду со значительными инновациями констатировать и континуитет ранней книжно-языковой системы, которая не требовала поливалентности (термин А.В. Исаченко)³³ литературного языка, т.е. его употребления во всех функциях, но определяла для различных жанров даже различные языки и допускала для отдельных жанров употребление народного или еще не выработанного (“провизорного”) литературного языка. XIX век решительно и бескомпромиссно потребовал единой нормы для всех жанров и для всех функций литературного языка без конкуренции и сосуществования норм» (189). Ситуация кардинально меняется в последний славяносербский период: «С 1780 г. до выхода Вукова *Српског речника*, — это время ускоренного литературного и литературноязыкового развития»³⁴ (190). Для сербского ареала (как немного ранее для русского) это период перехода от культурной модели Православной Славии к национальной культуре Нового времени: «Чувство принадлежности к ареалу *Pax Slavia Orthodoxa* слабеет, и одновременно растет авторитет и притягательность своего более узкого, национального ареала, границы которого окончательно определяются». Ускоренное литературное развитие приводит к одновременному появлению и сосуществованию различных культурных эпох — «барокко, классицизма, рационализма, сентиментализма и раннего романтизма» (190–191). В этот период конкурируют следующие нормы: (1) «архаичная “славяносербская”, подчеркнута русского типа»; (2) «новаторская “народносербская”»; (3) «церковнославянская русского типа (редко сербского “сербульского” типа)» (191).

И в русской, и в сербской ситуации сосуществование норм переходило в конкуренцию. Но дальнейшее развитие шло различными путями и привело

²⁹ Первоначально опубликовано на сербском в [Толстой 1981].

³⁰ Разрядка Н.И. Толстого.

³¹ Далее в круглых скобках приводятся страницы этого источника.

³² Особенно ясно это видно в языковой практике Орфелина, ср. [Толстой 1988b, 188–189].

³³ Исаченко сформулировал дистинктивные признаки стандартных языков, ср. [Исаченко 1958].

³⁴ Концепцию «ускоренного развития» предложил Г. Гачев в 1964 г., ср. [Гачев 1964].

к различным результатам. Когда из игры практически вышел самый слабый из элементов сербской языковой ситуации — церковнославянский, борьба стала идти между своего рода средним стилем и языком, близким к народному. Победила в конечном счете более радикальная народноязыковая модель Вука Караджича, в то время как базой современного русского языкового стандарта стал средний стиль, развитый далее в модели карамзинистов (192)³⁵. Славяносербский средний стиль представлен в произведениях двух популярных авторов начала XIX в., Милована Видаковича (1780—1841), и Иоакима Вуича (1772—1847), [Толстой 1998b, 333—337] — современников Вука Караджича, главного их противника. Н.И. Толстой неоднократно обращался к деятельности Вука. Признавая безусловно его заслуги в реформе сербского правописания, «наиболее крупной фигурой в сербской литературе того времени» Толстой считает, однако, Обрадовича: «Вероятно ему, а не Вуку Караджичу следует в первую очередь приписать роль реформатора сербского литературного языка. Вук же закончил, теоретически обобщил, лингвистически обосновал (вкупе с Дж. Даничицем и другими его последователями) и кодифицировал то, что производил и произвел Обрадович» [Толстой 1998b, 325]. Толстой не разделяет и общепринятого в сербистике мнения, «что до Вука, или даже до Досифея Обрадовича, народного языка в сербской литературе не было. В общем, начиная с Венцловича, он употреблялся в литературе почти всегда» — но не был еще поливалентным. В сербистике модель Вука традиционно рассматривается как не только оптимальная, но практически единственно возможная. Толстой же указывает на различные пути образования современных литературных языков: «(а) при сохранении связи с традицией» и «(б) при разрыве с традицией (который при всех обстоятельствах, как показал удавшийся эксперимент Караджича, не мог быть полным» [Толстой 1998b, 326]; как и на то, что чрезмерная ориентация на народный язык имеет и изъяны: «Караджич же и его сторонники пошли дальше, настаивая на более радикальных мерах, которые, на наш взгляд, не могли не привести к значительному сокращению стилистических возможностей литературного языка» [Толстой 1998b, 317—318]. Комментируя работы А. Албина (представителя школы А. Младеновича) о языке славяносербских газет [Албин 1968], Толстой указывает на методологические проблемы исследований старой письменности: «если уж различать шумадийско-воеводинские черты и черты народные “общие” (что вызвано, вероятно, ретроспективным взглядом от караджичевской или даже современной нормы), то следует, безусловно, отграничивать и русский язык XVIII в. от древнеславянского (церковнославянского) языка русской редакции, хотя сербскими писателями и журналистами в конце XVIII в. употреблялись преимущественно такие русизмы, которые были общи русскому языку XVIII в. и древнеславянскому поздней русской редакции» [Толстой 1998b, 298].

Непосредственно славяносербской тематике посвящены еще две важные работы Н.И. Толстого: «К историко-культурной характеристике “славяно-сербского” литературного языка» [Толстой 1988a] и «К вопросу об историографическом слоге сербского (“славяносербского”) литературного языка» [Толстой 1998a]. Но он обращался и к другим эпохам сербской культурной и языковой истории [Толстой 1982³⁶; Толстой 1989]), причем сербская тематика

³⁵ Такой путь был возможен и для сербского литературного языка; ср. [Kretschmer 2012b].

³⁶ Русский вариант см. [Толстой 1988b].

последовательно рассматривается в более широком контексте Православной Славии [Толстой 1961; Толстой 1963; Толстой 1988с].

В нашем обзоре была представлена лишь одна из граней исследовательского репертуара Н.И. Толстого, и лишь в общих чертах. Особое внимание уделялось при этом мало разработанным темам и вопросам. Следует признать, что конвенциональные исследования по славяносербскому, в отличие от работ Толстого, не обладают разработанной методологической базой. Детальный анализ истории и актуального состояния этих исследований требует особого рассмотрения³⁷, поэтому в этой статье приведены лишь некоторые общие замечания. Как уже упоминалось, изучение славяносербской эпохи и ее языка начинается сравнительно поздно. В этом можно усмотреть влияние как некритической глорификации языковой модели Вука в сербистике, так и его резко отрицательного отношения к славяносербской культурно-языковой модели (ср. [Грицкат 1966; Кречмер 2015а]). Начало исследованию славяносербского положили работы Александра Младеновича и его школы [Кречмер 1990; Кречмер 2021b; Kretschmer 1989]. Признавая огромные его заслуги на данном поприще, нельзя не указать и на определенную ограниченность его подхода, особенно в методологическом аспекте. Младенович разработал так называемый *метод вопросника*, который помогает определять степень «народности» языка. Вопросник включает преимущественно признаки “народного” языка на звуковом и графическом уровнях — и некоторые морфологические признаки. Такой фокус исследования возможен потому, что степень близости к так называемому народному языку в сербистике все еще является мерилем качества. Тем не менее на базе метода вопросника был впервые проведен комплексный анализ целого ряда славяносербских памятников (ср. [Kretschmer 1989, 21–55]).

В последние годы наблюдается заметное оживление интереса к славяносербскому языку. Активно изучаются его лексика [Бјелаковић 2017; Бјелаковић, Зорић 2021; Зорић 2018; Милановић, Мацановић 2021; Штасни 2012] и синтаксис [Милановић 2013; Цветковић Теофиловић, Стошић 1921]³⁸. Еще более значимым представляется то, что фокусирование исследования на ограниченный список признаков “народности” языка все более заменяется методом сплошной дескрипции текстового корпуса [Бјелаковић 2012; Милановић 2013]. В данной связи особо следует упомянуть проект первого словаря языка славяносербской эпохи [Речник 2017]. Существенно и то, что славяносербский воспринимается теперь как парадигма и как важная фаза сербской культурно-языковой истории [Кречмер 2021d; Кречмер 2021a; Милановић 2013; Kretschmer 2012a]. Анализ может выходить за лингвистические рамки и включать культурологические и социокультурные аспекты [Грбић 2012; Кречмер 2015b; Кречмер 2021b; Кречмер 2021a; Кречмер 2022; Kretschmer 2020; Kretschmer 2021]³⁹.

Цель этого обзора — прежде всего показать значимость вклада Н.И. Толстого в изучение старой сербской письменной культуры и особо подчеркнуть особенность его научного подхода. То что он вновь и вновь возвращался к славяносербской теме на протяжении десятилетий, не случайно. За этим стоит одна из наиболее характерных черт его как ученого — Н.И. Толстой последовательно поднимал значимые, все еще не решенные — а нередко даже еще и не осознанные и не поставленные — вопросы. В заключение хотелось бы еще

³⁷ Анализ этих исследований см. в [Кречмер 1990; Кречмер 2021b; Kretschmer 1989; Kretschmer 2012a].

³⁸ На значимость синтаксиса для языковой истории указывает Хюттль-Ворт в [Hüttl-Worth 1978].

³⁹ Повседневная жизнь и культура сербов на австрийских землях представлены в [Тимотијевић 2006].

раз подчеркнуть именно методологические аспекты его работы. В первую очередь, последовательную установку на максимально широкий исследовательский контекст — идет ли речь о временном, жанровом, региональном и других аспектах. Далее, типологическую перспективу — последовательное выявление дистинктивных характеристик исследуемого материала, параллелей и различий с периодами предшествующими и последующими. Базовая концепция Православной Славии задает надэтнический уровень исследования, переходящий границы (современных) отдельных славянских языков и этносов — редкое явление в исследованиях по нестандартной славянской письменности. С этим связано и последовательное включение в анализ исторических и культурологических параметров и данных, как и общая установка на реконструкцию культурно-языкового контекста прошлого. Последнее представляется особо значимым, ибо в исторической славистике нередко встречается некритический перенос современной языковой ситуации, современного восприятия языка и культуры, современных параметров идентичности индивидуума и социума на прошлое⁴⁰. Наконец, нельзя не упомянуть эмпирической базы исследования (служащей его необходимой контрольной инстанцией) — привлечение максимально широкого корпуса и данных истории.

В 2004 г. был опубликован сербский перевод избранных работ Н.И. Толстого [Толстой 2004], что сделало его идеи, взгляды и научный подход значительно более доступными для широкой исследовательской аудитории в Сербии. Результаты этого уже сейчас заметны в большинстве новых работ по славяносербской тематике. Но в работах Н.И. Толстого внимательного читателя ждет еще много замечаний, наблюдений, заключений — наметки для путей и направлений будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албин А. Језик новина Стефана Новаковића. Нови Сад: Матица Српска, 1968. 121 с.
- Бјелаковић И. Језик новина код Срба крајем XVIII и почетком XIX века // *An den Anfängen der serbischen Philologie* — На почецима српске филологије / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / M. et al.: Peter Lang, 2012. Pp. 49–80.
- Бјелаковић И. Терминологија код Срба у 18. и 19. веку (математичка географија и картографија). Нови Сад: Два пера, 2017. 542 с.
- Бјелаковић И., Зорић М. Лексички славенизми и питање жанра у славеносрпском језику // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*. 2021. № 69/2. С. 389–404.
- Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске. Прир. Ана Кречмер. САНУ. Критичка издања српских писаца. Књ. VII. Београд: САНУ, 2008. 431 с.
- Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске. Прир. Ана Кречмер. САНУ. Критичка издања српских писаца. Књ. VIII. Београд: САНУ, 2011. 544 с.
- Гавриловић Н. Школство код Срба у Хабсбуршкој монархији // *Историја српског народа*. Књ. 4/2. Београд: СКЗ, 1986. С. 350–362.
- Гачев Г. Ускоренное развитие литературы. М.: Наука, 1964. 311 с.
- Грбић Д. Прекретања. Хале — Лајпциг, прекретања у животу Доситеја Обрадовића. Halle — Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012. 266 с.
- Грицкат И. У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику*. 1966. № IX. С. 61–66.

⁴⁰ Это приводит даже крупных исследователей к заключениям, никак данными корпусного анализа не подтвержденными. Так, основываясь лишь на определенной «расплывчатости» среднего стиля славяносербского, высказываются сомнения в самом его существовании — поскольку «о таком языке трудно говорить с лингвистической точки зрения [Грицкат 1966, 64]» [Толстой 1998b, 327].

- Грујић Р.М. Српске школе (од 1718–1739 г.). Прилог културној историји српскога народа. Београд: Давидовић, 1908. 184 с.
- Зорић М. Славенизми у раним драмама Јована Стерије Поповића. Нови Сад: Матица Српска, 2018. 290 с.
- Исаченко А.В. Какова специфика литературног двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 42–45.
- Кречмер А. Неколико напомена поводом 30-годишњег јубилеја истраживања славеносрпског доба // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику. 1990. № XXXIII. С. 221–231.
- Кречмер А. Вукова реформа и језичка полемика славеносрпских писаца // Вук Стефановић Караџић (1787–1864–2014). Научни скупови САНУ. књ. 156. Одељење језика и књижевности књ. 27. Београд, 2015а. С. 137–144.
- Кречмер А. О питањима словенског језичко-културног идентитета (православни Словени ван Православне Слације) // Јужнословенски Филолог. 2015b. № LXXI/3–4. С. 9–27.
- Кречмер А.Г. Достандартная славянская письменность (этнолингвистический подход) // Etnolingwistyka. 2021a. № 33. С. 321–336.
- Кречмер А. Культурное наследие Православной Слации в рассеянии (школа и письменная культура у сербов на австрийских землях после Великого исхода) // С. Бошков, Б. Стојковски, П.М. Вајагић (ур.). Епархија Бачка у осмовековној историји Српске православне цркве. Бачка Паланка – Нови Сад: Филозофски факултет, 2021b. С. 78–94.
- Кречмер А. Славеносрпски: 60 година истраживања // Научни састанак слависта у Вукове дане 50/1. Београд: МСЦ, 2021с. С. 17–26.
- Кречмер А.Г. Славеносрпска културна традиција у контексту Православне Слације и европског просветитељства // Зборник Матице Српске за књижевност и језик, 2021d. № 69/2. С. 347–356.
- Кречмер А.Г. О реконструкцији миросозерцання в Православной Слации на пороге Нового времени (подход от текста) // Etnolingwistyka – bilans discipliny. Stan badań, metody i postulaty badawcze. I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny. Т. 3. Lublin: UMCS, 2022. С. 131–144.
- Кулаковский П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII в.: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы // Известия Отд. русского языка и словесности Импер. Акад. Наук. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 246–311.
- Милановић А. Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2004. 142 с.
- Милановић А. Језик весма полезен. Београд: Чигоја штампа, 2013. 284 с.
- Милановић А., Мацановић А. Прва проучавања славеносрпске лексике // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 2021. № 69/2. С. 371–388.
- Михаиловић Г. Српска библиографија XVIII века. Београд: Народна библиотека, 1964. 434 с.
- Нинковић Н., Васин Г. Српско школство у хабзбуршкој монархији од Велике сеобе до реформе Марије Терезије (1690–1774) // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 2021. № 69/2. С. 477–491.
- Речник – Речник славеносрпског језика (огледна свеска). Нови Сад: Матица Српска, 2017. 300 с.
- Тимотијевић М. Рађање модерне приватности. Београд: Clio, 2006. 687 с.
- Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.
- Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М.: АН СССР, 1963. С. 230–272.
- Толстой Н.И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М.: МГУ, 1976. С. 177–204.
- Толстой Н.И. Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 269–328.
- Толстой Н.И. Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979. С. 154–201.
- Толстой Н.И. К историко-культурной характеристике “славяно-сербского” литературного языка // Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988а. С. 174–186.
- Толстой Н.И. Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века // Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988b. С. 186–194.
- Толстой Н.И. Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку // Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988с. С. 164–173.

- Толстой Н.И. Этническое и культурное самосознание сербов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 152–164.
- Толстой Н.И. Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях // Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв. М.: АН СССР, 1990. С. 29–36.
- Толстой Н.И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // *Recherche slavistiche*. 1995. Vol. XLII. P. 89–102; Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.
- Толстой Н.И. К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998а. С. 229–238.
- Толстой Н.И. Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в. // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998b. С. 239–344.
- Толстој Н. Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића // Анали Филолошког факултета Београдског универзитета. Год. 1965. Св. 5 (1966). С. 227–234.
- Толстој Н. Конкуренција и коегзистенција норми у књижевном језику XVIII века код Срба // Научни састанак слависта у Вукове дане 10. Београд: МСЦ, 1981. С. 33–40.
- Толстој Н. Однос старог српског књишког језика према старом словенском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане 8/1. Београд: МСЦ, 1982. С. 15–25.
- Толстој Н. Студије и чланци из историје српског књижевног језика. Београд – Нови Сад: Матица Српска, 2004. 216 с.
- Цветковић Теофиловић И., Стошић Ј. Досадашња истраживања синтаксе у језику писаца славеносрпске епохе // Зборник Матице Спрске за књижевност и језик. 2021. № 69/2. С. 357–370.
- Штасни Г. Књижевни термини у посрбицама од Орфелина до Вука // *An den Anfängen der serbischen Philologie* – На почецима српске филологије / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012. Pp. 81–101.
- Hüttl-Worth G. Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen // *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Lisse: P de Ridder Press, 1978. Pp. 187–190.
- Kretschmer A. Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums). *Slavistische Beiträge* 241. München: Kubon & Sagner, 1989. 255 p.
- Kretschmer A. Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der *Slavia Orthodoxa* // *An den Anfängen der serbischen Philologie* – На почецима српске филологије / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012a. Pp. 21–47.
- Kretschmer A. Šta bi bilo da nije bilo Vuka? // *An den Anfängen der serbischen Philologie* – На почецима српске филологије / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012b. Pp. 281–285.
- Kretschmer A. Православная Славия на пороге Нового времени: смена культурной парадигмы // *Romanoslavica*. 2020. № LVI/1. С. 27–40.
- Kretschmer A. О проучавању предстандардне српске писмености (методолошка запажања) // *Славистика*. 2021. № XXV/1. С. 106–118.
- Kuna H. Književne koine u relaciji prema predstandardnim idiomima i standardnom jeziku // *Književni jezik*. 1976. № 5/1–2. P. 9–20.
- Kuna H. Udio Dositejevih prosvetiteljskih ideja u oblikovanju njegovog literarnog jezika // B. Paternu, B. Pogorelec, J. Koruza (ur.). *Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1979. P. 359–370.
- Unbegaun B.O. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris: Champion, 1935. 83 p.

Рукопись поступила в редакцию 25.11.2022

Рукопись принята к печати 20.02.2023

REFERENCES

- Albin A. *Jezik novina Stefana Novakovića*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 1968, 121 p. (In Serb.)
- Bjelaković I. Jezik novina kod Srba krajem XVIII i početkom XIX veka. *An den Anfängen der serbischen Philologie* – *Na počecima srpske filologije*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang Publ., 2012, pp. 49–80. (In Serb.)

- Bjelaković I. *Terminologija kod Srba u 18. i 19. veku (matematička geografija i kartografija)*. Novi Sad, Dva pera Publ., 2017, 542 p. (In Serb.)
- Bjelaković I., Zorić M. Leksički slavenizmi i pitanje žanra u slavenosrpskom jeziku. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 389–404. (In Serb.)
- Branković Đ. *Hronike slavenosrpske*. Priredila A. Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca, knj. VII. Beograd, SANU Publ., 2008, 431 p. (In Serb.)
- Branković Đ. *Hronike slavenosrpske*. Priredila A. Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca, knj. VIII. Beograd, SANU Publ., 2011, 544 p. (In Serb.)
- Cvetković Teofilović I., Stošić J. Dosadašnja istraživanja sintakse u jeziku pisaca slavenosrpske epohe. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 357–370. (In Serb.)
- Gachev G. *Uskorennoe razvitie literatury*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 311 p. (In Russ.)
- Gavrilović N. Školstvo kod Srba u Habsburškoj monarhiji. *Istorija srpskog naroda*, knj. 4/2, Beograd, Srpska književna zadruga, 1986, pp. 350–362. (In Serb.)
- Grbić D. *Prekretanja*. Hale – Lajpcig, prekretanja u životu Dositeja Obradovića. Halle – Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 2012, 266 p. (In Serb. / Germ.)
- Grickat I. U čemu je značaj i kakve su specifičnosti slavenosrpskog perioda u razvoju srpskohrvatskog jezika. *Zbornik Matice Sprske za filologiju i lingvistiku*, 1966, no. IX, pp. 61–66. (In Serb.)
- Grujić R. M. *Srpske škole (od 1718–1739 g.)*. Prilog kulturnoj istoriji srpskoga naroda. Beograd, Davidović Publ., 1908, 184 p. (In Serb.)
- Hüttl-Worth G. Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen. *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Lisse, P. de Ridder Press, 1978, pp. 187–190.
- Isachenko A. V. Kakova specifika literaturnogo dvujazyčija v istorii slavyanskikh narodov? *Voprosy jazykoznanija*, 1958, no. 4, pp. 42–45. (In Russ.)
- Krechmer A. G. Dostandartnaja slavyanskaja pis'mennost' (ėtnolingvističeskij podkhod). *Etnolingvistyka*, 2021a, no. 33, pp. 321–336. (In Russ.)
- Krechmer A. Kul'turnoe nasledie Pravoslavnoj Slavii v rassejanii (shkola i pis'mennaja kul'tura u serbov na avstrijskikh zemljakh posle velikogo iskhoda). S. Boškov, B. Stojkovski, P. Vajagić (ur.), *Eparhija Bačka u osmовековној istoriji Srpske pravoslavne crkve*. Bačka Palanka – Novi Sad, Centar za istorijska istraživanja Odseka za istoriju Filozofskog fakulteta Univerziteta u Novom Sadu i Srpska pravoslavna Crkvena opština Bačka Palanka, 2021b, pp. 78–94. (In Russ.)
- Krechmer A. G. O rekonstrukcii mirosozercanija v Pravoslavnoj Slavii na poroge Novogo vremeni (podkhod ot teksta). *Etnolingvistyka – bilans discipliny*. Stan badań, metody i postulaty badawcze. I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny, t. 3. Lublin, UMCS2022, pp. 131–144. (In Russ.)
- Krečmer A. Nekoliko napomena povodom 30-godišnjeg jubileja istraživanja slavenosrpskog doba. *Zbornik Matice Sprske za filologiju i lingvistiku*, 1990, no. XXXIII, pp. 221–231. (In Serb.)
- Krečmer A. Vukova reforma i jezička polemika slavenosrpskih pisaca. *Vuk Stefanović Karadžić (1787–1864–2014)*. Naučni skupovi SANU, knj. 156, Odeljenje jezika i književnosti knj. 27. Beograd, SANU Publ., 2015, pp. 137–144. (In Serb.)
- Krečmer A. O pitanjima slovenskog jezičko-kulturnog identiteta (pravoslavni Sloveni van Pravoslavne Slavije). *Južnoslovenski filolog*, 2015, no. LXXI/3–4, pp. 9–27. (In Serb.)
- Krečmer A. Slavenosrpski: 60 godina istraživanja. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane 50/1*. Beograd, MSC, 2021c, pp. 17–26. (In Serb.)
- Krečmer A. G. Slavenosrpska kulturna tradicija u kontekstu Pravoslavne Slavije i evropskog prosvetiteljstva. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021d, no. 69/2, pp. 347–356. (In Serb.)
- Kretschmer A. *Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums)*. Slavistische Beiträge 241. München, Kubon & Sagner, 1989, 255 p.
- Kretschmer A. Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der Slavia Orthodoxa // *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). Philologica Slavica Vindobonensia 1, Frankfurt / Main et al., Peter Lang, 2012a, pp. 21–47.
- Kretschmer A. Šta bi bilo da nije bilo Vuka? *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). Philologica Slavica Vindobonensia 1, Frankfurt, Main et al., Peter Lang, 2012b, pp. 281–285. (In Serb.)
- Kretschmer A. O proučavanju predstandardne srpske pismenosti (metodološka zapažanja). *Slavistika*, 2021, no. XXV/1, pp. 106–118. (In Serb.)

- Kulakovskij P.A. *Nachalo russkoj shkoly u serbov v XVIII v.*: Oчерk iz istorii russkogo vlijanija na jugoslavjanske literatury. Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, 1903, t. 8, kn. 2, pp. 246–311. (In Russ.)
- Kuna H. Književne koine u relaciji prema predstandardnim idiomima i standardnom jeziku. *Književni jezik*, 1976, no. 5/1–2, pp. 9–20. (In Serbo-croat.)
- Kuna H. Udio Dositejevih prosvetiteljskih ideja u oblikovanju njegovog literarnog jezika. Boris Paternu, Breda Pogorelec, Jože Koruza (ur.). *Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*. Ljubljana, Filozofska fakulteta, 1979, pp. 359–370. (In Serbo-croat.)
- Mihailović G. *Srpska bibliografija XVIII veka*. Beograd, Narodna biblioteka Publ., 1964, 434 p. (In Serb.)
- Milanović A. *Kratka istorija srpskog književnog jezika*. Beograd, Zavod za udžbenike Publ., 2004, p. 142. (In Serb.)
- Milanović A. *Jezik vesma polezan*. Beograd, Čigoga štampa Publ., 2013, p. 284. (In Serb.)
- Milanović A., Macanović A. Prva proučavanja slavenosrpske leksike. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 371–388. (In Serb.)
- Ninković N., Vasin G. Srpsko školstvo u habzburškoj monarhiji od Velike seobe do reforme Marije Terezije (1690–1774). *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 477–491. (In Serb.)
- Rečnik slavenosrpskog jezika* (ogledna sveska). Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2017, p. 300. (In Serb.)
- Štasni G. Književni termini u posrbicama od Orfelina do Vuka. *An den Anfängen der serbischen Philologie – На початку српске филологије*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt, Main et al., Peter Lang, 2012, pp. 81–101. (In Serb.)
- Timotijević M. *Radanje moderne privatnosti*. Beograd, Clio Publ., 2006, p. 687. (In Serb.)
- Tolstoj N.I. K voprosu o drevneslavjanskom jazyke kak obščem literaturnom jazyke južnykh i vostočnykh slavjan. *Voprosy jazykoznanija*, 1961, no. 1, pp. 52–66. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Vzaimootnošenija lokal'nykh tipov drevneslavjanskogo (literaturnogo) jazyka pozdnego perioda (2-ja pol. XVI–XVII vv.). *Slavjanskoe jazykoznanie*. V Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetsoj delegacii. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 230–272. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Starinnye predstavlenija o narodno-jazykovoj baze drevneslavjanskogo literaturnogo jazyka (XVI–XVII vv.). *Voprosy russkogo jazykoznanija*. Moscow, MGU, 1976, pp. 177–204. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Literaturnyj jazyk u serbov v konce XVIII – nachale XIX veka. *Nacional'noe vrozroždenie i formirovanie slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 269–328. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Literaturnyj jazyk serbov v XVIII v. (do 1780 r.). *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie*. Istorija literaturnykh jazykov i pis'mennost'. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 154–201. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Otnošenie drevneserbского knižnogo jazyka k staroslavjanskomu jazyku. Tolstoj N.I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988a, pp. 164–173. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. K istoriko-kul'turnoj kharakteristike «slavja no-serbskogo» literaturnogo jazyka. Tolstoj N.I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988b, pp. 174–186. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Konkurencija i sosushchestvovanie norm v literaturnom jazyke XVIII veka. Tolstoj N.I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988c, pp. 186–194. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Otnošenie drevneserbского knižnogo jazyka k staroslavjanskomu jazyku. Tolstoj N.I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 164–173. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Ètničeskoe i kul'turnoe samosoznanie serbov v svjazi s razvitiem pis'mennosti (literatury) i literaturnogo jazyka v XII–XIV vv. *Razvitie ètničeskogo samosoznanija slavjanskikh narodov v èpokhu zrelogo feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 152–164. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Neskol'ko razmyšlenij o slavjanskikh literaturnykh jazykakh, literaturno-jazykovykh situacijakh i koncepcijakh. *Slavjanskoe i balkanskoe kul'tury XVIII–XIX vv*. Moscow, AN SSSR Publ., 1990, pp. 29–36. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Slavia Orthodoxa and Slavia Latina – obščee i različnoe v literaturno-jazykovoj situacii (opyt predvaritel'noj ocenki). *Recherche slavistique*, 1995, vol. XLII, pp. 89–102; *Voprosy jazykoznanija*, 1997, no. 2, pp. 16–23. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. K voprosu ob istoriograficheskom sloge serbskogo («slavenoserbskogo») literaturnogo jazyka. Tolstoj N.I. *Izbrannye trudy*, t. II, Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1998a, pp. 229–238. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Literaturnyj jazyk serbov v XVIII – nachale XIX v. Tolstoj N.I. *Izbrannye trudy*. T. II. Moscow, 1998b, Jazyki russkoj kul'tury Publ., pp. 239–344. (In Russ.)
- Tolstoj N. Arhaizam i novatorstvo u jezičkoj reformi Vuka Karadžića. *Anali Filološkog fakulteta Beogradskog univerziteta*, god. 1965, sv. 5 (1966), pp. 227–234. (In Serb.)

- Tolstoj N. Konkurencija i koegzistencija normi u književnom jeziku XVIII veka kod Srba. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 10. Beograd, MSC Publ., 1981, pp. 33–40. (In Serb.)
- Tolstoj N. Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 8/1. Beograd, MSC Publ., 1982, pp. 15–25. (In Serb.)
- Tolstoj N. *Studije i članci iz istorije srpskog književnog jezika*. Beograd – Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2004, 216 p. (In Serb.)
- Unbegaun B.O. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris, Champion Publ., 1935, 83 p.
- Zorić M. *Slavenizmi u ranim dramama Jovana Sterije Popovića*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2018, 290 p. (In Serb.)

Received on 25.11.2022

Accepted on 20.02.2023

Информация об авторе:**Кречмер Анна**

доктор филологических наук, профессор
Венский университет
г. Вена, Австрийская Республика
ORCID: 0000-0001-9282-889X
E-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Informations about the author:**Anna Kretschmer**

DSc. (Philology), Professor
University of Vienna
Vienna, Republic of Austria
ORCID: 0000-0001-9282-889X
E-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Славяноведение, 2023, № 4, с. 65–77

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 65–77

DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9

Оригинальная статья / Original Article

Праздники в среде русской эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е годы

© 2023 г. Е.П. Серапионова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

serapionovae@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме повседневной жизни русской диаспоры в ЧСР в 1920–1940-е годы, а именно праздникам, которые отмечали эмигранты. В ней дается типологизация праздников, сравнивается интенсивность их отмечания в разные десятилетия, показаны как общие для всей эмиграции праздники, так и специфические праздничные мероприятия, характерные только для Чехословакии. В качестве источников для разработки данной темы использовались хранящиеся в архивах отчеты организаций и объединений, информация, содержащаяся в газетных заметках, кинохрониках, воспоминаниях и дневниках эмигрантов. Автор статьи ставит и старается ответить на вопрос — объединяли ли праздники разные направления и группы эмиграции или разъединяли. В работе показана роль эмигрантских праздников в сохранении национальной идентичности в условиях инородной среды, а также во взаимопроникновении культур чешского, словацкого и русского народов.

Ключевые слова: Русская эмиграция, праздники, Чехословацкая Республика.

Ссылка для цитирования: *Серапионова Е.П.* Праздники в среде русской эмиграции в Чехословакии в 1920–1940-е годы // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 65–77.
DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9

Holidays Among Russian Emigration in Czechoslovakia in 1920–1940s

©2023. Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

serapionovae@mail.ru

Abstract. The article deals with everyday life of the Russian diaspora in Czechoslovakia in the 1920–1940s, namely the holidays celebrated by emigrants. It gives the typology of holidays, compares the intensity of their celebration in different decades, shows both common holidays for all emigration and specific festive events that are characteristic only for Czechoslovakia. The main sources for this research are the reports of the organizations and associations, publications in the newspapers, documentaries, diaries

and memoirs of the emigrants. The author raises and tries to answer the question – if the holidays unite different directions and groups of emigration or separate them. In the work, she showed the role of emigrant holidays in the preservation of national identity in the conditions of the foreign environment, as well as in the interpenetration of the cultures of the Czech, Slovak and Russian peoples.

Keywords: Russian emigration, Holidays, Czechoslovak Republic.

For citation: *Elena P. Serapionova. Holidays Among Russian Emigration in Czechoslovakia in 1920–1940s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2023. No. 4. P. 65–77. DOI: 10.31857/S0869544X0026706-9*

Как известно, «Не хлебом единым жив человек». Большинство эмигрантов из России очутились за границей без средств к существованию, им буквально приходилось выживать, зарабатывая себе на жизнь тяжелым трудом, (и, учитывая это, их правильнее называть беженцами) [Йованович 1995, 677]. Как отметил в статье об эмиграции обосновавшийся в Чехословакии историк, педагог, политический и общественный деятель Б.А. Евреинов: «У эмигрантов было отнято все: они пришли в изгнание нищими, полуголодными, больными, неся с собой только то, чего нельзя было отнять: свою рабочую силу, свое умственное и культурное достояние»¹. Им было трудно, так как кроме работы для заработка, многие из них, не желая порывать со своей прежней специальностью, занимались наукой, литературой, искусством или продолжали учиться. Но и в эмиграции они старались жить обычной жизнью, отмечать традиционные дореволюционные и новые праздники, причем как в семейной обстановке, так и собираясь более широкими группами.

Таким образом, проведение праздничных мероприятий и ознаменование памятных дат в эмигрантской среде, особенно традиционных и церковных, являлись как способами сохранения обычаев и национальной идентичности, так и инструментами сплочения людей разного возраста, профессий, социального происхождения и политических убеждений.

Однажды в ГАРФе мне попался любопытный документ², который свидетельствовал о том, что в начале XX в. государственными и общественными деятелями активно обсуждался вопрос о праздничных днях в России. Действительный статский советник, член Государственного совета Владимир Михайлович Андреевский зимой 1909 г. в Клубе общественных деятелей выступил с докладом, в котором излагал свои предложения в Госсовет. Из доклада следовало, что в России праздники любили, официально их было 91–94 дня в году, тогда как в странах Западной Европы и Восточной Азии чуть больше 60 дней. Получалось, что, если в зарубежных странах работали 300–305 дней в году, то в России в среднем 250 дней. По мнению автора доклада, обилие праздничных дней вело к колоссальному ущербу для державы и пагубно сказывалось на сельском хозяйстве, торговле, железнодорожном транспорте, в учебном деле и вело к росту преступности «вследствие праздничного разгула и кутежей». Андреевский настаивал на необходимости компромисса с церковью и сокращения нерабочих дней «с тем, чтобы хоть несколько уравнивать шансы России в международном состязании с другими державами». Священный синод не нашел никаких нарушений канонического права в этом проекте и разрешил в особом циркуляре духовенству наставлять паству на то, чтобы не

¹ Культурное и научное наследие, 225.

² ГАРФ. Ф. 541. Д. Н. Вергун. Оп. 1. Д. 22. Л. 25..

препятствовать народу работать и в праздники, но самих праздников не отмечать! Все это говорило о том, что праздников было много, самых разнообразных: и церковных, и светских. В условиях эмиграции русские люди не собирались отказываться от своих привычек, тем более что большинство эмигрантов были людьми молодыми, которые любят веселиться.

В Чехословакии, как и в других странах рассеяния, отмечались традиционные религиозные праздники: Рождество, Пасха, Троица и др., которые не обходились без посещения церковных служб, походов в гости и приема гостей. Очень красочно описала празднование Пасхи дочь неофициального посла русской эмиграции в ЧСР В.Т. Рафальского Ирина Владимировна. Она вспоминала: «Мы жили очень скромно, но на Пасху и мамин день ангела у нас всегда ломились столы, и приходил каждый, кто вспомнил. На Пасху к нам приходило человек пятьдесят»³. По ее словам, даже двери снимали с петель. В их семье красили на Пасху сто сорок яиц, пекли тринадцать, а то и шестнадцать куличей, часть угощений относили в церковь. О пасхальной службе она рассказывала так: «В церкви на Пасху было богослужение знаменитое, великолепное, там был весь дипломатический корпус, все было разукрашено ветками, хор был. Сорок человек в хоре было. Никишин руководил хором. Голоса переливались [...], замечательно было. Ангельские голоса были. И за эту всенощную пасхальную [службу], владыка и весь клир двенадцать раз переоблачались [...]. Это была такая красота! И песнопения [...]. Это воспоминание у меня как сказка!»⁴. Ей запомнился крестный ход в полночь вокруг храма на Староместской площади. Иностранцы могли попасть на службу только по приглашительным билетам. А утром в храме накрывали столы, и любой мог разговляться с владыкой. Пражская беднота, нищие всегда знали, когда русская Пасха и приходили угоститься.

Чрезвычайно трогательные детские воспоминания о праздновании Пасхи и Рождества в Праге оставила дочь известного литературоведа Альфреда Людвиговича Бема Татьяна Рейзер. Привести эти описания целиком не представляется возможным, так как они достаточно пространны, но интересно их почитать, особенно в канун этих праздников, чтобы понять, как они отмечались раньше. Татьяна описала радостную, светлую атмосферу пасхальной службы, ощущение счастья и восторга после того, как владыка Сергей произносил «Христос Воскресе!»: «Люди оглядываются, смеются, счастливые глаза ищут другие счастливые глаза. Вот начинают христосоваться, сначала чинно, степенно: муж с женой, с детьми. Но поцелуи становятся все звонче и сочнее, все задорней и веселее [...]. Ах какой праздник, какой ни с чем не сравнимый праздник. На душе легко, ведь отговелась только на этой неделе, еще не успела нагрешить, и внутри легко, кажется, подымешь руки и полетишь в весну»⁵. После заутренней службы все пешком возвращались домой, так как трамваи в 4 утра еще не ходили. На следующий день все навещали друг друга, только хозяйки сидели дома и принимали гостей. Татьяна красочно описала предпраздничную суету, приготовление кулича, сырой пасхи, окраску яиц, причем в подготовке к празднику участвовала вся семья: родители и дети. Объединение вокруг православного храма сближало людей, попавших в ЧСР по преимуществу в католическое окружение. Сравнивая католические и православными праздники, Татьяна писала: «Да, Пасха единственный, ни с чем не сравнимый

³ Воспоминания, дневники, беседы, 450.

⁴ Там же, 449–450.

⁵ Рейзер (Бем) 1995, 82–86.

праздник. Ни за что на свете, даже за Рождество, я бы не променяла Пасхи. Хотя в Чехии Рождество считается самым большим праздником. Странные католики, у них всё наоборот. Рождественская служба служится в полночь, а заутрени у них вообще нету, только вечерня. Нет, у нас лучше». «Хотя, — добавила Татьяна дальше, — по правде сказать, и Рождество я бы не променяла ни за что на свете. Даже на Пасху бы не променяла. Очевидно, все так мудро устроено, что всему свое время. Весной Пасха, а зимой Рождество»⁶.

Рождество отмечали как дома, так и в гимназиях, клубах и обществах, где устраивались елки с театральными представлениями и маскарадами. В день св. Николая было принято (сейчас в Чехии эти традиции тоже сохраняются), чтобы приходил св. Николай с чертом и ангелом, одаривал послушных детей орехами и конфетами, а непослушные получали картофелину или уголек. Этот обычай стали соблюдать и в русских семьях: «Наш Николай, — писала Татьяна, — был проще и к тому же шалун. Он никогда не показывался нам на глаза, но норовил всегда из темного угла запустить в нас пригоршнями орехов и конфет»⁷. Появились и новшества: по воспоминаниям той же Рейзер-Бем, «несколько русских семей праздновали Рождество по-католически. Мы их в душе глубоко презирали и называли нехристями, но на елку ходили с удовольствием»⁸. К Рождеству родным и близким делали небольшие подарки, дети делали их своими руками. В Русском клубе отмечалось Рождество и отдельно — Новый год. В программе Русского клуба на 31 декабря 1919 г. была намечена такая встреча Нового года: оркестр, кабаре, буфет, концертное отделение с участием смешанного русского хора В.Ф. Кибальчича и с танцами под струнный оркестр⁹. А в 1921 г. в Русском клубе праздновали еще и «старый» Новый год 13 января¹⁰.

Видные политики ЧСР часто участвовали в праздничных мероприятиях русских эмигрантов. 13 января 1922 г. газета «Руль», например, сообщала, что магистрат Праги, правительство ЧСР и чехословацкий Красный Крест устроили праздник русской елки, на котором присутствовали министр иностранных дел Э. Бенеш с супругой, его заместитель В. Гирса, депутат парламента и председатель национально-демократической партии К. Крамарж, глава канцелярии президента П. Шамал, мэр Праги К. Бакса и члены дипломатических миссий.

Появились новые эмигрантские праздники, многие из которых впервые отмечались в Чехословацкой республике. Это, например, День русской культуры («Д.Р.К.») [Волошина 2013, 232–237], приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина 6 июня, День русского ребенка, который отмечали в праздник Благовещения (25 марта, по-старому, и 7 апреля по новому стилю) [Петрушева 2019, 103–108], День русского студента, День русского инвалида. Впервые «Д.Р.К.» отмечался в Эстонии в 1924 г. [Andreyev, Savicky, 156–157], а в Чехословакии, как и во многих других странах его стали отмечать с 1925 г. 10 февраля того года в ЧСР состоялось совещание по установлению празднования Дня русской культуры, на котором было принято предложение «установить празднование общеэмигрантского дня русской культуры» и избрать датой его проведения 25 мая (по ст. ст.) — день рождения Пушкина. Также было решено связаться с представителями Парижского Земгора и с эмигрантскими организациями в Англии, Америке, Тунисе, Алжире, Египте, Австрии, Бельгии,

⁶ Там же, 82–86.

⁷ Там же, 87.

⁸ Там же.

⁹ Хроника. Т. I, 21.

¹⁰ Там же, 39.

Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Испании, Канаде, Латвии, Польше, Турции, Франции, Финляндии, Харбине, Чехии, Швейцарии, Югославии, Южной Америки и Эстонии, а также выяснить возможности организации праздника в Голландии, Дании, Норвегии, Румынии и Швеции¹¹. И уже в 1925 г. День русской культуры состоялся в 13 странах¹². В программу празднования в Чехословакии вошли: дневное торжественное заседание, детский праздник-гуляние и вечерний концерт¹³. В дальнейшем заседания включали лекции о русских писателях, зодчих, старинных городах. В Чехословакии День русской культуры отмечали не только в Праге, но и в провинциальных центрах Моравии, Словакии и Подкарпатской Руси. Часто к организации празднований подключались и чехословацкие оркестры, театры. Так, в 1927 г. Чешская опера и Чешский драматический театр в Праге отметили День русской культуры постановкой русских опер и пьес, в нем также принял участие оркестр чешской филармонии под управлением профессора Франтишека Ступки¹⁴. Председателем комитета Дня русской культуры долгие годы являлась известная общественная деятельница графиня С.В. Панина [Серапионова 2019, 173–193].

С 1929 г. стали устраивать День русского ребенка («Д.Р.Р.»). Самое активное участие в его организации принимало Педагогическое бюро, Союз русских академических организаций за границей, Правление Объединения русских учительских организаций за границей, которые и предложили Русскому Зарубежью ежегодно устраивать «Д.Р.Р.» для сбора средств на удовлетворение духовных и материальных нужд русских детей, находившихся за границей¹⁵. Дело в том, что в связи с сокращением Русской акции помощи, проводимой чехословацким правительством, началом мирового экономического кризиса, приведшего к безработице (в первую очередь среди эмигрантов) и сокращению частных иностранных пожертвований, положение русских семей ухудшилось и необходимо было принять экстренные меры по организации питания, лечения детей и снабжения их одеждой, а также устройству летних лагерей¹⁶, а для этого нужны были средства. Кроме того, на Совещании по борьбе с денационализацией русской эмигрантской молодежи 4–5 октября 1928 г. констатировалось, что денационализация русских детей приняла угрожающий характер. По мнению участников совещания, это было связано как с нуждой большинства русских семей, так и с их желанием приобщить ребенка к культуре страны проживания, поставить его экономически на ноги. Они считали, что предотвратить процесс денационализации помогут прежде всего русские школы, а там, где их создать не удалось — устройство детских садов, клубов, летних лагерей, праздников, библиотек и т.п. В том числе рекомендовалось разработать вопрос об установлении «Д.Р.Р.». Инициатива русских эмигрантов в ЧСР вскоре распространилась и на другие страны, где жили выходцы из России. Так, уже в 1929 г. День русского ребенка отмечали в 13 странах, там образовались временные или постоянные организационные комитеты, обладавшие автономностью. Средства для детей привлекались путем уличных кружечных сборов, подписных листов, лотерей, доходных увеселений, собраний, празднеств, спектаклей, фильмов, концертов, а также денег частных

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Русские в Праге, 125–126.

¹⁴ Там же, 127.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 132. Л. 140.

благотворителей. Но рекомендовалось прибегать к помощи иностранцев в основном только в тех странах, где для этого существовали условия и установились достаточно тесные контакты русских беженцев с местным населением¹⁷. В Праге был создан Центральный фонд «Д.Р.Р.», куда отчисляли 10% от местных сборов в других странах. В 1929 г. из 13 стран в Центральный фонд поступило 52319,80 кр.ч. (39 600 франков), которые пошли на поддержку 24 детских учреждений¹⁸. В дальнейшем средства из Центрального фонда распределялись и направлялись наиболее нуждавшимся странам¹⁹. В Чехословакии «Д.Р.Р.» отмечался не только в Праге, но и в других частях страны. В отчете о проведении «Д.Р.Р.» в Словакии (Ладимирово) в 1938 г. читаем: «Вообще нам удалось воплотить идею Д.Р.Р., только дождик помешал детям порезвиться, попрыгать и повеселиться. Не оставляем мысли в будущем году повторить подобный “День русского ребенка” и привлечь более широко соседние школы. В этом году участвовало 5 народных школ. В будущем году попытаемся на Благовещение устроить среди наших детей по школам сбор по принципу “дети детям”, если не галлержами²⁰, то хотя бы яйцами [...]. Для нашего праздника присланных Центральным фондом 150 кр.ч. оказалось недостаточно, и мы собрали среди местной интеллигенции тоже 150 кр.ч., а среди детей по яйчку. Так что нам хватило и даже имеем маленький резерв на будущий год»²¹.

После Мюнхенского соглашения, когда экономические и политические условия в ЧСР значительно ухудшились, Центральный фонд «Д.Р.Р.» благодарил Союз славянских женщин и его председателя Б. Смоляржеву-Чапкову за помощь русским детям²². Председатель Центрального комитета фонда «Д.Р.Р.» П.Д. Долгоруков указывал, что если раньше Чехословацкая республика по сборам занимала первое место и оказывала помощь русским детям в других странах (всего Центральный фонд переслал в другие страны 125 000 кр.ч.²³), то теперь местные сборы идут целиком на помощь русским детям в ЧСР, а деньги, собираемые отделениями в Подкарпатской Руси (являвшейся частью Чехословакии), — на нужды местных карпаторусских детей (граждан ЧСР)²⁴. В конце 1930-х годов наибольшие сборы в «Д.Р.Р.» стали осуществлять в США и на Дальнем Востоке. Собранные ими и рассылаемые по всему Русскому Зарубежью средства спасли не одну сотню русских детей. После распада Чехословакии в 1939 г. и захвата Венгрией Подкарпатской Руси функции Центрального фонда «Д.Р.Р.» Долгоруков передал в США, так как денежные переводы из Протектората Богемии и Моравии за границу в 1939 г. были запрещены.

В сентябре 1922 г. по инициативе Организации русских эмигрантских организаций был проведен День русского студента²⁵. Отмечался и День русского инвалида. Идеи проведения этих праздников часто возникали в Праге, где нередко находились и оргкомитеты по их устройству. Как писал в 1938 г. в письме В.В. Рудневу П.Д. Долгоруков: «Все наши “Дни”, зарождавшиеся в Праге (“День русской культуры”, “День Поминовения”, “День русского ребенка”) кроме специальной цели каждого имеют своей задачей общенациональное,

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Л. 55.

¹⁹ Там же. Л. 64.

²⁰ Мелкая денежная единица в ЧСР (1 кр.ч. = 100 галлержей).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

²² Там же. Д. 7. Л. 26.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ Там же. Л. 26–26об.

²⁵ Хроника. Т. 1, 76.

собирающее, воспитывающее дело, нравственно цементирующее нашу рассеянную соборность»²⁶. Празднования проводились, чтобы подчеркнуть свою «русскость», верность русскому культурному коду и, конечно, в целях благотворительности, чтобы сборами от мероприятий помочь нуждавшимся. Эти праздники объединяли россиян, рассеянных по всему миру.

Были и специфические праздники, которые отмечались только в Чехословакии. Например, ежегодно отмечали день рождения чехословацкого президента Т.Г. Масарика или покровителей русских в ЧСР четы Крамарж. Особенно широко отмечались круглые даты чехословацких государственных и политических деятелей. Например, 4 марта 1920 г. усилиями Чешско-русского объединения (Едноты) праздновали 70-летие президента Чехословакии, с докладом «Масарик и Россия» выступил Б.В. Морковин, а 6 марта в честь этого же события состоялось общее собрание объединения²⁷. В 1925 г. русские поздравляли с 50-летием заместителя министра иностранных дел «русского» чеха В. Гирсу, который заведовал всем русским делом и помощью русским в ЧСР. Эмигранты преподносили ему адреса и подарки²⁸. В свою очередь чехословацкие политики давали вечера в честь русских, проживавших в Праге. Такой вечер состоялся 25 января в Татьянин день 1920 г. в Мещанской беседе по инициативе первого чехословацкого премьера К. Крамаржа²⁹. Он же 9 марта 1921 г. организовал благотворительный вечер «Русский чай» в пользу русской эмиграции³⁰. 15 сентября 1920 г. и в этот же день на следующий год Т.Г. Масарик устроил прием в честь проф. А.В. Карташева, 22 октября 1920 г. он принимал А.Ф. Керенского, а 25 ноября 1921 г. — кн. С. Волконского³¹. Славянофил и русофил К. Крамарж, женатый на русской, регулярно устраивал благотворительные вечера, обеды и чаи по четвергам. Секретарь Л.Н. Толстого В. Булгаков писал о Крамарже: «Крамарж любит русских [...]. Любит русских и его жена [...], “чай наша”! Роскошный дом Крамаржа в Праге [...] открыт для русских [...]. По “четвергам” тут чай. А иной раз, специальными карточками русские приглашаются на большие рауты и вечера с литературным отделением или концертом и, главное (!), с ужином»³². О многочисленных приемах у Крамаржа вспоминал и Н.П. Кондаков³³. Т.Г. Масарик, как правило, предпочитал принимать эмигрантов, приглашая одного-двух. На его приемах бывали: ученый и инженер А.С. Ломшаков, литератор А.М. Амфитеатров, литературовед и издатель Е.А. Ляцкий, профессор, экономист В.Ф. Тотомианц, экономист и политик С.С. Маслов, церковный и общественный деятель А.В. Карташев, историк В.А. Францев и многие др.). Но иногда устраивались и так называемые общие (более многочисленные) приемы у президента³⁴. На рауте у президента в честь представителей русского общества 13 марта 1924 г. собралось около 200 человек³⁵.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

²⁷ Хроника. Т. I, 25–26.

²⁸ Булгаков, 318–322.

²⁹ Хроника Т. I, 23.

³⁰ Там же, 42.

³¹ Там же, 34, 35, 56, 58.

³² Булгаков, 326–327.

³³ Кондаков, 273.

³⁴ Об одном из них вспоминала Е.А. Максимович (урожд. Кизеветтер). (Воспоминания, дневники, беседы, 399–400).

³⁵ Хроника Т. I, 142.

Проводились памятные мероприятия в честь чешских и словацких исторических личностей (например, Я. Гуса³⁶), здравствовавших и уже почивших выдающихся деятелей. 12 марта 1923 г. Союз русских писателей и журналистов отметил 70-летие чешского писателя и публициста Й. Голечека³⁷. В апреле 1923 г. русская колония отметила 120-летний юбилей карпаторусского писателя А.В. Духновича³⁸. Праздновались также юбилеи образования Чехословацкой республики³⁹.

Иногда открытие эмигрантских заведений в ЧСР либо годовщины со дня открытия сопровождалось праздничными концертами или торжественными собраниями. Так, 7 июня 1921 г. по случаю открытия ресторана «Русский дом» был организован концерт⁴⁰, а 18 мая 1923 г. торжественно отмечалась годовщина Русского юридического факультета в Праге⁴¹. В приглашении на открытие общества Русского народного университета 8 декабря 1925 г. указывалась программа, предусматривавшая речи председателя совета Русского народного университета проф., д-ра М. Новикова и проф. Пражского политехникума З. Бажанта, а также исполнение музыкальных номеров русским студенческим хором им. А.А. Архангельского⁴².

Отдельной категорией празднеств являлись юбилеи со дня рождения и годовщины смерти русских писателей (например, Л.Н. Толстого⁴³, Ф.М. Достоевского⁴⁴), поэтов⁴⁵, художников, композиторов, ученых⁴⁶, военачальников⁴⁷, историков⁴⁸, общественных деятелей⁴⁹, политиков⁵⁰, правителей⁵¹. Отмечались знаменательные даты отдельных институций, например, уже в июле 1929 г. в чехословацкой столице началась подготовка к празднованию 175-летия Московского университета [Бочарова 2014, 211–212]. В Праге, Париже, Берлине и др. городах возникло 13 комитетов и обществ по ознаменованию этого события. Пражский комитет возглавил бывший ректор университета М.М. Новиков⁵². Само празднование прошло в Татьянин день 1930 г. неслучайно, так как с этим днем связано основание Московского университета, затем он стал

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ Там же. С. 102.

³⁹ Там же. С. 116, 164–165.

⁴⁰ Там же. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 104.

⁴² ГАРФ, Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁴³ Хроника Т. I, 35; Воспоминания, дневники, беседы, 322.

⁴⁴ Хроника Т. I, 70.

⁴⁵ В июне 1924 г. праздновали 125 лет со дня рождения А.С. Пушкина, в ноябре 1925 г. отметили 50-летие со дня смерти А.К. Толстого, в феврале 1928 г. — 40-летие литературной деятельности и 60-летие поэта Д.М. Ратгауса (Там же, 156, 215, 291).

⁴⁶ 15 июля 1923 г. состоялся юбилейный вечер в ознаменование 100-летия со дня рождения философа, социолога и публициста П.Л. Лаврова (Там же. С. 107).

⁴⁷ В Братиславе 8 марта 1929 г. был дан парадный ужин с чествованием генерала А.П. Кутепова (Там же, 340).

⁴⁸ В январе 1932 г. в Русском народном университете состоялось собрание в память историка В.О. Ключевского. — Воспоминания, дневники, беседы, 338.

⁴⁹ В ноябре 1923 праздновали 100-летие со дня рождения И.С. Аксакова. См.: Хроника. Т. I, 120.

⁵⁰ В январе 1929 г. отметили 85-летний юбилей «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, а 6 марта 1929 г. в Общественном доме в Праге был устроен банкет в честь 70-летия П.Н. Милюкова (Там же, 329–330, 339).

⁵¹ Так, 12 июля 1919 г. посланник Королевства СХС И. Грибарь дал обед в честь дня рождения Петра I, на который были приглашены русские эмигранты. См.: Хроника. Т. I, 70.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

и днем российского студенчества и фактически праздником российской интеллигенции. Позднее силами наиболее активных пражского и парижского комитетов во французской столице на средства, собранные в разных странах, опубликовали сборник статей, в котором исторический очерк о старейшем российском высшем учебном заведении написал А.А. Кизеветтер. Оставшиеся от издания и вырученные от продажи книг деньги пошли на стипендии имени Московского университета русским студентам, обучавшимся за границей⁵³. По инициативе пражского комитета к юбилею университета русским в разных странах была разослана анкета со следующими вопросами: «1) Время окончания высшего учебного заведения в России или за границей; 2) факультет или отделение; 3) деятельность в России; 4) деятельность за границей; 5) страна пребывания». Полученные ответы на анкету позволили в какой-то степени учесть эмигрантов с высшим образованием (т.е., как считалось, культурные силы для будущей России).

Татьянин день по традиции русские эмигранты, студенты и профессора, в разных странах рассеяния отмечали весело. С 1920 г. живший в ЧСР, а затем переехавший в Белград профессор Киевского университета (с 1918 г. ректор) Е.В. Спекторский вспоминал о праздновании Татьянина дня: «В 1922 г. Татьянин день был ознаменован торжественным публичным собранием с речами. В числе ораторов был и я. Затем состоялся ужин совместно со студентами. Они решили подпоить меня и поднесли мне “чарочку”. Я произнес столыпинскую фразу: “Не запугаете” — и проглотил оказавшуюся в ней какую-то чудовищную смесь. После этого я стал слишком весел. К моему удивлению, меня привели домой два студента, крепко державших меня под руки. И я не помню, как меня раздевали и уложили спать. Словом, со мной произошло то же самое, что за год до этого с Ф.В. Тарановским⁵⁴»⁵⁵.

Отмечались исторические события и их юбилеи, причем как современные, так и давно минувшие. Торжественное заседание, посвященное прославлению мира, заключенного в Версале в июне 1919 г., состоялось в Национальном музее с участием президента Т.Г. Масарика, чехословацких политиков и представителей русских эмигрантов. В 1924 г. проводились мероприятия в связи с десятилетием начала Великой войны⁵⁶. Не оставляли без внимания и годовщины создания Добровольческой армии и эвакуации из Крыма⁵⁷. По случаю 100-летнего юбилея восстания декабристов образовали особый комитет по подготовке торжественного заседания, избрали его исполнительное бюро во главе с А.А. Кизеветтером. Приготовления к событию начались заранее с обращения к различным русским и украинским организациям в ЧСР с просьбой принять участие и ассигновать любую возможную сумму. Многие организации, причем как русские, так и чехословацкие, откликнулись на эту инициативу и внесли взносы⁵⁸. Украинские организации отправили на мероприятие своих представителей⁵⁹. Заседания исполнительного бюро проходили в помещении Русского заграничного исторического архива (РЗИА)⁶⁰. Торжественное

⁵³ Там же. Л. 3, 10–10об.

⁵⁴ Тарановский Федор Васильевич (1875–1936) — историк права, профессор Юрьевского, Петроградского, Екатеринославского, а затем Белградского университета.

⁵⁵ Спекторский, 367–368.

⁵⁶ Хроника Т. I, 159.

⁵⁷ Там же. С. 120.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 2. Л. 1. 4–6, 11; Д. 3. Л. 1–2.

⁵⁹ Там же. Л. 7–8.

⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 3–5.

заседание состоялось 28 декабря 1925 г. в помещении Земгора в 18:30. С речами выступили А.А. Кизеветтер и М.Л. Слоним. В работе литературного отделения участвовали артисты Московского Художественного театра Н.Г. Коваленская и А.А. Брей⁶¹. 19 февраля по ст. стилю и 4 марта по-новому праздновали День освобождения крестьян⁶².

Исторические события праздновались как всей активной частью русской колонии в ЧСР, так и отдельными группами и профессиональными сообществами. Так, редакция эмигрантской газеты «Славянская заря» в ресторане «Черный конь» устроила 11 сентября 1919 г. празднество по случаю выхода первого номера газеты, а создание Чешско-русского объединения сопровождалось 16 сентября 1919 г. чествованием эсеров Е.К. Брешко-Брешковской, Е.Е. Лазарева и др.⁶³ Студенты и профессора, как уже указывалось, отмечали Татьянин день как день Московского университета⁶⁴. Проводились вечеринки и банкеты для студентов⁶⁵, праздники «Русского сокола»⁶⁶. Иногда устраивались и просто вечера памяти ушедших выдающихся деятелей русской культуры, не связанные с юбилейными датами. Союз русских журналистов и писателей 22 сентября 1921 г. организовал вечер памяти А. Блока (28 ноября 1880 – 7 августа 1921 г.)⁶⁷.

Массовость участия в отдельных мероприятиях была разной, многое зависело от популярности той или иной исторической личности, а также от отношения эмигрантов к конкретному историческому событию. С этим же был связан и выбор здравствующих или уже ушедших юбиляров. Из числа здравствующих приоритет был за теми, кто проживал в ЧСР, часто туда наведывался либо получил престижную премию и мировое признание. Иногда чествовали сразу нескольких лиц. 16 апреля 1920 г. Чешско-русское объединение организовало вечер с чаем в честь певца и общественного деятеля А.Д. Александровича, проф. Н.В. Ястребова и режиссера Ю.Э. Озаровского⁶⁸. В 1924 г. чешские и русские ученые чествовали академика Н.П. Кондакова в связи с его 80-летием⁶⁹. В 1925 г. русская колония в ЧСР отмечала 80-летие писателя, публициста, военного корреспондента Вас. И. Немировича-Данченко, а в 1930 – его 85-летие⁷⁰. Отмечались также круглые даты известных и уже почивших русских деятелей культуры.

Для подготовки и проведения торжеств обычно выбирался оргкомитет, который назначал дату, составлял и согласовывал программу мероприятия, договаривался с участниками, рассылал приглашения или оповещал о них через прессу. Иногда выходили даже разовые однодневные газеты, где фиксировались праздничные мероприятия и назывались их участники.

Что касается вопроса об интенсивности проведения праздников на протяжении межвоенного периода (в 1920–1930-е годы), когда экономическая и политическая обстановка в стране значительно менялась, то используя опубликованную коллегами из Праги хронику культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике, составленную на основе газетных

⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 6.

⁶² Хроника. Т. I, 94.

⁶³ Там же. С. 14–15.

⁶⁴ Там же. С. 61, 335.

⁶⁵ Там же. С. 80, 84.

⁶⁶ Там же. С. 92, 259.

⁶⁷ Там же. С. 53.

⁶⁸ Хроника. Т. I, С. 28.

⁶⁹ Там же, 165.

⁷⁰ Воспоминания, дневники, беседы, 335.

сообщений, удалось установить, что в 1920-е годы, когда постепенно стабилизировалась экономическая обстановка в стране, а также в связи с началом в 1921 г. Русской акции помощи чехословацкого правительства эмигрантам из России [Русская акция; Сладек 2008, 7–14], количество мероприятий было наиболее многочисленным. В 1930-е годы из-за экономического кризиса, больно ударившего в первую очередь по эмигрантам, лишившимся работы, количество отмечавшихся праздничных дат сократилось. К середине 1930-х годов были установлены официальные дипломатические отношения ЧСР и СССР, подписан советско-чехословацкий союзнический договор, что также послужило одной из причин сворачивания помощи эмигрантам. Да и само количество русских эмигрантов в Чехословакии сократилось более чем в два раза в связи с переездом в другие страны и естественным уходом из жизни представителей старшего поколения. Но даже после Мюнхена в условиях раздела, а позднее распада страны, оккупации Чешских земель и включения их в качестве протектората в состав Германии в марте 1939 г., а затем и в военные 1940-е годы русские эмигранты старались отмечать традиционные праздники и самые важные культурные вехи. На «старый» Новый год в 1939 г. Галлиполийское землячество провело традиционный галлиполийский бал, и чуть позже елку для детей. В феврале Русский свободный университет (РСУ) [Аксёнова, Досталь, 2000, 85–103] и Научно-исследовательское объединение отпраздновали Татьянин день, а сборы от этого мероприятия пошли на издание научных трудов. «Русский сокол» 18 февраля 1939 г. устроил костюмированную вечеринку, а 11 марта – «семейный» вечер⁷¹. Объединение русских эмигрантских организаций 29 марта 1939 г. организовало вечер к 100-летию со дня рождения М. Мусоргского. В мае 1939 г. РСУ отметил 100-летний юбилей путешественника и исследователя Н.М. Пржевальского⁷². В 1942 г. в списке членов организационного комитета Дня русской культуры в Протекторате Чехия и Моравия насчитывалось 25 человек. Из них 11 присутствовали на подготовительном собрании 20 мая, когда был принят наказ, предусматривавший продолжить «устройство собраний, лекций, концертов и спектаклей, а равно и выпуск публикаций, посвященных прославлению достижений русской культуры и особенно устройство ежегодного торжественного собрания, приуроченного к дате рождения А.С. Пушкина (8 июня)»⁷³. И это уже во время войны фашистской Германии и СССР.

Информация о проведении мероприятий сохранилась в виде отчетов организаций и объединений, в газетных заметках, кинохрониках, воспоминаниях и дневниках эмигрантов. Почти все эти исторические источники были задействованы в написании данной статьи и свидетельствуют о том, что праздники составляли важную часть эмигрантской жизни. Изучая эти свидетельства повседневной жизни эмигрантов в Чехословакии (и, конечно, не только в этой стране), можно узнать много интересных подробностей и из истории принимавшей их страны. Стараясь сохранить свои традиции, эмигранты все же неизбежно копировали и некоторые праздники той страны, где жили. С другой стороны, участие чехословацких политических и общественных деятелей в празднествах и культурных мероприятиях, устраиваемых русской колонией в ЧСР, привлекало общественное внимание, знакомило чехов и словаков с русскими традициями, способствовало сближению народов и взаимопроникновению культур.

⁷¹ Хроника. Т. II, 495, 496, 498, 499, 501.

⁷² Там же, 502, 504.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ДРК – День русской культуры.
ДРР – День русского ребенка.
Земгор – Комитет земских и городских деятелей.
Королевство СХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев.
Кр. ч. – чехословацкие кроны.
РЗИА – Русский заграничный исторический архив.
РСУ – Русский свободный университет.
ЧСР – Чехословацкая Республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Булгаков В. Отрывки из записей о русских и о чехах («Осколки России») // Воспоминания, дневники, беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л. Н. Белошевская и кол. авт. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011. Кн. 1. С. 318–322.
Воспоминания, дневники, беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л. Н. Белошевская и кол. авт. Прага, 2011. Кн. 1. 672 с.
ГАРФ. Ф. 541. Д. Н. Вергун. Оп. 1. Д. 22.
ГАРФ Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 1, Д. 2.
ГАРФ Ф. Р-5851. Оп. 1. Д. 1, Д. 7, Д. 8.
ГАРФ Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 132.
ГАРФ Ф. Р-6126. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 3.
Кондаков Н. П. Дневники 1922–1923. Фрагменты // Воспоминания, дневники, беседы Русская эмиграция в Чехословакии / сост., общ. ред. Л. Н. Белошевская и кол. авт. Прага, 2011. Кн. 1. С. 251–317.
Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 288 с.
Рейзер (Бем) Т. Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií-3) / ed. V. Veber. Praha: Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK, 1995. с.
Русские в Праге 1918–1928 гг. / ред.-сост. С. П. Постников. Прага: Легиография, 1928. 348 с. Reprint Národní knihovna v Praze. Praha: Polygrafické středisko NK v Praze, 1995.
Спекторский Е. В. Воспоминания. Рязань: Частный издатель П. А. Трибунский, 2020. 654 с.
Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000. Т. I. 1919–1929. 368 с.; Прага: Славянский институт АН ЧР, 2001. Т. II. 1930–1939. 640 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксёнова Е. П., Досталь М. Ю. Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. III–IV (1998–1999) № 2. Прага: Еурославака, 2000. С. 85–103.
Бочарова З. С. Русский мир 1930-х годов: От расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3. // Русский мир в XX в. В 6 томах / Под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 336 с.
Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 448 с.
Йованович М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в перв. пол. 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Сборник докладов. Прага: Славянская библиотека, 1995. 2-я часть. С. 675–685.
Петрушева Л. И. День русского ребенка в Чехословакии // Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví, 2019. С. 103–108.

Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии / сост. Л. Бабка и И. Золотарёв. Прага: Русская традиция, 2012. 359 с.

Серapiонова Е.П. Софья Владимировна Панина: чехословацкий период жизни (1924–1938 гг.) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 173–193.

Сладек З. Русская акция помощи // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага: RT+RS Servis, 2008. С. 7–14.

Andreyev C., Savicky I. *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1939*. New Haven; London: Yale University Press, 2004. 246 p.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2023

Рукопись принята к печати 20.04.2023

REFERENCES

Aksënova Je.P., Dostal' M. Iu. Russkii svobodnyi universitet (Russkaia uchenaiia akademiia) v gody Vtoroi mirovoi voyny. *Rossica. Nauchnye issledovaniia po rusistike, ukrainistike, belorusistike. III–IV (1998–1999)*, no. 2. Praha: Euroslavica, 2000, pp. 85–103. (In Russ.)

Andreyev C., Savicky I. *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1939*. New Haven; London: Yale University Press, 2004, 246 p.

Bocharova Z.S. Russkii mir 1930-kh godov: Ot rastsveta k uviadaniiu Zarubezhnoi Rossii. Moscow: AIRO-XXI, Publ. 2014., t. 3, 336 p. *Russkii mir v KHKH v. V 6-ti tomakh*. (In Russ.)

Voloshina V. Iu. *Vyrvannyje iz rodnoi pochvy. Sotsial'naia adaptatsiia rossiiskikh uchenykh-emigrantov v 1920–1930-je gody*. Moscow: Forum, Publ., 2013, 448 p. (In Russ.)

Iovanovich M. Chekhoslovakiia i Iugoslaviia na karte Zarubezhnoi Rossii (v perv. pol. 20-kh gg. KHKH v.). *Russkaia, ukrainskaia i belorusskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdum dvumia mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy provedennykh issledovanii. Fondy Slavianskoi biblioteki i prazhskikh arkhivov*. *Sbornik dokladov*. Praha: Slovanská knihovna, 1995. 2-ia chast', pp. 675–685. (In Russ.)

Petrusheva L.I. Den' russkogo rebenka v Chekhoslovakii. *Iz istorii izgnanii. Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhojvennoi Chekhoslovakii*, ed. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví, 2019, pp. 103–108. (In Russ.)

Russkaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii. Istoriia, znachenije, nasledije. *K 90-letiiu nachala Russkoi aktsii pomoshchi v Chekhoslovakii*, sost. L. Babka i I. Zolotarëv. Praha: Russkaia trditciia, 2012, 359 p. (In Russ.)

Serapionova E.P. Sof'ia Vladimirovna Panina: chekhoslovatskii period zhizni (1924–1938 gg.). *Slavianskii al'manakh*, 2019, no. 3–4, pp. 173–193. (In Russ.)

Sladek Z. Russkaia aktsiia pomoshchi. *Dom v izgnanii. Oчерki o russkoi emigratsii v Chekhoslovakii*. Praha: RT+RS Servis. Publ., 2008, pp. 7–14. (In Russ.)

Received on 10.03.2023

Accepted on 20.04.2023

Информация об авторе:

Серapiонова Елена Павловна

доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0269-140X

E-mail: serapionovae@mail.ru

Information about the author:

Elena P. Serapionova

DSc. (History), Head of the Department

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0269-140X

E-mail: serapionovae@mail.ru

Славяноведение, 2023, № 4, с. 78–90

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 78–90

DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Оригинальная статья / Original Article

Александр Митрофанович Федоров
в творчестве болгарского писателя Стилияна Чилингирова

© 2023 г. Христо Манолакев

Велико-Тырновский университет им. свв. Кирилла и Мефодия
(Велико-Тырново, Болгария)

h_manolakev@abv.bg

Статья написана при финансовой поддержке Фонда научных исследований
Болгарии в рамках Научного проекта № КП-06-ОПР 05/1 (17. XII. 2018)

Аннотация. 26.XII.1919 г. известный русский писатель А.М. Федоров (1868–1949) сходит на пристань Варна, спасаясь от большевистских погромов в Одессе. До конца своего земного пути, почти тридцать лет, он остается в Болгарии. Недавно стали системно исследовать его «болгарские годы». Основной источник этих исследований — написанные в 1950 г. специально о Федорове воспоминания его болгарского друга, писателя Ст. Чилингирова. Впервые в науке в связи с биографией этого русского писателя исследуется и роман Ст. Чилингирова «Мундир без погон» (1928). Цель статьи: раскрыть, как два различные по жанру произведения — мемуары и роман, взаимно дополняясь, представляют А.М. Федорова как человека и писателя. Излагается тезис, что хотя они и богаты сведениями, но показывают Федорова единственно в свете болгарских переживаний бытия эмигранта, не создают целостный портрет его присутствия в Болгарии.

Ключевые слова: А.М. Федоров, первая волна русской эмиграции, «Русская София».

Ссылка для цитирования: Манолакев Хр. Александр Митрофанович Федоров в творчестве болгарского писателя Стилияна Чилингирова // Славяноведение. 2023. № 4. С. 78–90. DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Alexander M. Fyodorov in the Works
of Bulgarian Writer Stilian Chilingirov

© 2023. Hristo Manolakev

St. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo
(Veliko Tarnovo, Bulgaria)

h_manolakev@abv.bg

The article is written with the financial support of the Scientific Research Fund of Bulgaria within the Scientific project № КП-06-ОПР 05/1 (17. XII. 2018)

Abstract. On 26th December, 1919, the renowned Russian writer A.M. Fyodorov (1868–1949) fleeing the Bolshevik pogroms in Odessa, landed at the port of Varna. He stayed in Bulgaria for almost thirty years until the end of his life. It is only recently that his «Bulgarian years» began to be systematically studied. The memoirs of his Bulgarian friend, the writer Stilian Chilingirov, which were written in 1950 and specially dedicated to Fyodorov, have been the primary source of information for that studies. For the first time in science Chilingirov's novel «Shinel bez pagoni» («A Greatcoat Without Epaulettes») (1928) is studied in connection with the biography of the Russian writer. The aim of the article is to reveal how two different genre works, a memoir and a novel, complementing each other, picture A.M. Fyodorov as a man and a writer. The thesis is that although rich in information, the works reveal Fyodorov only in the light of the Bulgarian experiences of his emigrant life, without drawing a detailed picture of his presence in Bulgaria.

Keywords: A.M. Fyodorov, first wave Russian emigration, «Russian Sofia».

For citation: Hristo P. Manolakev. Alexander M. Fyodorov in the Works of Bulgarian Writer Stilian Chilingirov // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 4. P. 78–90. DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Всего несколько десятилетий тому назад имя Александра Митрофановича Федорова (1868–1949) не было известно даже специалистам по русской литературе в Болгарии. Годы, проведенные им в Софии, стали систематически изучаться только в последнее время. Основной причиной слабого научного интереса к этому автору является скудость документальных сведений о его жизни и деятельности, наличествующих в наших архивах. Материалы о Федорове, а именно: рукописи, отдельные письма, отрывочные заметки, газетные вырезки публикаций — его и о нем, в основном сохранились в личном архиве болгарского писателя Стилияна Чилингирова. Среди самых интересных материалов этого архива следует упомянуть «Воспоминания» Чилингирова о Федорове. Написанные в начале 1950-х годов, они содержат ценную информацию о пребывании русского писателя в Софии, что превращает их в основной источник для изучения его жизни в Болгарии.

Исследователи стремятся как можно полнее восстановить *фактологическую* сторону пребывания Федорова в Болгарии, поскольку сведений о его жизни недостаточно. Именно поэтому очень часто «Воспоминания» рассматриваются с эмпирической точки зрения только как источник информации о русском писателе и почти дословно воспроизводятся исследователями. То обстоятельство, что «Воспоминания» по своему характеру выражают *субъективные впечатления* Чилингирова, особо не комментируется. Не ставится под сомнение факт, что они являются результатом многолетней дружбы между писателями, и это, в свою очередь, неизбежно сказывается на выборе описываемых событий и идеологии их интерпретации. К настоящему моменту, однако, «Воспоминания» не осмыслились с точки зрения их имманентной репрезентативности.

Чилингиров рассказывает о Федорове и в другом своем тексте — русский писатель является прототипом одного из второстепенных персонажей романа «Мундир без погон» («Шинел без пагони»)¹ (1924). Однако значение этого произведения для возможной реконструкции биографии Федорова до сих пор не изучалось.

¹ Перевод заглавий и всех цитат из романа «Мундир без погон» и «Воспоминаний» Чилингирова на русский язык мой. — Х.М.

Безусловно, речь идет о двух разных типах дискурса — документальном и условно-художественном, но я ставлю целью проанализировать, какой образ Александра Федорова, писателя и человека, создает Чилингилов в этих произведениях.

«Мундир без погон» — второй роман С. Чилингилова². Сюжет повествует о жизни русских эмигрантов сразу после их прибытия в Болгарию. Среди второстепенных персонажей — писатель Федор Александрович Мерцалов и его друг, художник Александр Владимирович Нилов. В именах двух героев легко обнаруживаются ассоциации с писателем Александром Митрофановичем Федоровым и художником Петром Александровичем Нилусом³. На явную связь с реальными личностями указывает и совпадение их профессий, маршрут их передвижения (из Варны в Софию), равно как и тот факт, что почти сразу по прибытии в Болгарию они представили свои произведения на суд местной публике, которая с восторгом приняла их выступления. Во второй части романа, действие которой происходит в Софии, Мерцалов уже становится учителем гимназии и, подобно Федорову, вначале с трудом адаптируется к преподавательской работе. Эти соответствия подсказывают, что информацию, относящуюся к образу Мерцалова, можно считать документально точной.

Чилингилов стремится нарисовать достоверную социально-психологическую картину несчастливой судьбы русских изгнанников. Такова его творческая задача, что дает основание критике определить «Мундир без погон» как роман-хронику [Димитров 2010, 153]. Из «Воспоминаний» мы узнаем, что автор лично и с вниманием наблюдал за присутствием эмигрантов в Софии [Чилингилов 2010, 165–176]. Но это был взгляд извне, взгляд, обусловленный критическим мышлением социального антрополога. С такой оптикой можно проникнуть в контекст, но сочинить роман нельзя. Сюжет романа требует более четкого художественного горизонта, отличного от описания общей панорамы. Вот почему нетрудно предположить, что Чилингилова-писателя вдохновили заняться этой «не-болгарской» темой именно его встречи с Федоровым. Общение с ним открыло ему иной, неизвестный и недоступный иностранцу, ракурс жизни «русской Софии» с драматическими историями загубленных судеб и социальных катастроф, униженной гордости и задетого самолюбия. Из этих совершенно различных — эмоционально и мировоззренчески — реальных впечатлений и выросла идея центральной метафоры, *мундира без погон*, пронизывающей судьбу всех персонажей.

Мундир без погон — это военная или форменная одежда, с которой сняты обозначения служебного чина и родовых традиций. Следовательно, мундир *без погон* — это знак отсутствия иерархии, т.е. социальное обезличение и разрыв с прошлым. Здесь это прошлое запрещено (с точки зрения болгарских властей)

² В своих «Воспоминаниях» Чилингилов отмечает, что важную роль в том, чтобы он обратился к жанру романа, сыграли А.М. Федоров и Нестор Котляревский. Однажды в застольной беседе, с интересом выслушав рассказанную им историю, они уговорили его преодолеть свой страх и трансформировать ее в сюжет романа. Так они стали «крестными отцами» его первого романа «Хлеб наш насущный» (1924), за что Чилингилов особо благодарил их в посвящении [Чилингилов 2010, 177–178]. В переизданиях романа посвящение было снято издателями [Димитров 2010, 152–153].

³ А.М. Федоров прибыл в Болгарию 26 декабря 1919 г. на пароходе «Витязь», державшем курс из Одессы в Варну. Вместе с ним приехал и художник П.А. Нилус (1869–1943). Они были друзьями еще по Одессе, на пароходе встретились случайно. В Болгарии они все время были вместе и не разлучались до 1923 г., когда после скандала с болгарскими художниками по поводу своей выставки Нилус уехал в Париж.

и бесполезно (в восприятии русских); для тех же из них, кто хочет приспособиться к новой социальной реальности, оно ненужно.

В художественном мире романа, конечно, неслучайно первоначальное функционирование метафоры прямо связывается с действиями Мерцалова (Федорова). Его участие в сюжете (разумеется, вместе с Ниловым/Нилусом) опосредовано размышлениями главного героя князя Андрея. Он никогда не видел Мерцалова и Нилова, но он противостоит их действиям, и в его сознании возникают своеобразные силуэты с *четко определенной* идеологической позицией. Это приводит князя к нервному срыву, тем более что они осмелились пренебречь сословными нормами:

«И в самом деле, кто они, эти люди? Никто. [...] люди без служебного ранга, без отличий за заслуги, без родовых традиций. И тем не менее их имена стали переходить из уст в уста, а на улице их встречали и провожали почтительными взглядами. Но они на это обращали мало внимания. Относились они небрежно и к своей внешности: помятая одежда, небритые лица, шляпы с помятыми полями. Вдобавок вместо того, чтобы потребовать у горожан и своих соотечественников того, что, как они сами считали, им полагается, они растворились в этой пестрой толпе, одинаково общаясь и с состоятельными, и с неимущими. Вместе со всеми они тоже суетились туда-сюда, пытались заработать что-нибудь, что сделало бы их жизнь намного сноснее» [Чилингиров 1928, 105].

Мы можем усомниться в истинности этой характеристики из-за ее книжного романтизма. Но в ней смысловой акцент ставится на изменении сознания человека — очевиден социально-психологический настрой приспособиться к новым условиям, чтобы выжить. Именно это и есть настоящее событие в цитируемом отрывке. Таким образом, автор выдвинул ценную идею для реконструкции биографии писателя-эмигранта: Мерцалов (Федоров) одним из первых осознал трагичную истину об их состоянии, о «мундире без погон», и стал целенаправленно приспосабливаться к новым социальным обстоятельствам.

Сквозь призму этого опыта мы рассмотрим вторую часть романа (действие уже происходит в Софии) и остановимся на эпизоде, в котором Мерцалов (Федоров) аргументирует свое решение остаться в Болгарии. Однажды он случайно встречается с главной героиней романа Верой Игнатовой. Поняв из его слов, что ему трудно выполнять свои обязанности учителя, она спрашивает, почему он не уйдет с работы. А он с удивлением ей отвечает: «Мне уйти? Что же я буду делать тогда?». Она рекомендует ему ехать «в Париж, например, или куда-нибудь еще, где можно будет посвятить себя целиком своему творчеству» [Чилингиров 1928, 265].

Отложенный отъезд в Париж и внутренние колебания поэта — мотивы, часто встречающиеся у тех, кто писал о Федорове. Первоисточником этой информации стали воспоминания Лиляны Шульц⁴. Она настаивает на том, что в письмах к своему другу И. Бунину Федоров обсуждал идею переезда во Францию. Но Чилингиров, как видим, утверждает совсем другое. Из контекста видно, что у Мерцалова (Федорова) нет никаких колебаний в решении

⁴ По всей вероятности, кроме личных впечатлений, в ее воспоминаниях зафиксирована и точка зрения ее матери Невяны Желязовой. Из них становится ясно, что сразу после приезда в Софию Федоров поселился в доме полковника Димитра Желязова, скончавшегося в 1928 г. После его смерти Федоров остался жить в семье Желязовых. Вероятнее всего, экземпляр воспоминаний Л. Шульц («Мои воспоминания о А.М. Федорове»), объемом не менее 15 машинописных страниц, был передан вместе с архивом в Одесский литературный музей [Лушик 1999, 253]. Однако эти воспоминания до сих пор не опубликованы. Некоторые исследователи (Н. Гичева, О. Решетникова) имели возможность общаться с Л. Шульц и использовали ее воспоминания в своих работах, но не цитировали их в библиографической ссылке [Гичева 2001; Решетникова 2022].

остаться в Болгарии. Он приводит несколько аргументов. Во-первых, духовная среда в Болгарии «своя», она близка русскому устроению [Там же, 265]. Во-вторых, он понимает, что нельзя отказаться от своего призвания. Выполняя обязанности учителя, Мерцалов продолжает свою миссию, он работает ради утверждения русской литературы и культуры [Там же, 265–266]. Наконец, присутствует и трезвая прагматическая оценка всех плюсов и минусов жизни в Париже и в Софии, оценка, основанная на информации о множестве пережитых разочарований:

«Он достал несколько помятых конвертов [...], на которых ясно виднелись парижские почтовые штемпели. — Мне кажется, что в этих строках больше правды [...] Они меня учат только одному: человек может позволять себе капризы только на родине [...] Во всех других местах он должен быть реалистом и с умом выверять каждый свой шаг. Падение дома может стать началом подъема, а на чужбине — началом нового падения» [Там же, 266].

Сомневаться в этой информации трудно. Тем более в том случае, когда прототип был первым читателем произведения: Федоров вряд ли бы согласился, несмотря на очевидную литературность изображаемого, на какое-либо «отклонение» от реально произошедшего с ним самим, включая такую важную деталь, как причина отказа от переезда в Париж. А психологическая убежденность и непоколебимость отстаиваемой позиции придают Мерцалову героический ореол и раскрывают его как личность с сильным характером. Возможна, однако, и другая интерпретация. В то время, в середине 1920-х годов, оба писателя общались очень интенсивно. Только на фоне всех событий Чилингилов выбирает для художественного изображения лишь одно из них. А это, со своей стороны, дополнительно привносит идеологические смыслы (трагическая предопределенность принятого решения) в дискурс реальной биографии. Вот почему в рассмотренном эпизоде изложенные аргументы, включающие нетрадиционную, на первый взгляд, для русского человека прагматическую оценку поступка, становятся внутренним, настоящим событием.

Воспоминания Ст. Чилингилова о А. М. Федорове⁵ являются единственным болгарским достоверным свидетельством о пребывании русского поэта в нашей стране.

Понимание трагической судьбы художника и вытекающая из этого убежденность в необходимости сохранения памяти о нем становятся главной целью их создания. Равнодушие победившего нового политического режима к этому «иному» искусству, отличному от соцреализма, мемуарист противопоставляет своей сознательный художественный опыт поклонника творчества Федорова, свое понимание его эстетической значимости и свое желание сохранить в тексте жизнь, отданную слову. Такой была настоящая цель этих воспоминаний, написанных в обстоятельствах, когда говорить с уважением и сочувствием о судьбе «белогвардейца» вовсе не означало проявить мудрость и благоразумие.

Первая встреча Федорова и Чилингилова и траурная речь, произнесенная Чилингиловым на похоронах Федорова становятся событийными границами

⁵ Воспоминания Ст. Чилингилова были опубликованы болгарским исследователем русской эмиграции Э. Димитровым. По его мнению, они, вероятно, не предназначались для публикации, о чем свидетельствуют «пробелы в тексте и его общая литературная необработанность» [Димитров, Чилингилов 2010, 161]. Частично воспоминания Чилингилова были повторно опубликованы в 2020 г. в журнале «Библиотека», при этом автор Р. Пенчева не указала наличие первой публикации. Ее утверждение о том, что текст Чилингилова совершенно неизвестен публике, звучит, мягко говоря, странно на фоне существующих болгарских и русских исследований эмигрантской жизни А. М. Федорова [Пенчева 2020].

повествования воспоминаний. Это повествование отклоняется от хронологии, хотя соблюдается некая общая темпоральная последовательность. Местами мысль теряется, в других случаях она располагает события во времени без должной уверенности. С точки зрения фактологии и содержания, трудно воспринять этот текст в качестве биографии их дружбы.

Чилингиров строит свои воспоминания с опорой на определенные «мотивы». Каждый «мотив» обособляется и исчерпывается отдельным абзацем: «первая встреча с Федоровым»; «бегство из Одессы»; «размещение в Софии»; «встречи с болгарской интеллигенцией»; «пребывание в Болгарии»; «Антология болгарской поэзии»; «Федоров и болгарские писатели»; «социализация — Федоров и русская литература»; «Федоров — художник»; «Федоров и судьба его сына»; «последние годы»; «общая оценка творческого наследия»; «смерть и похороны»⁶.

Ограниченный объем статьи не позволяет представить в деталях все мотивы. В центре моего внимания будут те, осмысление которых вызывает разногласия среди интерпретаторов. В некоторых случаях будет поставлен акцент на новых фактах, которые обогащают существующую информацию о жизни поэта.

Бегство из Одессы. Чилингиров передает точку зрения самого Александра Митрофановича⁷. В его версии все происходило молниеносно: известный адвокат предупреждает его, что на него тайно готовится покушение, которое должно походить на случайное убийство; поддавшись естественному чувству самосохранения, охваченный паникой, он немедленно покидает город [Чилингиров 2010, 164]⁸. Необходимо подчеркнуть, что политические причины, толкнувшие к такому роковому выбору, здесь не обсуждаются открыто, а скорее внушаются подспудно с помощью контекста; они достаточно понятны⁹. В версии Федорова производит впечатление чрезмерная литературность рассказа, атмосфера загадочности и таинственности, окружающая беженца. А в надежности информации трудно удостовериться: некоторое время спустя тот самый адвокат был расстрелян большевиками. И еще один вызов нашему пониманию: он, Федоров, будто бы мгновенно бросился спасаться от большевиков, однако вдруг оказывается, что у него хватило времени разобраться в ситуации, раз он догадался взять с собой «почти все свои самостоятельно изданные произведения» (с. 193). Трудно соединить в логическую последовательность сиюминутное решение, панику и сообразительность?!

Приезд в Софию. По прибытии в столицу Болгарии Федоров и Нилус были более чем радушно встречены местными славянофильскими кругами. Мемуарист настаивает на том, что авторитет приехавших был так велик, что болгарская среда удостоила их особым вниманием (с. 164).

⁶ Беглое знакомство — в сравнительном плане — с болгарскими исследованиями о Федорове, дает основание с уверенностью констатировать факт, что образ русского писателя, который они пытаются создать, можно редуцировать до «аннотации» Чилингирова. Они настолько зависимы от «Воспоминаний», что даже заимствуют и подход их автора, «раскрывая» нам Федорова с помощью актуализации тех же мотивов!

⁷ Чилингиров хорошо знал эту историю, так как в 1926 г. Федоров опубликовал свои воспоминания о приезде в Болгарию, а Чилингиров переводил их на болгарский язык [Федоров 1926].

⁸ Далее ссылки на текст даются именно по этому изданию, соответствующие страницы указаны в круглых скобках.

⁹ На актуальности политических мотивов в выборе А.М. Федорова настаивает только О. Решетникова. Она автор трех статей о нем, но только в последней упоминает о значении этого обстоятельства для его бегства из Одессы. При этом ее утверждение не основывается на доказательствах, а источник информации не указывается [Решетникова 2022].

Пребывание в Болгарии. Чилингилов прокомментировал этот факт отдельно. Его толкование основывается исключительно на прагматических соображениях и учитывает необходимость социального выживания, что являлось величайшим испытанием для творческого духа в те времена. Федоров очень трезво рассуждает и выбирает безопасную жизнь, так как в Софии он почти сразу смог устроиться на работу (с. 178). В архиве Чилингилова сохранились отрывки из воспоминаний самого Федорова об их знакомстве. Русский писатель отмечает, что благодаря протекции Чилингилова еще в апреле 1920 г. он стал преподавать русский язык и литературу в Третьей мужской гимназии в Софии. А протекция была необходима хотя бы потому, что А.М. Федоров не завершил свое гимназическое образование (с. 198).

Словом, если принять железную логику болгарских чиновников из соответствующих ведомств, то большая часть оказавшихся в Болгарии представителей русской интеллигенции не соответствует «необходимым образовательным или практическим требованиям» (с. 178). Именно в таком аспекте Федоров трезво посмотрел на обстоятельства, понимая, что возможность существовать и выжить только за счет гонораров за литературный труд осталась безвозвратно в прошлом. Иначе говоря, он тайно подтверждает позицию, изложенную тридцать лет тому назад в романе «Мундир без погон» словами героя Мерцалова¹⁰.

Работа. Обособление этого «мотива» можно признать одной из творческих удач «Воспоминаний». Ежедневное преподавание русской литературы становилось для поэта единственной спасительной возможностью продолжать неизменно пребывать в *своей русской* литературе. Эта жизнь в литературе ради хлеба насущного и есть метафизика его духовного выживания в чужой среде.

«Антология болгарской поэзии». Воспоминания об этом издании содержат неожиданные факты. В 1924 г. в предисловии к ней Чилингилов восторженно оценил ее значение для истории болгаро-русских литературных отношений. Тогда его мнение выражало и официальную позицию — позицию самой болгарской литературы, к которой он, как творец и интеллигент, сознательно принадлежал. Фасад парадного дискурса не скрывает нелицеприятные истины, относящиеся к «кухне» во время работы над антологией — это и безобразные склоки между поэтами в связи с тем, кого кому предпочтет составитель, и недостойные финансовые ограничения со стороны чиновников Министерства просвещения, покусившихся на гонорар составителя. Но самое главное, на что обращает внимание мемуарист, — это боль и огорчение поэта-переводчика, вынужденного терпеть оскорбительные балканские интриги (с. 179).

«Антология» дает повод вспомнить и о связях Федорова с современными ему болгарскими писателями. Несмотря на то что писатель-эмигрант ставит их произведения высоко, в отношениях с авторами он сохраняет подчеркнутую дистанцию. Можно даже утверждать, что Федоров изолирует себя по эстетическим или политическим причинам. Он искренне ценит только троих: Ивана Вазова — как главного столпа национальной литературы, Кирилла

¹⁰ Существуют еще две версии, почему Федоров решил остаться в Болгарии. Эти причины можно найти в воспоминаниях Л. Шульц. Она настаивает на том, что главную роль в принятии решения сыграл Иван Вазов. На одной из их встреч болгарский народный поэт посоветовал Федорову отложить отъезд во Францию и учесть близость двух славянских языков, а также традиционный интерес к русской литературе в Болгарии [Гичева 2001, 239]. Вторая версия выдвигает на первый план интимные чувства Федорова к Н. Желязовой. И если Н. Гичева достаточно скупко говорит об их «духовной близости» [Там же, 239], то О. Решетникова категорически утверждает, что именно любовь является главной причиной того, что писатель остался в Софии [Решетникова 2022].

Христова — за исключительный талант и Цанко Церковского — за безыскусственность его поэзии.

На одном полюсе общения — встреча с Вазовым, проникнутая неожиданной холодностью и подчеркнутой дистанцированностью народного поэта от иностранца¹¹. На другом — разговоры с К. Христовым «за столом», которые перерастали, как правило, в жаркие ссоры. И все же, мемуарист отдает себе отчет в том, что хоть это и пахло скандалом, полемика в трактире была несравнимо живее, чем продемонстрированное Вазовым высокомерие. После встречи с Вазовым Федоров почувствовал себя обиженным (с. 185). А в дни, когда отмечался последний юбилей Вазова, — и весьма огорченным. В день праздника Федоров вместе со своим классом «принял участие в торжественной манифестации и отдал дань уважения юбиляру, приветствовавшему с балкона своего дома толпу» (с. 185). Вероятно, он надеялся на то, что Вазов пригласит его подняться «наверх» к гостям юбилейного комитета. Этого не произошло, и в несостоявшемся приглашении, по Чилингинову, скрывается причина «личной неудовлетворенности» Федорова тем, что его «не сочли единственным крупным русским писателем у нас» (с. 185).

С точки зрения пережитого разочарования, показателен финал этого «мотива». На юбилее Ц. Церковского, отмечаемом в его родной деревне Бяла Черква, Федорова чествовали официально: во время церемонии его пригласили занять «одно из самых почетных мест» среди официальных гостей (с. 186).

Это смещение перспектив — Бяла Черква не может равняться столице точно так же, как Цанко Церковский не равен Вазову, намекает на актуальность предположения об оскорбленном творческом самолюбии.

Живопись. В существующих исследованиях отмечается, что важной частью софийской жизни Федорова становится регулярное участие в выставках местных русских художников-эмигрантов. Чилингинов, со своей стороны, снова удивляет, предлагая нам неожиданное объяснение этому устойчивому публичному образу писателя — одержимого, полностью отданного своему увлечению живописью. В глазах мемуариста, однако, за этим кроется непонятная «склонность» (с. 187) к тому, чтобы другие воспринимали его преимущественно как художника. Чилингинов исключительно конкретен, когда характеризует этот факт как «непонимание самого себя» и «самовозвеличение» (с. 187). Он недвусмысленно утверждает, что живопись не что иное, как прихоть поэта. Федоров спокойно относится к негативной критике своей поэзии, но болезненно реагирует на любой намек на незавершенность своих картин. Чилингинов проницательно объясняет такую реакцию как выражение слабости: «Это закон психики — ставить выше и защищать то, чем не вполне владеешь. И то, что другие не видят в нас, мы спешим посчитать своим достоинством и навязать его им» (с. 187). Иными словами, будучи уверенным в своем настоящем призвании и внутренней интуиции, поэт Федоров настаивает на том, что он прав. Поэтому он и игнорирует критику. А самовлюбленный дилетант относится к другим своим артистическим начинаниям с болезненной ревностью именно потому, что лишен критериев художественно-эстетической нормы.

¹¹ Чилингинов познакомил их друг с другом в своем кабинете в Национальной библиотеке; он, вероятно, с точностью записал разговор. Однако из «Воспоминаний» не становится ясно, встречались ли поэты снова. Он не сообщает, говорилось ли во время встречи Вазова и Федорова о возможном отъезде русского поэта в Париж. В целом подчеркнутая формальность в поведении Вазова как бы подсказывает, что другого разговора между ними не состоялось.

Семья. Такой «мотив», как самостоятельный и обособленный, отсутствует. На самом деле Чилингилов уделяет особое внимание только судьбе сына Федорова — Виктора. Федоров говорит о нем эмоционально и трогательно, упоминая новости, узнанные из писем, или подробности состоявшихся встреч, когда он приезжал к сыну в Румынию. Эта отцовская забота о сыне раскрывает глубокие и теплые человеческие чувства. Но в глаза бросается совсем другое. Рассказ Чилингилова связывает представление Федорова о семье и родных, о своих родственниках, только с судьбой Вити. Об оставшейся в Одессе жене проскальзывают отрывочные реплики (она «там», отмечается также и ее смерть). Так же отчужденно автор вспоминает и новое близкое окружение, семью Желязовых. В воспоминаниях просто фиксируется ее существование. Это «семья, в доме которой он (Федоров. — Х.М.) смог найти приют» (с. 189); это «семья, в которой он живет» (с. 189); «Каждое лето Федоров проводил в деревне Калище у семьи Желязовых» (с. 195).

Творчество. Эта тема разворачивается в двух «мотивах», соотнесенных между собой как «форма» и «содержание». Первый из них относительно подробно описывает то, что Федоров создал в Софии. Параллельно этому и благодаря тому факту, что Чилингилов пристально следил за его развитием, второй мотив характеризует процесс творчества.

Мемуарист, вероятно, единственный в нашей стране, у кого сложилось ясное эстетическое представление о целостном творчестве русского писателя в его различных жанровых и стилевых проявлениях. Чилингилов хорошо знал дореволюционные произведения Федорова, представленные в фондах Национальной библиотеки, а также по книгам, которые русский автор привез. А что касается того, что Федоров написал в Болгарии, как правило, почти всегда он был первым читателем (с. 192). Именно эта вовлеченность в творческий процесс Федорова позволяет нам относиться с доверием к непосредственному художественному переживанию Чилингилова, который, исходя из своего знания этого автора, способен предложить определенную оценку. Он представил Федорова в ипостасях прозаика, поэта, мемуариста; они подолгу обсуждали каждое новое стихотворение, вышедшее в печати. Вот почему он настаивает на том, что главным творческим делом, занимавшим мысль Федорова во все его болгарские годы, стал роман, который писался все время «после приезда в Болгарию и до его смерти» (с. 192). Иными словами, в течение почти тридцати лет писатель-эмигрант постоянно работал над текстом, желая создать «эпопею современности», раскрывая «пережитое от Октябрьской революции до наших дней» (с. 192) и предлагая «достоверный документ времени» (с. 193), изменившем коренным образом судьбу России.

Литературная жизнь Федорова в эмиграции хранит тайну о неосуществленной книге. Неудача двух подготовленных рукописей — «Антологии болгарской народной поэзии», затерявшейся в кабинетах Министерства просвещения, и книги воспоминаний о русских писателях, застрявшей в архивах «Союза советских писателей» в Москве, усугубляется мистическим ощущением предопределенности судьбы. Чилингилов очень осторожно пишет о несостоявшейся книге, стараясь избежать каких-либо крайних оценок. Может быть, именно потому, что он хорошо знает ситуацию «изнутри». И, как собрат по перу, он осознает всю сложность этого момента творческого процесса. Он недвусмысленно высказывается, что в таком положении дел виноват и сам Федоров. Тезис Чилингилова заключается в следующем: «Федоров был из тех писателей, которые не умеют работать во имя собственной литературной славы» (с. 193).

Можно согласиться, что эта корректная оценка стала результатом многих непосредственных и обдуманых наблюдений. Даже и впоследствии, записывая свои воспоминания, он не понимал, чего именно ожидал его друг. В ситуации благоприятной конъюнктуры, когда определенные интеллектуальные круги у нас выказывали явное расположение к его искусству, Федоров не подготовил даже книгу своих произведений, переведенных на болгарский язык за все годы жизни здесь (с. 194). Мемуарист ясно дает себе отчет, что писатель пребывал в сложном психологическом состоянии. Однако он искренно признается, что за все эти годы он так и не нашел разумного объяснения, почему книга осталась неизданной — эта тема всегда встречала странное равнодушие со стороны Федорова. На самом деле он никогда не прекращал писать, ценностное отношение к своему творчеству у него не изменилось. Поэтическая плодотворность и в то же время безразличие к публикациям, уверенность и, с другой стороны, внутренняя нерешительность сосуществовали в его творческой жизни. Федоров все же никогда не сомневался в своем призвании поэта. Позволяя себе высказать гипотезу, опираясь на существующие библиографии, что эта «ситуация», скорее всего, относится к периоду 1940-х годов, когда имя русского писателя почти исчезло со страниц болгарской и русской эмигрантской периодики. Чилингиров не может смириться с тем, что Федоров добровольно обрек себя на молчание, которое контрастирует с его былой сверхактивной публикационной деятельностью.

Пафос «Воспоминаний» Чилингирова направлен против забвения. Мемуарист настаивает на том, чтобы мы помнили, что в годы изгнания Литература, хотя постоянно меняла формы своего бытия, но всегда присутствовала в жизни Федорова. Литература трансформировалась в перевод, лекцию и беседу, Литература становилась воспоминанием о прошлом, более того — рефлексией этого прошлого, воспроизведенной в исповеди в застольной беседе. А в последние годы Литература стала темой ежедневных разговоров между писателями (с. 192). А дальше? Дальше разговор вырастает в сущностный момент творения Литературы. Разговор — это спасение, дающее надежду, чтобы идти вперед, несмотря на то что приходится погружаться в одиночество бытия; разговор дает надежду на то, что можно продолжать в смирении наполнять жизнь смыслом именно благодаря художественному. И так до следующей встречи с этим единственным спасающим тебя читателем-слушателем.

Скрытый мотив. Предложенная сеть «мотивов», несмотря на их множественность, осталась бы поверхностным наблюдением, если бы не смогла уловить главное переживание, т.е. выявить ту центральную типологию, которая охватывает полностью изнутри жизнь человека, героя текста. В конце концов это цель любых мемуаров. Важно не только заявить «я знал X», но и реконструировать его психологическую личность, показать незримое, прикрытое маской видимого пребывания в настоящем. И тем самым обозначить проблемы в его бытии и смысле его жизни.

Чилингиров полагает, что у Федорова таким скрытым мотивом, основополагающим для его экзистенциального состояния, является «боль», понимаемая как психологическое состояние, в котором индивид постоянно пребывает. «Боль» приобретает разные эмоциональные оттенки в зависимости от конкретного случая и социального момента.

У Федорова, после того как он оказался в новой среде, она проявляет себя в понимании, что жизнь принуждает его стать социально другим, перестать быть самым собой, так как надо выжить. Там он был творцом. Писать для

него — как ни парадоксально — не было трудом, потому что это было само существование. *Здесь* он вдруг осознает, что пребывает в пустоте, потому что должен существовать в скудных условиях, в постоянных лишениях. Вот его мысли, которыми он делился с Чилингиновым: «О, это ужасно, когда человек остается без работы и без родины!» (с. 189). По поводу Родины, кажется, все понятно. Но фраза о «работе» заслуживает особого внимания.

Очевидно, это наблюдение стремится к универсальности, чтобы подвести под общий знаменатель судьбы всех русских изгнанников. В то же время видно, что желание обобщить сталкивается с чувством личной экзистенциальной боли. Здесь писать больше *не является* трудом. Это уже убеждение, конкретный социальный опыт, связанный с той страшной истиной, что для того, чтобы выжить здесь, он *должен заняться чем-то другим*. Это «другое» пугает своей неизвестностью и одновременно ужасает, поскольку разрушает прежнюю идентичность. Творец оказывается лицом к лицу с пустотой какого-то чужого бытия. Чтобы писать, уже требуются другие усилия, преодоление бытия, и это единственная возможность для духовного выживания.

Однако к такой коренной перемене дух адаптироваться не успевает. В чем и проявляется суть переживаемой экзистенциальной боли — она рождается из понимания наступившего социального обезличивания, а также из потребности смириться с навязанной ему извне другой (новой) жизнью.

В ходе изложения мы увидели, что боль принимает конкретные и непосредственные облики. Это и огорчение от отношения к нему Ивана Вазова и некоторых болгарских писателей, это и беспокойство отца за судьбу сына, и интеллектуальная драма художника из-за несостоявшейся книги. Впрочем, вряд ли можно считать случайным то, что в основном до конца жизни боль ассоциируется с этими двумя утратами: с несостоявшейся книгой и пропавшим сыном. Размышляя о самых личных душевных переживаниях, которыми делился с ним Федоров, Чилингинов создает образ творца, болезненно переживающего духовные травмы.

Перейду к выводам о «Воспоминаниях» и остановлюсь на значимой детали: в тексте отсутствует описание внешности Федорова. Можно задаться вопросом: какой же образ своего «объекта» они создают — он присутствует без лица, без физического тела? Лицо, портрет остались где-то в сознании мемуариста, но для читателей они недоступны. Нет взгляда, тембра голоса, жестов, одежды, т.е. нет чувства конкретного присутствия героя мемуаров. И если мы не видели Федорова на фотографиях, то *этот рассказ* не поможет нам физически ощутить его и дотронуться до него. Мы можем остановиться на модальности дискурса и предложить язвительное обобщение: из этого рассказа мы узнаем о Федорове, но Федоров ли *это*?

Мемуарист рассматривает встречу с русским писателем-эмигрантом сквозь призму «дружбы». Какой бы искренней она ни была, это все-таки лишь один из фактов жизни иностранца в эмиграции. Дружбой нельзя заполнить все его бытие в Болгарии.

В последний год своей жизни Федоров резко ограничил круг общения. Он предпринимал ежедневные прогулки в тогдашнем Парке свободы в Софии то с Чилингиновым, то со «своим другом Жовнером, бывшим судьей в царской России», с которым «обычно [...] часами сидели на скамейке в центральной аллее» (с. 196). О чем двое русских говорили часами и почему его, болгарина-иностранца, не приглашали принять участие в их беседах? Иными словами, «встреча» явлена, ее видит посторонний, и это все. Она не углубляет знания

о жизни Федорова. Мне хотелось бы подчеркнуть, что, когда мы оцениваем «Воспоминания», мы должны отдавать себе отчет в актуальности этого внутреннего расхождения между «своим» и «чужим».

На роман «Мундир без погон» русский писатель написал подробную рецензию. В ней, помимо общей положительной оценки, он адресует болгарскому автору любопытную критику. Оказывается, Чилингиров, несмотря на общий верный художественный взгляд и творческую интуицию, необходимые для изображения общественных процессов на начальном этапе прибытия эмигрантов в Болгарию, недостаточно глубоко знает жизнь русских. Пример этой неосведомленности Федоров находит в том, что неверно показано то значение, которое Церковь и Бог имеют для русской жизни: «Многочисленные сцены, в которых русские и болгары участвуют вместе, происходят в ресторанах, и ни на одной странице не упоминается Русская церковь, играющая столь значительную роль в суровой жизни русской эмиграции и являющая собой не только собрание верующих, но и нечто вроде живого и светлого острова, частицы живого тела России» (цит. по [Димитров 2010, 154]). Это означает, что Чилингиров как писатель верно уловил многие точные детали, за которыми он наблюдал, но не почувствовал, что в глубине своей бытовой жизни русские испытывают переживания, вызванные эмоциями и проблемами, о существовании которых творческое сознание и не подозревает.

Это критическое замечание Федорова помогает посмотреть на «Воспоминания» и с другой точки зрения. Автор мемуаров рассказывает в них об иностранце, которого он знает только в его повседневной жизни в Болгарии. Этот взгляд свидетельствует о жизни, всегда наблюдаемой «извне», но не «изнутри» встречи. Потому что за этим «извне» скрывается нечто другое, и эти поступки, эмоции и философия остались для мемуариста неизвестными. Не имеет значения, идет ли речь о «менталитете», «собственном образе жизни» или о «религиозном самосознании». Важнее понять, что Чилингиров предлагает нам относительно объемный образ *только* «болгарского Федорова», т.е. мы видим лишь его социализацию в болгарском интеллектуальном пространстве. Но этого ни в коем случае не достаточно, чтобы утверждать, что воспоминания помогли нам познать всю полноту жизни Федорова в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гичева Н. Поетът Александър Фьодоров // Бялата емиграция в България. София: ИК ГУТЕНБЕРГ, 2001. С. 237–243.
- Димитров Ем. Стилиян Чилингиров и Александър Митрофанович Фьодоров // «Погасло дневное светило». Руска литературна емиграция в България (20-те – 40-те години на XX век). София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2010. С. 146–160.
- Димитров Ем. [Встъпление] // Чилингиров Ст. 2010. С. 161.
- Луиц С.З. Реальный комментарий к повести // В. Катаев. Уже написан Вертер. Одесса: Оптимум, 1999. [Серия Общества «Одесский мемориал», вып. 8]. 232 с.
- Пенчева Р. Неизвестен спомен на Стилиян Чилингиров за големия руски писател А.М. Фьодоров // Библиотека. София, 2020. № 5. С. 78–127.
- Решетникова О. «В своей земле и крот сильнее льва». (О судьбе русского писателя-эмигранта Александра Федорова) // Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. <https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_chuzho_zemle_i_krot_silnee_lva_2008-05-23.htm> (дата обращения: 17.03.2022).
- Федоров А.М. Как прекарахме новата година // Мир. 1926. Г. XXXII. Бр. 7959.
- Чилингиров Ст. Шинел без погони. Роман. София: Книгоиздателство Ив.Г. Игнатиев & синове, [1928]. 286 с.

Чилингиров Ст. Александър Митрофанович Феодоров. [Спомени] / публикация, встъпление и коментар Ем. Димитров // «Погасло дневное светило». Руската литературна емиграция в България (20-те – 40-те години на XX век). София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2010. С. 161–200.

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2022

Рукопись принята к печати 22.01.2023

REFERENCES

- Chilingirov St. *Shinel bez pogoni. Roman*. Sofiya, Knigoizdatelstvo Iv. G. Ignatiev & sinove Publ. [1928], 286 p. (In Bulg.)
- Chilingirov St. Aleksandŭr Mitrofanovich Feodorov. [Spomeni], publikaciya, vstŭplenie i komentar Em. Dimitrov. «*Pogaslo dnevnoe svetilo*». *Ruskata literaturna emigraciya v Bŭlgariya (20-te – 40-te godini na XIX vek)*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov» Publ., 2010, pp. 161–200. (In Bulg.)
- Dimitrov Em. Stiliyan Chilingirov i Aleksandŭr Mitrofanovich F’odorov. «*Pogaslo dnevnoe svetilo*». *Ruskata literaturna emigraciya v Bŭlgariya (20-te – 40-te godini na XIX vek)*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov» Publ., 2010, pp. 146–160. (In Bulg.)
- Dimitrov Em. [Vstŭplenie] // Chilingirov St. 2010, p. 161. (In Bulg.)
- Feodorov A. M. Kak prekarahme novata godina. Mir, 1926, g. XXXII, br. 7959. (In Bulg.)
- Gicheva N. Poetŭt Aleksandŭr F’odorov. *Byalata emigraciya v Bŭlgariya*. Sofiya, IK GUTENBERG Publ., 2001, pp. 237–243. (In Bulg.)
- Lushchik S. Z. Real’nyj kommentarij k povesti. Kataev V. *Uzhe napisan Verter*. Odessa, Optimum Publ., 1999. [Seriya Obschestva «Odesskij memorial», vyp. 8]. (In Russ.)
- Pencheva R. Neizvesten spomen na Stiliyan Chilingirov za golemiya ruski pisatel A. M. F’odorov. *Biblioteka* (Sofiya), 2020, no. 5, pp. 78–127. (In Bulg.)
- Reshetnikova O. «V svoej zemle i krot sil’nee l’va». (O sud’be russkogo pisatelya-emigranta Aleksandra Fedorova). *Stoletie. Informacionno-analiticheskoe izdanie fonda istoricheskoy perspektivy*. <https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_chuzho_zemle_i_krot_silnee_lva_2008-05-23.htm> (accessed: 17.03.2022).

Received on 31.10.2022

Accepted on 22.01.2023

Информация об авторе:

Манолакев Христо Петров

доктор филологических наук, профессор
 Велико-Тырновский университет
 им. свв. Кирилла и Мефодия
 г. Велико Тырново, Болгария
 ORCID: 0000-0002-3425-2607
 E-mail: h_manolakev@abv.bg

Information about the author:

Hristo P. Manolakev

DSc. (Philology), Professor
 St. St. Cyril and Methodius University
 of Veliko Tarnovo
 Veliko Tarnovo, Bulgaria
 ORCID: 0000-0002-3425-2607
 E-mail: h_manolakev@abv.bg

Славяноведение, 2023, № 4, с. 91–108

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 91–108

DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2

Оригинальная статья / Original Article

Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша

© 2023 г. Д.К. Поляков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vbnz2005@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве:
Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Аннотация. В статье анализируются содержание и структура моделей пространства, построенных в текстах основных представителей дискурса о Центральной Европе 1980-х годов — М. Кундеры, Ч. Милоша и Д. Киша. Его идентификация производится на двух осях — географической (в отношении, прежде всего, к Западу и России) и временной (Центральная Европа как факт скорее прошлого, чем настоящего), а также через фигуру субъекта пространства (им признается интеллект, часто эмигрант и диссидент, носитель культуры и травматического опыта всей Центральной Европы) и атрибуты — это неопределенность, утрачиваемые мультикультурность и многоязычие, недоверие к истории, культуроцентризм. Несмотря на схожесть коммуникативной ситуации и используемых кодов, в концепции каждого писателя есть ряд ключевых отличий, связанных с их национальной и культурной принадлежностью.

Ключевые слова: Центральная Европа, дискурс о Центральной Европе, Ч. Милош, М. Кундера, Д. Киш, пограничье, модель пространства.

Ссылка для цитирования: Поляков Д.К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2

Central Europe as a Myth and a Model in the Texts of Czesław Miłosz, Milan Kundera and Danilo Kiš

© 2023. Dmitry K. Polyakov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vbnz2005@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the content and structure of space models built in the texts of the main representatives of the discourse on Central Europe in the 1980s — Milan Kundera, Czesław Miłosz and Danilo Kiš. It is modeled on two axes — geographical (primarily in relation to the West and Russia) and temporal (Central Europe as a fact of the past rather than the present). The subject of space is recognized as an intellectual, often an emigrant and a dissident, a bearer of culture and traumatic experience of Central Europe. Its main attributes are the indefinability of borders, the loss of multiculturalism and multilingualism, distrust of history, and cultural centrism. Despite the similarity of the communicative situation and the codes used, the concepts of each writer have a number of key differences related to their national and cultural affiliation.

Keywords: Central Europe, discourse about Central Europe, Cz. Miłosz, M. Kundera, D. Kiš, borderland, space model.

For citation: Dmitry K. Polyakov. Central Europe as a Myth and a Model in the Texts of Czesław Miłosz, Milan Kundera and Danilo Kiš // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 4. P. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2

Введение

Во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов в западном гуманитарном и, шире, общественном пространстве складывается так называемый «дискурс о Центральной Европе», создававшийся «интеллектуалами, которые в максимальной степени ориентировались на интеграцию в Европу, а также диссидентами Восточной Европы, стремившимися в политическом и культурном плане не смешивать восточноевропейский регион, с одной стороны, и Советский Союз вкпе с установленными им “социалистическими” режимами — с другой» [Дубин 2002, 55]. Находясь в оппозиции к этим режимам, они сформулировали для европейских наций и государств, включенных в сферу советского влияния, идею альтернативной общности. Эта общность имела «историко-географический» характер, а идея базировалась на близости исторических и культурных судеб малых народов, издревле входивших в *Pax Latina* — в состав Священной Римской, затем Австрийской и Австро-Венгерской империй, но после Второй мировой войны оказавшихся «на Востоке». Эта часть западной культуры, искусственно отделенная железным занавесом, и рассматривалась как «Центральная Европа».

Происхождение, национальные разновидности, развитие и угасание дискурса о Центральной Европе того времени анализируются в многочисленных исследованиях — исторических, социально-политических, культурологических¹; не меньшее внимание уделяется разным аспектам «центральноевропейской поэтики» — специфическим чертам художественных текстов, созданных писателями-центральноевропейцами [Bílek 2007; Brodacka 2019; Janiec-Nyitrai, Nyitrai 2017; Zelenka 2008]. Наша же цель — реконструировать «Центральную Европу» как знаковую систему, представленную в текстах трех писателей — ключевых участников дискуссий 1980-х годов — Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша, рассмотреть, как эти авторы м о д е л и р у ю т «свое» пространство и, соответственно, формулируют набор ценностей и создают канон этого ареала.

¹ Количество подобных исследований, начиная с 1980-х годов, так велико, что буквально не поддается подсчету. См. хотя бы недавние работы [Brodacka 2019; Brix, Busek 2018; Dhand 2018; Labov 2019; Stobiecki 2020; Moskalewicz, Przybylski 2018], в каждой из которых приведена обширная библиография по теме.

Все три писателя являлись основными творцами дискурса о Центральной Европе 1980-х годов². Он объединял многих оппозиционно настроенных интеллектуалов того времени, а центральноевропейские концепции обсуждались на конференциях и в печати (подробнее см. [Trávníček 2009, 274–283]); тексты всех троих писателей являлись «объектами коммуникации между культурами и континентами»³ [Grigorova 2020, 39], в них обнаруживаются не только внутренние связи, но и непосредственные взаимные цитаты. Кундера в своей ключевой работе «Трагедия Центральной Европы» цитирует сборник Милоша «Родная Европа» и упоминает «своего большого друга, прекрасного романиста» Киша [Кундера 1985, 175, 180]; в свою очередь, многие тексты тех лет, среди которых и программные «Вариации на центральноевропейские темы» Киша, возникнут как ответы на тезисы Кундеры. Признавая его роль в дискуссии, Киш отметит, что пробуждение культурного сознания, начавшееся «в Западной Европе, а затем постепенно и в странах Центральной Европы, находящихся под властью коммунизма, [...] является заслугой писателей-эмигрантов, таких как Милан Кундера, живущий сейчас в Париже» [Kiš 1989, 779]. С мыслями Кундеры о «силе и энергии» литератур Центральной Европы соглашался Ч. Милош [Miłosz 1986, 11] и т.д.

Безусловно, проиллюстрировать дискурс о Центральной Европе 1980-х годов можно и текстами других авторов, эмигрировавших или оставшихся на родине — так, например, делает Т.Г. Эш, рассматривая политическую эссеистику поляка А. Михника, венгра Д. Конрада и чеха В. Гавела⁴ [Ash 1989, 181]. Для нас же определяющим фактором является не только авторитет выбранных нами писателей в интеллектуальной среде и, следовательно, их важная роль в «мифологизации Центральной Европы» [Grigorova 2020, 39], подробнее — там же), но и то, что именно Милош, Кундера и Киш — представители разных частей одновременно центральноевропейского и славянского ареалов: от Литвы и Речи Посполитой (Милош) к Чехии (Кундера) до Балкан (Киш). Увязывать поэтику писателя лишь с его национальной принадлежностью едва ли возможно, однако именно мемуарная или полемическая эссеистика хорошо отражает известную максиму, повторенную в том числе С. Зонтаг (заметьте, именно в эссе о Данило Кише): «география — это судьба» [Зонтаг 1995]. Охотно к географическим мотивировкам прибегают и сами писатели: Ч. Милош прямо объясняет собственный интерес, например, к Достоевскому пространственной близостью России и русской культуры: он «в значительной степени является следствием географии» [Милош 2013, 10]; Кундера же, наоборот, полемически заявляет: «Моя тема — не Россия, и я не намерен разбираться в ее сложных хитросплетениях, которые, к тому же, мне не слишком хорошо известны» [Кундера 1985, 174], также связывая это с географической удаленностью чехов от русских, отсутствием непосредственных контактов между ними.

² Схожесть их точек зрения в рассматриваемом вопросе, например, бегло отметил Р. Стобецкий [Стобецкий 2019, 65], а М. Григорова посвятила им отдельное исследование [Grigorova 2020].

³ Прежде всего между Европой и Америкой: напомним, М. Кундера был в эмиграции в Париже, Д. Киш преподавал во Франции, Ч. Милош жил и работал в США; там же с 1981 г. выходил важнейший центральноевропейский журнал *Cross Currents* — также под редакцией эмигранта Л. Матейки. О «Трансатлантической Центральной Европе» в этом смысле говорит Д. Лабов в одноименной монографии [Labov 2019].

⁴ Возможны и другие «комбинации»: например, М. Тодорова в своей классической работе «Воображая Балканы» рассматривает тексты Ч. Милоша, М. Кундеры и венгерского историка Е. Сюча [Todorova 2009, 141].

Резонно предположить, что модели Центральной Европы, сконструированные в текстах, отражают не только индивидуальное начало и точку зрения каждого писателя, но и константы, характерные для соответствующих частей центральноевропейского пространства⁵. Это предположение ниже будет обосновано.

Концепции Центральной Европы в текстах и дискуссиях 1980-х годов с самого начала представляли ее в «идеализированном» виде. Именно их модельность и обусловленный ею «аисторизм», пренебрежение «неудобными» историческими фактами вызывали и продолжают вызывать критику, разоблачающую соответствующий «миф» — прежде всего в его радикальной интерпретации, принадлежащей М. Кундере (см. особенно [Миллер 2001; Нойманн 2004]). Нам же важна не истинность/ложность или верифицируемость представленных построений, но средства их создания, их структура и содержание. Добавим, что и сами акторы дискурса о Центральной Европе — иначе говоря, носители соответствующего кода — сознавали, что описывают не только (или не столько) реальный феномен, сколько имеющую ряд вариаций утопическую⁶ модель идеального пространства: уже, например, Киш прямо называл эту Центральную Европу «культурным и литературным мифом» [Kiš 1989, 779], а Милош видел в ней «акт веры, проект и даже, можно сказать, утопию» [Miłosz 1986, 10].

Корпус текстов и критерии их выбора

Мы рассматриваем тексты, в которых центральноевропейские идеи формулируются эксплицитно, а соответствующее пространство осмысливается «как понятие и как проблема» (воспользуемся заголовком антологии под редакцией И. Травничека [Trávníček 2009]), т.е. мы рассматриваем прежде всего эссеистику или публицистику 1980-х годов⁷. У Ч. Милоша это книга «Свидетельство поэзии» (*Świadectwo poezji. Sześć wykładów o dotkliwościach naszego wieku*, 1983), представляющая собой записи лекций, прочитанных студентам Гарвардского университета после получения поэтом Нобелевской премии в 1980 г. [Милош 2013], и статьи, публиковавшиеся в *Cross Currents* [Miłosz 1986] и в парижской «Культуре» [Miłosz 1986]. Среди многочисленных текстов Кундеры выделяется полемическое эссе «Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы» (*Un Occident kidnappé ou la tragédie de l'Europe centrale*, 1983) [Кундера 1985], вызвавшее небывалый резонанс и масштабную дискуссию, с которой и начался расцвет дискурса о Центральной Европе в 1980-е; интересны и его же более раннее «Предисловие к вариации» (*Introduction à une variation*, 1981) [Кундера 1985] и сборник «Искусство романа» (*L'art du roman*, 1986) [Кундера 2013b]. «Центральноевропейская» эссеистика Киша, скончавшегося в 1989 г. и, соответственно, не успевшего оценить изменения региона после краха социалистической системы, скромнее количественно, но не содержательно; важнейшим текстом здесь являются его «Вариации на центральноевропейские темы»

⁵ Ср.: «Карта Центральной Европы всегда вызывала споры и сомнения, ее границы Чеслав Милош отмечал наличием средневековой, ренессансной и барочной архитектуры, Милан Кундера — особым духовной культурой, Йозеф Кроутвор — запахом капусты и выветрившегося пива, Юрий Андрухович — запахом руин, Анджей Стасюк — деградировавшим ландшафтом свалки, а Роберт Маглович недавно — территорией распространения кнедликов, гуляша, штруделя и торта Пишингера. Эти различные имажинарные географии подтверждают не только то, что литературная картография есть всегда продукт воображения, но также и то, что она всегда создается с определенного места на карте и с определенной позиции» [Rybicka 2012, 21–22].

⁶ И в той же степени ностальгическую [Тлостанова 2004; Trávníček 2009].

⁷ А также тексты некоторых писем, интервью и публичных выступлений, например, [Милош, Венцлова 2001; Gorczyńska (Czarnecka) 1992; Kiš 1989; Miłosz 1995].

(*Varijacije na srednjoevropske teme*, 1986) и опубликованный после смерти автора отрывок из них же, не вошедший в окончательный вариант эссе [Kiš 2012].

Хотя ключевыми для дискурса о Центральной Европе стали 1980-е годы, возможно и необходимо обращаться также к текстам другого времени, например, к книге Милоша «Родная Европа» (*Rodzinna Europa*) [Милош 2011b], изданной в Париже в 1958 г. Совпадая с каноническими текстами дискурса 1980-х адресацией и прагматикой («центрально(–восточно)европеец-эмигрант рассказывает западноевропейцам о “своей Европе”, географически и ментально далекой от них»), она во многом предвосхитила их появление. Привлекаем мы и более поздние тексты, например, сборники Кундеры «Занавес» (*Le rideau*, 2005) [Кундера 2010] и «Встреча» (*Une rencontre*, 2009) [Кундера 2013a], лишенные политической ангажированности его прежних эссе, однако содержательно близкие к ним, или книгу Милоша «Поиск отчизны» (*Szukanie ojczyzny*, 1991) [Милош 2011a].

В поисках Центра: идентификация пространства

Хотя писатели и говорят о Центральной Европе как об «акте веры», утопическом пространстве, имеющем лишь воображаемые границы, которые к тому же «бессмысленно пытаться [...] очертить» [Кундера 1985, 178] из-за их изменчивости и зависимости от исторической ситуации, географическая локализация ареала в их текстах все равно присутствует. Упор на воображаемый характер предлагаемой модели все же сочетается с пространственными маркерами («восточная граница Запада» [Там же, 173, 175], «совокупность малых наций, территориально расположенных между двумя державами, Россией и Германией» [Кундера 2010, 70], после Первой мировой войны – «регион маленьких слабых государств» [Кундера 1985, 176]).

Границы этого пространства «неопределенны и зыбки» [Кундера 2013b, 173], очертить их «нелегко» [Miłosz 1986, 4], а само оно аморфно, не связано отношениями центра и периферии. Как гласит известное начало «Вариаций» Киша, «без ясных границ, без Центра или с несколькими центрами, “Центральная Европа” сегодня все больше похожа на того дракона с Альки из второй книги “Острова пингвинов” Анатоля Франса [...]: никто из тех, кто утверждал, что его видел, не мог сказать, как он выглядит» [Kiš 2012, 125].

Локализация Центральной Европы в пространстве проводится с помощью ряда устойчивых приемов. Это противопоставление Востоку, т.е. России («Восток – это другие» [Трёбст 2015]); сосредоточение внимания на судьбе наиболее страдающих и непокорных, т.е. наиболее активно сопротивлявшихся советскому доминированию во второй половине XX в. народов (чехи, венгры и поляки); внимание к схожим культурным традициям региона, от архитектурных до литературных; апелляция к чувствам его обитателей, их сознанию общности («чувств и мыслей ее жителей должно хватить, чтобы нарисовать ментальные границы, которые кажутся более прочными, чем границы государств» [Miłosz 1986, 4]).

Характерно, что наиболее четко суть Центральной Европы как части Запада, по воле Истории оказавшейся на Востоке, но максимально чуждой ему онтологически, формулирует именно чех М. Кундера, далекий от границы с «восточной», православно-византийской культурой. Согласно ему, народы центральноевропейского ареала «ощущают перемену, происшедшую в их судьбе после 1945 г., не только как политическую катастрофу, но и как нападение на их цивилизацию. Глубочайший смысл их сопротивления заключается в борьбе за сохранение своей сущности или, говоря иными словами, за сохранение

своей принадлежности к западному миру» [Кундера 1985, 176]. Таким образом, Центр для Кундеры — особая часть Запада, наделенная своей пассионарностью («архи-Европа» [Там же, 173]) и обладающая самостоятельной аксиологической значимостью — тем большей, чем более катастрофические события ей приходится переживать.

Следовательно, Центральная Европа идентифицируется в первую очередь через жесткое противопоставление Другому, которое имеет не только политический, но и цивилизационный характер. Писатель сознательно обостряет контрасты между Центральной Европой и Россией, видя в них извечную, онтологическую противоположность, проявляющуюся в национальном характере, ландшафте, культуре: в России «иначе смеются, живут и умирают» [Там же, 175]. Поэтому в его тексте нет места периферийным и смешанным частям пространства, пограничью и гибридным культурам, возникающим на таких участках, а также тем его несомненным частям, которые не попали под советский контроль (южнославянские земли бывшей Австро-Венгрии).

Симптоматично, что к теме Центральной Европы Кундера подходит именно после драматических событий 1968 г., когда, как он писал позже, «мы увидели, как нас поглощает другая цивилизация» [Кундера 2013а, 99]. Тема малого народа в центре Европы, ведущего борьбу за само свое существование, оказывается главной в статье того же года «Чешская участь» (*Český úděl* [Kundera 1968]; подробнее см. [Kubíček 2013, 96–104]). Кундера уже тогда формулирует идею особенной роли малых народов в мире. Именно они, отстаивая собственную идентичность, призваны противостоять унификации, навязываемой империями. Воплощением такого малого народа с собственной особой миссией и являются чехи. Писатель здесь продолжает «дискуссию о центре», которые чешские интеллектуалы вели еще в начале XIX в. Как подчеркивал В. Мацура, исследовавший чешскую культуру этого периода, центр является семиотически маркированным пространством, и его мифологизация была характерна для идеологов национального возрождения: эмблема «центра» в те времена подчеркивала положительные «чешские» качества и служила «аргументом в пользу их уникальности» [Macura 1997, 20].

В эссе 1983 г. Кундера задается вопросом, «что же значит Европа для венгра, чеха, поляка» [Кундера 1995, 171] и тем самым локализует в центре пространства именно эти народы, не раз выступавшие против диктата СССР (а значит, по Кундере, и России, т.е. Востока). Триада «Польша, Чехословакия и Венгрия» возникает и позже: именно волнения в этих странах годы спустя было охарактеризовано им как «золотая гирлянда возмущений, которые в течение сорока лет подтачивали восточную империю» [Кундера 2010, 74]. Кундера, таким образом, исповедует не исторический, но «историко-политический» подход к региону, напоминая, что «Центральная Европа — не государство, а культура, судьба» [Кундера 1985, 178].

Те же народы занимают и Ч. Милоша, рассуждающего об истории «чехов, венгров или поляков» [Miłosz 1986, 10] (это будет одна из констант политизированного дискурса 1980-х годов), хотя собственный «уголок Европы» для писателя локализуется восточнее, в исторической Литве, вокруг Вильно — города, который обусловил самоидентификацию поэта и тема которого постоянно появлялась в его текстах [Милош 2011а, 204–229; Милош 2011b, 57–69; Милош, Венцлова 2001]. Специфика «своего» пространства, явленного в эссеистике Милоша, заключается, наоборот, именно в пограничности: «Я родился на самой границе Рима и Византии» [Милош 2013, 8]. В сборнике 1958 г.

«Родная Европа» он регулярно характеризует себя как «восточноевропейца», причем едва ли это дань принятому тогда бинарному членению Европы. В текстах 1980-х годов, особенно англоязычных, «Восточная» Европа становится «Центрально-Восточной»⁸, однако Восток для Милоша — это по-прежнему не далекий Другой, как для Кундеры, это и собственная локализация, и особый «менталитет людей Пограничья» [Милош 2011а, 204].

В «Вариациях» Киша границы ареала расплывчаты и едва ли определимы. В то же время обращенность эссе в прошлое, многократные упоминания Австро-Венгрии, обсуждение многих культур и их представителей, в том числе и южных славян — хорватов и словенцев (Музиль, Кафка, Барток, Ади, Кундера, Кусьневич, Рожанц и др.), — все это позволяет предположить, что границы Центральной Европы совпадают для писателя с границами бывшей Империи. При этом иногда его взгляд устремляется и за рамки Австро-Венгрии: в одной из вариаций упоминается сербская культура, воспринимавшая западные влияния через Россию [Kiš 2012, 134]. Иначе и невозможно, поскольку и личная, и художественная идентичность Киша — сына венгерского еврея и черногорки, выросшего в столице многонациональной Югославии, априори базировалась на смешанности и пограничности.

Как видно, в текстах Милоша и Киша центральноевропейские идеи артикулируются иначе, чем у Кундеры. Причины тому, думается, уже географические: в отличие от Кундеры, польский и сербский писатели видят себя не в центре (семиотически маркированном), но на пограничье, что привносит в их тексты рефлексии собственного положения «чужого среди своих». Как замечал в письме Т. Венцлове Ч. Милош, «среди русских я чувствовал себя стопроцентным поляком — но там это невелика премудрость. Другое дело — столкнуться с этнически коренными поляками из “Царства Польского”» [Милош, Венцлова 2001].

Хотя оба автора отождествляют себя с центральноевропейцами, само сочетание «Центральная Европа» возникает только в их текстах 1980-х годов. При этом она явлена отнюдь не как очевидно существующее пространство, наоборот — амбивалентное и балансирующее между существованием и отсутствием: «видеть сегодня единство в этом обширном, разнородном пространстве с его многочисленными национальными культурами и языками в значительной степени значит прибегать к известному упрощению: оно не учитывает различия и подчеркивает сходства (это прямо противоположно тому, чему следуют националисты, которые не замечают сходства и подчеркивают различия)» [Kiš 2012, 126]. Амбивалентность проявляется даже в наименовании: так, у Киша «Центральная Европа» регулярно возникает в кавычках или сопровождается атрибутом «так называемая» [Там же, 125, 131, 132]⁹, Милош, выбирая между наличием и отсутствием, постулирует: «что-то типа Центральной Европы» [Miłosz 1986, 3] существует, но в своей же эссеистике использует иные маркеры: «наша часть Европы» [Милош 2011а, 163], «моя Европа» [Милош 2013, 7], «наша Европа» [Miłosz 1986, 3], «тот уголок Европы, где я вырос и сформировался», «мой уголок Европы» [Милош 2013, 7–8], «моя Центральная или Центрально-Восточная Европа» [Там же, 6]; «страны между Германией и Россией», «вторая Европа» [Там же, 6–7]. Непосредственно «Центральная Европа» возникает только как реакция на дискуссии 1980-х, вдохновленные нашумевшим

⁸ О соотношении этих понятий см. [Миллер 2001, 75–76; Cobel-Tokarska 2013, 181–182; Bílek 2007, 331–332].

⁹ В то же время такие графические и лексические показатели говорят и о восприятии авторами «Центральной Европы» как условной модели, объекта текущих дискуссий.

эссе Кундеры (например, в статье *Central European Attitudes* [Miłosz 1986] и ее польском переводе [Miłosz 1986]), скорее как удобный операционный термин, чем знак собственной идентификации. В разных текстах Милоша, таким образом, реализуются будто две Европы: Центральная («наша», от Дубровника и Праги до Вильно), и Центрально-Восточная, она же «родная», пограничная с Россией. Эту пограничность отмечает, цитируя Милоша, и Кундера, однако лишь в рамках оппозиции Центральной Европы и России: именно на этой «границе Запада» Россия больше, чем где бы то ни было, воспринималась как иная цивилизация [Кундера 1985, 175]. Противопоставления в текстах Милоша, однако, разнообразнее и тоньше: являясь той самой «границей Запада», Вильно и Кресы суть одновременно и Восток («мои корни – там, на востоке, это аксиома» [Милош 2011b, 12]), при этом чужой для России и неведомый на Западе, и целиком не понятый даже на остальной территории Польши. «Я хотел перенести на литературную карту всю нашу восточную неразбериху, не всегда знакомую даже большинству польских читателей», – писал поэт в предисловии к переизданию «Родной Европы» в 2001 г. [Там же, 6–7].

С проблемой существования / несуществования связан еще один тип локализации Центральной Европы – на оси времени. Все три писателя демонстрируют здесь единство, неизбежно обращаясь к прошлому. Центральная Европа как общность опыта, традиций и воспоминаний – если не ушедший, то уходящий исторический феномен. Алармистский текст Кундеры не совпадал с эссе Милоша и Киша стилистически и частично прагматически, однако тексты всех троих имеют схожую тему: центральноевропейская «культурная традиция уходит с исторической сцены» и «ее культурное наследие находится под угрозой полного исчезновения» [Kiš 1989, 779].

Ранее мы заметили, что ось времени намного важнее для Киша, чем ось пространства, а важнейшей для ареала метафорой является «перфект или плюсквамперфект» [Поляков 2021, 397–398]. То же самое можно сказать об эссе Кундеры и Милоша, связывающих центральноевропейское пространство с драматическими изменениями XX в., покушавшимися на самый ее дух: истреблением еврейства, насильными перемещениями народов, распадением уникального единства и т.д. Для Милоша важнейшее здесь – фактическая утрата «родной Европы» и вместе с ней – Речи Посполитой, которая «сохранялась в умах вплоть до Второй мировой войны» [Милош 2011a, 205]. Это стало кульминацией смены границ, сопровождавшей Польшу весь XIX и XX века и считавшейся поэтом одним из ее парадоксов [Miłosz 1995, 16].

Инакомыслящий интеллеktуал как субъект пространства

Не географический, но метафорический и «коллективно-культурный» характер пространства подчеркнул Ч. Милош, дав польскому переводу своей статьи *Central European Attitudes* название «О нашей Европе» [Miłosz 1986]. К кому относится это «наша»? К той группе интеллеktуалов, которая отождествила себя с этим пространством и сконструировала его модель; как писал поэт там же, «наверное, ясно, что в этом докладе я нарисовал и свой портрет» [Там же, 10]. Носитель соответствующего кода, участник дискурса о Центральной Европе и есть архетипический центральноевропейец; как заметил много позже словацкий писатель П. Виликовский, «можно всю жизнь прожить в Центральной Европе и не быть центральноевропейцем» [Vilikovský 2022]; центральноевропейство, которое есть «судьба» (Киш), связано с актом осознанной самоидентификации. По Кишу, например, центральноевропейец – это

интеллектуал-книжник, сосредоточивший в себе весь трагический опыт пространства; «Киш переворачивает устоявшееся общественное восприятие: не писатели-диссиденты отстаивают центральноевропейский дискурс, но наоборот: они потому и являются диссидентами, что несут в себе этот дискурс» [Поляков 2021, 405]; само инакомыслие заключается в их центральноевропействе, и наоборот: «Поскольку само осознание принадлежности к центральноевропейской культуре в конечном итоге является инакомыслием, писатель, которого называют центральноевропейским или который определяет себя таким образом, чаще всего живет в изгнании (Милош, Кундера, Шкворецкий) или оказывается маргинализирован и издается в самиздате (Конрад), а то и сидит в тюрьме (Гавел)» [Kiš 2012, 139].

Трагизм фигуры центральноевропейца, однако, не только в крамольности его образа мыслей, но и в том, что для Запада — ближайшего союзника и родственника — он оказывается Другим. Ключевым опытом для центральноевропейца оказывается эмиграция, влекущая его на Запад, который не понимает его: ошибочно локализует, отождествляет с давним стереотипом «загадочной славянской души» или навязывает собственный язык.

Осознание собственной инаковости роднит всех трех писателей. В их текстах регулярно встречаются примеры коммуникативных неудач, которые терпят центральноевропейцы и западноевропейцы, обреченные на взаимное не(до)понимание. Его причины — от разницы во взглядах на марксизм до споров в интерпретации культуры — не имеют значения: главное, что неудовлетворительный результат коммуникации приводит лишь к взаимному отчуждению. Воспроизводятся «типовые» случаи таких коммуникативных неудач: «Представим себе центральноевропейского интеллектуала, встретившего коллег из Западной Европы, Америки и Латинской Америки. Если он долго молчит или в разговоре щадит чувствительность своих собеседников, все идет хорошо. Но стоит ему *начать говорить свободно*, у него возникает впечатление, что они *смотрят на него как на образец иронии и цинизма*» [Miłosz 1986, 6]; упоминаемые Кундерой «французские друзья» слушали lamentации об уничтожении культуры «*снисходительно и явно испытывали при этом неловкость*» [Кундера 1995, 186]; центральноевропейский писатель в эссе Киша «*горько усмехается*, когда ему говорят: “Пишите на французском, ведь вы чудесно говорите по-французски!”», ведь они *не знают*, что чудесно говорить и чудесно писать — не одно и то же, *не знают*, что язык писателя — это его судьба, и что любая попытка внешнего вторжения, любое насилие над этой судьбой подобно каким-то тяжелым операциям или мутациям генов, из которых он не выходит целым, не выходит тем же самым» [Kiš 2012, 144] (курсив мой. — Д.П.).

Причины не(до)понятности центральноевропейца — в историческом пренебрежении и снисходительном отношении Запада к Центральной Европе, «которая — вопреки всему — не является Азией» [Там же, 132]; констатируя этот печальный факт, Киш цитирует писавшего о Венгрии М. Вайду, распространяя сказанное на другие части региона: Европа «“*всегда упрямо отказывалась принимать во внимание хотя бы само существование нашего языка, нашей культуры, нашей литературы*”. Это, конечно, в большей или меньшей степени относится ко всем народам и языкам того анклава, который называется Центральной Европой» [Там же, 127]¹⁰. Милош пришел с лекцией в американскую аудиторию

¹⁰ Как мы отмечали ранее, «с этим комплексом “вечного Другого” Киш связывает и радикальный отказ от центральноевропейской идеи, представленный, например, у М. Крлежи, который видел в ней “искусственный трюк” (128). Непринятие Центральной Европы, таким образом, означает

«со стороны белых пятен на карте» [Милош 2013, 19], а задолго до того пытался объяснить западноевропейцам, «в чем заключается феномен происхождения из другой, худшей части Европы» [Gorczyńska (Czarnecka) 1992, 124].

От описания коммуникативных неудач Киш и — в максимальной степени — Кундера переходят к развернутым инвективам, подозревая Запад не только в неумении понять, но и в пренебрежении, невидении: «Выйдя из долгой идеологической спячки, европейский Запад обнаружил, что часть его собственного культурного наследия отсутствует, а из-за утраты обеднел и он сам» [Kiš 2012, 132]. Это созвучно тезисам Кундеры и построению его «Трагедии Центральной Европы», обращенному к Западу и транслирующему алармистские идеи безвозвратной потери им собственной части. Ср. у Киша: «Внезапный интерес к так называемой Центральной Европе случился не столько из-за осознания, что некая культура полностью осталась в тени, сколько из-за открытия Западом того, что манихейский раскол между Востоком и Западом привел к исчезновению, словно в тумане, целой части Европы» [Там же, 131] и у Кундеры: «Исчезновение очага европейской культуры, безусловно, явилось одним из важнейших событий века для всей западной цивилизации. [...] Как могло случиться, что такое событие прошло незамеченным и осталось безымянным?» [Кундера 1985, 182].

Как видим, за «внезапным открытием» и «обнаружением» навсегда потерянной части Европы, фрагмента *собственной* культуры — не только «долгая идеологическая спячка», но и традиционное невнимание Запада к «варварским зонам (кроме, конечно, Вены)». Большие нации игнорировали их «с высоты своего самодовольства», в то время как там существовали «литература и культура, которые до того времени оставались незамеченными» [Kiš 2012, 132], ср. также [Поляков 2021, 402–403].

Атрибуты пространства: фрагменты центральноевропейского понятийника

Важнейшие компоненты «центральноевропейской семиосферы» выделялись и в эссеистике 1980-х годов, и в более поздних исследованиях. Показателен, например, словарь 50 ключевых понятий Центральной Европы, составленный И. Травничеком. Помимо персоналий, географических объектов, учреждений и блюд, наименования которых мы опустим, он включает в себя следующие понятия-концепты: амбивалентность, барокко, бидермейер, история, добродетельный монарх, эмиграция, пивная, граница, Ялта, кофейни, скелет в шкафу, маленький город, между Россией и Германией, Мюнхен/мюнхенство (*mnichovanství*), ностальгия, «они», сецессия/Югендстиль, центр, евреи [Trávníček 2009, 318–319]. М. Пантич, писавший о «Вариациях» Киша, также составил длинный список явлений, личностей и свойств, характеризующих Центральную Европу: «Кафка, Музиль, Крлежа, Карл Краус, Фрейд, Отто Вейнинггер, Костоланы... Психоанализ, сецессион, экспрессионизм, диссидентство, апатридство, билингвизм. Мультикультурность как единая культура. [...] Еврейство, травма идентичности...» [Pantić 2002, 9]. В текстах Кундеры, Киша и Милоша элементы «центральноевропейского словаря» возникают в разной форме и порой имеют разное содержание. Отметим основные атрибуты

лишь вынужденный побег от ассоциации с “провинцией, азиатской степью или венским сецессионом” (127), попытку самостоятельной легитимации в общей “виртуальной Европе” [Поляков 2021, 403]; в круглых скобках — номера страниц в тексте «Вариаций» [Kiš 2012].

моделируемого писателями пространства, проявляющиеся в рассмотренных нами текстах.

Неопределимость и нечеткость. Буквальная неопределимость Центральной Европы — один из инвариантных мотивов всех текстов о ней. В этом пространстве не только невозможно выделить единственный центр и очертить четкие границы, как было показано выше, но и затруднительно сформулировать единую идею. Поэтому до наших дней оно трактуется через негацию: проще сказать, чем оно не является, а не наоборот. И это пространство внутренних противоречий, что, например, для Киша — важнейшая черта во все времена существования Центральной Европы. Ялтинская конференция оставила о региональной общности лишь воспоминания, но уже и в XIX в. наднациональному противопоставляли себя локальные национализмы, а центристские тенденции уступали центробежным: «различия между национальными культурами этого региона важнее их сходств, антагонизмы важнее сближений и однородности» [Kiš 2012, 125–126].

Еще более непонятна Центральная Европа сегодня. Так, например, Вильно Милоша есть «то ли Польша, то ли не Польша, Литва, а может, и не Литва, то ли провинция, то ли столица, хотя прежде всего провинция», город «перемешанных, пересекающихся полос, как Триест и Черновцы» [Милош, Венцлова 2001], что невозможно представить тому, кто не является частью «мира общих воспоминаний» [Кундера 1985, 180].

Мультикультурность. Перемешанность и пересечения, совместное бытие многих народов на одном небольшом пространстве — знаковая черта Центральной Европы. Она обусловила идентичность авторов, она отрефлексирована в большинстве их текстов: вырасти в мультикультурном пространстве «означало не то же самое, что вырасти в местах этнически однородных; даже язык воспринимался иначе» [Милош, Венцлова 2001].

Кундера идеализирует это сосуществование народов, противопоставляя Центральную Европу России: характерный для одной «максимум многообразия при минимуме жизненного пространства» противоположен минимуму многообразия «при максимуме жизненного пространства» в другой [Кундера 1985, 173]. Идеальная модель сосуществования — средневековый Карлов университет, где взаимодействовали разные народы, при этом никто из них не утрачивал родной язык.

«Средоточием духа» и «интеллектуальным цементом» региона в текстах прежде всего Киша и Кундеры провозглашаются центральноевропейские евреи. По Кишу, еврейство — тот компонент Центральной Европы, трагическое исчезновение которого и сделало ее «перфектом», а Вену тотчас превратило в духовную провинцию и (по иронии судьбы) лишь «перевалочный пункт для еврейских беженцев из Советского Союза и стран-сателлитов, остановку на пути в Израиль или Америку» [Kiš 2012, 131]. Кундера, напротив, пишет о еврейской адаптивности: это один из малых народов, переживший империи и «выдержавший сокрушительную поступь истории», хотя после Аушвица, возможно, Центральная Европа и лишилась своей души [Кундера 1985, 180, 186]. Киш и здесь видит центральноевропейскую амбивалентность, причем в трагической форме: именно в Австро-Венгрии, где роль еврейства была так велика, зародился и развился антисемитизм. Основным носителем центральноевропейской травмы, тем самым, являются именно евреи, испытывавшие давление сначала антисемитизма, а потом и фашизма. Как писала позже С. Зонтаг, «Кишу достался для жизни отрезок времени, на котором с начала до конца соревновалось

наихудшее, что имел предложить его части Европы двадцатый век: нацистская оккупация, геноцид евреев, а затем советское нашествие» [Зонтаг 1995].

Опыт еврейско-польского соседства со всеми его сложностями и хитросплетениями — важная составляющая и «регионального дискурса» в эссеистике Ч. Милоша, выросшего в мультикультурном Вильно, которое европейские евреи называли «северным Иерусалимом и по праву видели в нем столицу своей культуры» [Милош 2011b, 88], полностью уничтоженную во время Второй мировой войны [Милош 2011a, 212; Милош, Венцлова 2001].

Недоверие к Истории. Центральная Европа позиционируется в дискурсе о ней как важнейшее пространство европейской трагедии XX в. — с двумя мировыми войнами, Холокостом и последующим разделением единого культурного целого на два враждующих лагеря, «Восток» и «Запад». Борьба малых наций «между Германией и Россией» за сохранение собственной цивилизации означает, следовательно, борьбу с самой Историей.

Наиболее емко эту концепцию формулирует Кундера, противопоставляя центральноевропейскому прошлому агрессивное настоящее: «Центральная Европа должна противостоять не только сильному агрессивному соседу, но и безжалостному дуновению времени, уносящему с собой эру культуры. Вот почему в центральноевропейских восстаниях есть нечто консервативное, почти анахроничное. Они отчаянно пытаются вернуть прошлое — прошлое культуры, прошлое современной эры. Ведь только в такую эпоху, только в мире, сохраняющем культурное измерение, Центральная Европа может защитить свою сущность, быть в глазах любимых тем, чем она действительно является» [Кундера 1985, 186–187].

Фокус внимания в текстах по-прежнему на разных территориях. У Милоша это концептуализация Вильно как «утраченного города» из-за исхода поляков с территорий Кресов [Милош 2011a, 205], а Центрально-Восточная Европа — место «необычайных и смертоносных событий, сравнимых, пожалуй, лишь с внезапными землетрясениями» [Милош 2013, 8]; любой происходящий отсюда неизбежно испытывает «исторические трудности» [Gorczyńska (Czarnecka) 1992, 124]. Милош акцентирует и выводимые из травматического опыта народов художественные параллели «между центральноевропейской и еврейской литературами, поскольку обе они питались “коллективной памятью и ощущением опасности”» [Miłosz 1986, 4; Stobiecki 2020, 291].

Культуроцентризм. Для всех трех авторов Центральная Европа синонимична культуре и коллективной памяти, противопоставленной Истории. Идентификация этого ментального пространства производится через отсылки к важнейшим культурным феноменам или олицетворяющим его персоналиям. Это закономерно, если вспомнить, что архетипическим центральноевропейцем признается именно интеллектуал-книжник; в «канон» пространства писатели сами заносят как друг друга (и других адептов дискурса о Центральной Европе 1980-х годов, например, венгра Д. Конрада или словенца Д. Янчара), так и классиков XX в. (Кафку, Гашека, Музиля, Броха, Виткевича) [Кундера 1985, 178–181; Miłosz 1986, 9; Kiš 2012, 126].

Отождествление пространства с культурой у Кундеры напрямую связано с его концепцией малых наций и стран, сформулированной еще в упомянутом выше «поставгустовском» тексте 1968 г. «Чешская участь». Поскольку само существование малого народа ежедневно оказывается под вопросом, он вынужден создавать культурные ценности, это для него жизненно важно, «и это, наверное, причина, почему творчество (культурное, а также и экономическое)

у малых народов (начиная, видимо, уже с древних греческих городов) настолько интенсивнее, чем в больших империях» [Kundera 1968, 1]. Посредством культуры малая нация ведет борьбу за свое существование, а в конечном счете оказывается и хранителем общеевропейской культуры. Эссе 1980-х годов продолжают эту линию: гибнущая Центральная Европа есть гибнущая — но еще существующая — культура всей Европы. На современном Западе она уже стала фактом прошлого, как литературные журналы уступили там место телевидению: «европейская идентичность становится образом, который удаляется в прошлое» [Кундера 2013b, 173].

Поэтому важно было сформулировать эстетический канон этого пространства культуры (что имело и утилитарные цели — познакомить западную публику с выдающимися центральноевропейцами, не все из которых были хорошо известны за пределами своего региона). Кундера последовательно, во многих эссе, пишет о центральноевропейских модернистах — писателях и композиторах (Барток, Яначек, Гашек, Кафка, Гомбрович), Киш перечисляет в «Вариациях» интеллектуалов, центральноевропейство которых обусловлено уже происхождением и биографией — например, Карла Поппера или Артура Кестлера (подробнее см. [Поляков 2021, 404]).

Объединение пространства достигается именно через культуру. Это то, что связывает образование «с неопределенными и зыбкими границами» в одно целое, превращает его в «некое культурное единство» [Кундера 2013b, 173]. Кундера противопоставлял центральноевропейский модус бытия (рациональность, но и барочный мистицизм, и гротеск) русскому (возведенному в абсолют чувству) [Kundera 1985], а модернизм, фактически уравнивая его с центральноевропейской поэтикой, — и идеологически заряженному авангарду, и «гиперчувствительному» сентиментализму [Поляков 2022, 289–295]. Киш, в отличие от Кундеры, решительно расширяет список важнейших культурных феноменов, он вычленяет важнейший фактор, объединяющий центральноевропейских авторов на уровне поэтики — *«имманентное присутствие культуры»* — в форме аллюзий, реминисценций и цитат из всеобщего европейского сада, осознание труда, которое, тем не менее, оставляет при нем спонтанность, равновесие канатоходца между ироничным пафосом и лирическими отступлениями. Это не многое. Это — всё» [Kiš 2012, 138–139].

Заключение

Рассматривая Центральную Европу как модель пространства, сконструированную в дискурсе 1980-х годов, мы реконструировали способы ее идентификации на географической и хронологической осях через специального субъекта — носителя ее основных свойств и с помощью ряда атрибутов. Ключевые черты Центральной Европы в интерпретации М. Кундеры, Ч. Милоша и Д. Киша схожие — это неопределимость и амбивалентность, уходящая мультикультурность, недоверие к Истории и культуроцентризм — попытка противостоять Истории с помощью культуры и памяти.

Неизменная для эссеистического жанра фиксация собственного территориального и культурного (в том числе и травматического) опыта, а порой и его абсолютизация, оказывают влияние на свойства моделируемой в текстах Центральной Европы, на понимание границ и центра пространства. Для Кундеры — в духе его «историко-политической» трактовки ареала — это Чехия/Чехословакия, Польша и Венгрия, для Милоша — Кресы и Вильно — город, ставший «формой духовной жизни» [Милош, Венцлова 2001]. Киш включает

в Центральную Европу и части Южной Славии, внимание к культурам и опыту которой также закономерно связано с его происхождением.

Субъект конструируемого писателями пространства — интеллектual, эмигрант, инакомыслящий. Это еще более лишает Центральную Европу как порождение дискурса привязки к географии, подчеркивает ее имажинарную, «мифическую» основу. Пространство может отождествляться с субъектом, исторические травмы всей территории репрезентируются травмами носителя центральноевропейской идеи: непонятость на Западе, «другой», вторичный и невидимый мир, «другая» Европа. Опыт непонятости сочетается у центральноевропейца с вызванной изгнанием утратой идентичности и вместе с тем распадом единой культуры ареала. Хронологическая идентификация в текстах в целом более однозначна, чем пространственная: Центральная Европа есть прошлое, а обязательные ее атрибуты — мультикультурность, многоязычие, сосуществование малых народов (в том числе евреев) полностью или частично утрачены, поскольку именно Центральная Европа стала центром исторической драмы XX в. — Холокоста, немецкой, а затем и советской оккупации.

Тексты Кундеры, Милоша и Киша 1980-х годов обладают чертами взаимной корреспонденции, при этом, несмотря на всю схожесть коммуникативной ситуации, имеют разный прагматический заряд. В отличие от полемически заряженных и политически максимально ангажированных эссе Кундеры, тексты Милоша и Киша, в те же 1980-е годы отвечавших чешскому коллеге (отсюда их скорее «реактивный» характер), представляют собой попытку исследовать и осмыслить феномен центральноевропейского, «другую», «вторую» Европу. Обращение писателей к Центральной Европе, хотя и состоялось в одно время, в одинаковых условиях, по одинаковым причинам, имело разные корни. Каждый из писателей уже ранее обращался к пространственным кодам. Кундера наследует чешской традиции «мифологизации Центра» [Масура 1993; Масура 1997] (с 1980-х — через радикальное отталкивание от всего российского и создание регионального культурного канона), а Милош и Киш непременно идентифицируют себя с пограничьем, что связано с их собственным опытом взросления и формирования в соответствующей среде. Для Милоша «Центральная Европа» 1980-х — скорее операционный термин, более далекий от его собственной географии, чем «наша/моя Европа», «Восточно-Центральная Европа» или «мой уголок Европы» — зона пограничья, рефлекслируемая им в текстах еще с 1950-х годов. Киш, в свою очередь, актуализирует неоднородность Центральной Европы как давнего центра противоречий, приведших к катастрофе XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубин Б. Европа — «виртуальная» и «другая». Глобальное и локальное в идентификации восточноевропейских интеллектualов после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 49–59.
- Зонтаг С. Данило Киш. Предисловие к сборнику эссе и интервью Данило Киша «Homo Poeticus» (New York, 1995) // Две статьи о Данило Кише / пер. с англ. Б. Дубина // Text only. 2006. № 6 (20). URL: <http://textonly.ru/case/?issue=20&article=14962> (дата обращения: 29.09.2022).
- Кундера М. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1985. № 11–12. С. 170–191.
- Кундера М. Занавес / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука-классика, 2010. 240 с.
- Кундера М. Встреча / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013а. 224 с.
- Кундера М. Искусство романа / пер. с франц. А. Смирновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013б. 224 с.
- Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 6. С. 75–96.

- Милош Ч. Поиск отчизны / пер. с польск. А. Нехая. СПб.: Европейский Дом, 2011а. 232 с.
- Милош Ч. Родная Европа / пер. с польск. К. Старосельской, Б. Дубина, Ю. Чеснокова, В. Ладогина. М.; Wrocław: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2011б. 280 с.
- Милош Ч. Свидетельство поэзии: шесть лекций о недугах нашего века / пер. с польск. А. Ройтмана. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 160 с.
- Милош Ч., Венцлова Т. Вильнюс как форма духовной жизни / пер. с польск. А. Израилевич // Старое литературное обозрение. 2001. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/vilnyus-kak-forma-duhovnoj-zhizni.html> (дата обращения: 29.09.2022)
- Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Поляков Д.К. «Вариации на центральноевропейские темы» Данило Киша как опыт конструирования пространства // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах / отв. ред. Н.В. Злыднева, Ж. Хетени. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 391–411.
- Поляков Д.К. Достоевский или достоевщина? «Загадочная русская душа», сентиментальность и антисентиментальность по Милану Кундере // Эмоциональное и рациональное в славянских литературах и искусстве / под ред. Н.М. Куренной и Д.К. Полякова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 279–297.
- Стобецкий Р. Центрально-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня // Славяноведение. 2019. № 3. С. 56–67.
- Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 416 с.
- Трёбст Ш. «Восток – это другие!»: Центральная Европа как эксклюзивистский концепт // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура / отв. ред. Е.Н. Ковтун, С.С. Скорвид, Д.К. Поляков, К.Н. Цимбаев. М.: Полимедиа, 2015.
- Ash T.G. Adversity. Essays on the Fate of Central Europe. New York: Random House, 1989. 337 p.
- Bílek P. Constructing the Paradoxical Middle: Conceptualisations of Central Europe Explored in the 1980s Essayistic Debates // Krajina bez vlastností: Literatura a Střední Evropa / Landschaft ohne Eigenschaften: Literatur und Mitteleuropa / ed. P. Bílek, T. Dimter. Praha: Gutenberg, 2007. S. 330–344.
- Brodacka M. W lustrze literatury – czesko-polski mit środkowoeuropejski i jego przeobrażenia // Konteksty kultury. 2019. Z. 2. S. 181–206.
- Brix E., Busek E. Mitteleuropa revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird. Wien: Kremayr und Scheriau, 2018. 224 S.
- Cobel-Tokarska M. Europa Środkowa: dawne i nowe znaczenia // Krótkie wykłady z socjologii. Kategorie, problemy, subdyscypliny / red. E. Tarkowska, A. Firkowska-Mankiewicz, T. Kanasz. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Pedagogiki Specjalnej, 2013. S. 172–192.
- Gorczyńska R. (Czarnecka E.). Podróżny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Komentarze. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1992. 365 s.
- Grigorova M. Polskie doświadczenie historyczne a słowiańska perspektywa literacka Europy Środkowo-Wschodniej (Czesław Miłosz, Milan Kundera, Danilo Kiš) // Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie. 2020. S. 36–57.
- Dhand O. The Idea of Central Europe: Geopolitics, Culture and Regional Identity. London: I.B. Tauris, 2018. 288 p.
- Janiec-Nyitrai A., Nyitrai Z. Vrhát dvojité stín. Středoevropsanství jako osud v románech Milana Kundery. Esztergom: Nadace svatého Vojtěcha pro výzkum střední a východní Evropy, 2017. 258 s.
- [Kiš D.] «Ich glaube nicht an die Phantasie des Schriftstellers». Adalbert Reif im Gespräch mit Danilo Kiš in Paris // Universitas. 1989. No. 8. S. 779–788.
- Kiš D. Poslednje pribežiste zdravog razuma (eseji). Beograd: Arhipelag, 2012. 264 s.
- Kubíček T. Středoevropa Milan Kundera. Olomouc: Periplum, 2013. 138 s.
- Kundera M. Český úděl // Listy. 1968. 19.12. S. 1, 5.
- Kundera M. Un occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe Centrale // Le Débat, 1983. 27.11. P. 3–23.
- Kundera M. An Introduction to a Variation // The New York Times Book Review. 1985. 06.01. P. 1.
- Labov J. Transatlantic Central Europe: Contesting Geography and Redefining Culture. Budapest; New York: Central European University Press, 2019. 214 p.
- Macura V. Zápas o střed // Macura V. Masarykovy boty a jiné semi(o)fejetony. Praha: Pražská imaginace, 1993. S. 8–10.

- Macura V. Sémiotika Evropy // Evropa očima Čechů / ed. E. Hahnová. Praha: Nakladatelství Franze Kafky, 1997. S. 9–24.
- Milosz Cz. Central European Attitudes // Cross Currents. No. 1. P. 101–108.
- Miłosz Cz. O naszej Europie // Kultura: Szkice – Opowiadania – Sprawozdania. 1986. No. 4/463. S. 3–12.
- Miłosz Cz. Polskie kontrasty. Wykład z okazji otwarcia 25. Szkoły letniej kultury i języka polskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego w lipcu 1994 r. Kraków: UNIVERSITAS, 1995. 32 s.
- Pantić M. Varijacije na temu Danilo Kiš i Srednja Evropa // Polja. 2002. Br. 419. S. 8–11.
- Rybicka E. Literatura, geografia: wspólne terytoria // Od poetyki przestrzeni do geopoezyki / red. E. Konończuk, E. Sidoruk. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. S. 11–25.
- Stobiecki R. Europa Środkowa / Europa Środkowo-Wschodnia z perspektywy historii wyobrażonej. Między historią, geografą a literaturą // Dzieje najnowsze. 2020. No. 1. S. 274–300.
- Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford et al., 1997. Updated Edition. Oxford et al.: Oxford University Press, 2009. 288 p.
- Understanding Central Europe / ed. by M. Moskalewicz, W. Przybylski. London; New York: Routledge, 2018. 610 p.
- V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém / ed. J. Trávníček. Brno: Host, 2009. 343 s.
- Vilikovský P. Všetko, čo viem o stredoeurópanstve. URL: https://www.visegradliterature.net/works/sk/Vilikovsky%C3%BD%2C_Pavel-1941/V%C5%A1etko%2C_%C4%8Do_viem_o_stredoeur%C3%B3panstve (дата обращения: 15.10.2022).
- Zelenka M. Střední Evropa v souvislostech literární a symbolické geografie. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2008. 182 s.

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2022

Рукопись принята к печати 31.10.2022

REFERENCES

- Ash T.G. *Adversity. Essays on the Fate of Central Europe*. New York, Random House Publ., 1989, 337 p.
- Bílek P. Constructing the Paradoxical Middle: Conceptualisations of Central Europe Explored in the 1980s Essayistic Debates. *Krajina bez vlastností: Literatura a Střední Evropa, Landschaft ohne Eigenschaften: Literatur und Mitteleuropa*, ed. P. Bílek, T. Dimter. Praha, Gutenberg, 2007, pp. 330–344.
- Brix E., Busek E. *Mitteleuropa revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird*. Wien, Kremayr und Scheriau Publ., 2018, 224 p.
- Brodacka M. W lustrze literatury – czesko-polski mit środkowoeuropejski i jego przeobrażenia. *Konteksty kultury*, 2019, z. 2, pp. 181–206. (In Pol.)
- Cobel-Tokarska M. Europa Środkowa: dawne i nowe znaczenia. *Krótkie wykłady z socjologii. Kategorie, problemy, subdyscypliny*, red. E. Tarkowska, A. Firkowska-Mankiewicz, T. Kanasz. Warszawa, Wydawnictwo Akademii Pedagogiki Specjalnej Publ., 2013, pp. 172–192. (In Pol.)
- Dhand O. *The Idea of Central Europe: Geopolitics, Culture and Regional Identity*. London, I.B. Tauris, 2018, 288 p.
- Dubin B. Jevropa – «virtual’naia» i «drugaia». Global’noje i lokal’noje v identifikatsii vostochnoevropeskikh intellektualov posle Vtoroi mirovoi voyny. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2002. № 4 (60), pp. 49–59. (In Russ.)
- Gorczyńska R. (Czarnecka E.). *Podrózny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Komentarze*. Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 1992, 365 p. (In Pol.)
- Grigorova M. Polskie doświadczenie historyczne a słowiańska perspektywa literacka Europy Środkowo-Wschodniej (Czesław Miłosz, Milan Kundera, Danilo Kiš). *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 2020, pp. 36–57. (In Pol.)
- Janiec-Nyitrai A., Nyitrai Z. *Vrhat dvojité stín. Středoevropanství jako osud v románech Milana Kundery*. Esztergom: Nadace svatého Vojtěcha pro výzkum střední a východní Evropy, 2017, 258 p. (In Czech)
- [Kiš D.] «Ich glaube nicht an die Phantasie des Schriftstellers». Adalbert Reif im Gespräch mit Danilo Kiš in Paris. *Universitas*, 1989, no. 8, pp. 779–788. (In German)
- Kiš D. *Poslednje pribežiste zdravog razuma (eseji)*. Beograd, Arhipelag Publ., 2012, 264 p. (In Serb.)
- Kubiček T. *Středoevropan Milan Kundera*. Olomouc, Periplum Publ., 2013, 138 p. (In Czech)
- Kundera M. *Iskusstvo romana*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013b, 224 p. (In Russ.)
- Kundera M. Tragediia Tsentral’noi Jevropy. *Problemy Vostochnoi Jevropy*, 1985, no. 11–12, pp. 170–191. (In Russ.)

- Kundera M. *Vstrecha*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013a, 224 p. (In Russ.)
- Kundera M. *Zanaves*, per. s fr. A. Smirnovoi. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ, 2010, 240 p. (In Russ.)
- Kundera M. An Introduction to a Variation. *The New York Times Book Review*. 1985. 06.01. P. 1.
- Kundera M. Český úděl. *Listy*, 1968, 19.12, p. 1, 5. (In Czech)
- Kundera M. Un occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe Centrale. *Le Débat*, 27 November 1983, pp. 3–23.
- Labov J. *Transatlantic Central Europe: Contesting Geography and Redefining Culture*. Budapest; New York, Central European University Press Publ., 2019, 214 p.
- Macura V. Sémiotika Evropy. *Evropa očima Čechů*, ed. E. Hahnová. Praha, Nakladatelství Franze Kafky Publ., 1997, pp. 9–24. (In Czech)
- Macura V. Zápas o střed. *Macura V. Masarykovy boty a jiné semi(o)fejetony*. Praha, Pražská imaginace Publ., 1993, pp. 8–10. (In Czech)
- Miller A.I. Tema Tsentral'noi Jevropy: istoriia, sovremennyye diskursy i mesto v nikh Rossii. *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2001, no. 6, pp. 75–96. (In Russ.)
- Miłosz Cz. Central European Attitudes. *Cross Currents*, 1986, no. 1, pp. 101–108.
- Miłosz Cz. *Polskie kontrasty. Wykład z okazji otwarcia 25. Szkoły letniej kultury i języka polskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego w lipcu 1994 r.* Kraków, UNIVERSITAS Publ., 1995, 32 p. (In Pol.)
- Miłosz Cz. *Rodnaia Jevropa*, per. s pol'sk. K. Starosel'skoi, B. Dubina, Iu. Chesnokova, V. Ladogina. Moscow; Vroslav, Letni sad Publ.; Kollegium Vostochnoi Jevropy im. Iana Novaka Publ., 2011b, 280 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz. *Poisk otchizny*, per. s pol'sk. A. Nekhaia. St. Petersburg, Jevropeiskii Dom Publ., 2011a, 232 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz. *Svidetel'stvo poezii: shest' lektii o nedugakh nashego veka*, per. s pol'sk. A. Roitmana. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2013, 160 p. (In Russ.)
- Miłosz Cz., Venclova T. *Vil'nus kak forma dukhovnoi zhizni*, per. s pol'sk. A. Izrailevich. *Staroje literaturnoje obozrenije*, 2001, no. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/vilnyus-kak-forma-duhovnoj-zhizni.html> (accessed: 29.09.2022) (In Russ.)
- Miłosz Cz. O naszej Europie. *Kultura: Szkice – Opowiadania – Sprawozdania*, 1986, no. 4/463, pp. 3–12. (In Pol.)
- Neumann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii jevropeiskikh identichnostei*, per. s angl. V.B Litvinova i I.A. Pil'shchikova, predisl. A.I. Millera. Moscow, Novoje izdatel'stvo Publ., 2004. 336 s. (In Russ.)
- Pantić M. Varijacije na temu Danilo Kiš i Srednja Evropa. *Polja*, 2002, br. 419, pp. 8–11. (In Serb.)
- Polyakov D.K. Dostojevskii ili dostojevshchina? «Zagadochnaia russkaia dusha», sentimental'nost' i antisentimental'nost' po Milanu Kundere. *Emotsional'noje i ratsional'noje v slavianskikh literaturakh i iskusstve*, pod red. N.M. Kurennoi i D.K. Poliakova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2022, pp. 279–297. (In Russ.)
- Polyakov D.K. «Variatsii na tsentral'nojevropeiskije temy» Danilo Kisha kak opyt konstruirovaniia prostranstva. *Na perekrestkakh Vostoka i Zapada: problemy pogranič'ia v russkoi i tsentral'nojevropeiskikh kul'turakh*, otv. red. N.V. Zlydneva, Zh. Kheteni. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 391–411. (In Russ.)
- Rybicka E. Literatura, geografia: wspólne terytoria. *Od poetyki przestrzeni do geopoetyki*, red. E. Konończuk, E. Sidoruk. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku Publ., 2012, pp. 11–25. (In Pol.)
- Sontag S. Danilo Kish. Predislovije k sborniku esse i interv'iu Danilo Kisha «Homo Poeticus» (New York, 1995). *Dve stat'ji o Danilo Kishe*, per. s angl. B. Dubina // Text only. 2006. № 6 (20). URL: <http://text-only.ru/case/?issue=20&article=14962> (data obrashcheniia: 29.09.2022). (In Russ.)
- Stobiecki R. Europa Środkowa. Europa Środkowo-Wschodnia z perspektywy historii wyobrażonej. Między historią, geografą a literaturą. *Dzieje najnowsze*, 2020, no. 1, pp. 274–300. (In Pol.)
- Stobiecki R. Tsentral'no-Vostochnaia Jevropa v pol'skom publichnom diskursie vchera i segodnia. *Slaviano-vedenie*, 2019, no. 3, pp. 56–67. (In Russ.)
- Tlostanova M.V. *Postsovetskaia literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 416 p. (In Russ.)
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. Oxford et al., 1997. Updated Edition. Oxford et al.: Oxford University Press Publ., 2009. 288 p.
- Tröbst S. «Vostok – eto drugije!»: Tsentral'naia Jevropa kak ekskluzionistskii kontsept. *Slaviane i Tsentral'naia Jevropa: iazyki, istoriia, kul'tura*, otv. red. Je.N. Kovtun, S.S. Skorvid, D.K. Polyakov, K.N. Tsimbajev. Moscow, Polimedia Publ., 2015. (In Russ.)

- Understanding Central Europe, ed. by M. Moskalewicz, W. Przybylski. London; New York, Routledge Publ., 2018. 610 p.
- V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém*, ed. J. Trávníček. Brno, Host Publ., 2009, 343 p. (In Czech)
- Vilíkovský P. *Všetko, čo viem o stredoeurópanstve*. URL: https://www.visegradliterature.net/works/sk/Vilikovsk%C3%BD%2C_Pavel-1941/V%C5%A1etko%2C_%C4%8Do_viem_o_stredoeur%C3%B3panstve (accessed: 15.10.2022). (In Slovak)
- Zelenka M. *Střední Evropa v souvislostech literární a symbolické geografie*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa Publ., 2008, 182 p. (In Czech)

Received on 31.10.2022

Accepted on 30.11.2022

Информация об авторе:

Поляков Дмитрий Кириллович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5220-2841
E-mail: vbnz2005@yandex.ru.

Information about the author:

Dmitry K. Polyakov
PhD (Philology), Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5220-2841.
E-mail: vbnz2005@yandex.ru.

Славяноведение, 2023, № 4, с. 109–119

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 109–119

DOI: 10.31857/S0869544X0026709-2

Оригинальная статья / Original Article

Фильм Юрия Ильенко «Наперекор всему» на перекрестье культур

© 2023 г. Д.Г. Вирен

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

denis.viren@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве:
Balcano-Balto-Slavica»: <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Аннотация. Статья посвящена советско-югославскому (точнее, украинско-черногорскому) фильму 1972 г. — уникальному примеру копродукции социалистической эпохи. С одной стороны, «Наперекор всему» развивает художественный метод украинского поэтического кино конца 1960-х годов с его визуальным авангардизмом, нивелировкой вербальных средств выражения и стремлением к этнографичности. С другой — фильм заявил о черногорской кинематографии как потенциально обособленной от других в СФРЮ (в первую очередь, от сербской). Ильенко работает со сложным, зашифрованным языком, полным метафор и недосказанности, благодаря чему произведение остается открытым для интерпретации в разных аспектах — как в формальном, так и в содержательном.

Ключевые слова: кино Югославии, копродукции, историческое кино, украинское поэтическое кино, этнографизм, фольклорные мотивы.

Ссылка для цитирования: Вирен Д.Г. Фильм Юрия Ильенко «Наперекор всему» на перекрестье культур // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 109–119. DOI: 10.31857/S0869544X0026709-2

The Film «Against all Odds» by Yuri Ilyenko at the Crossroads of Cultures

© 2023. Denis G. Viren

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

denis.viren@gmail.com

The study is supported by the Russian Science Foundation (RSF),
project № 22–18–00365 «Semiotic Models in the Cross-Cultural Space:
Balcano-Balto-Slavica»: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00365/>

Abstract. The article is devoted to the Soviet-Yugoslav (more precisely Ukrainian-Montenegrin) film of 1972, a unique example of a co-production in the socialist era. On the one hand, «Against all odds» develops the artistic method of Ukrainian poetic cinema of the late 1960s with its avant-garde visuality, the leveling of verbal means of expression and the desire for ethnography. On the other hand, the film declared Montenegrin cinematography as potentially separate from others in the SFRY (primarily from the Serbian one). Ilyenko works with a complex, encrypted language, full of metaphors and understatement, thanks to which the work remains open for interpretation in various aspects – both in formal and in content.

Keywords: Yugoslav cinema, co-productions, historical cinema, Ukrainian poetic cinema, ethnography, folklore motifs.

For citation: *Denis G. Viren.* The Film «Against all Odds» by Yuri Ilyenko at the Crossroads of Cultures // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No 4. P. 109–119. DOI: 10.31857/S0869544X0026709-2

Художественное произведение, создаваемое представителем одной культуры внутри другой, всегда представляет особый интерес для исследователя. Обладая принципиально гибридной поэтикой и семантикой, в основе которых лежит кросскультурность, оно априори задает пограничную семиотическую ситуацию и позволяет выйти на наднациональный уровень рассуждений без привязки к одной-единственной культурной традиции. В связи с кинематографом как аудиовизуальным искусством это, возможно, проявляется в наибольшей степени, особенно когда речь идет о режиссере-авторе, снимающем за пределами родной страны. С одной стороны, он неизбежно переносит на чужую почву особенности индивидуального стиля, с другой – в той или иной степени пытается вписаться в иной национальный контекст, чтобы быть понятым, но все равно остается в позиции наблюдателя.

Эта статья посвящена фильму «Наперекор всему»¹ (*Živjeti za inat*, 1972) – малоизвестной, причем не только в России, работе выдающегося украинского кинематографиста Ю.Г. Ильенко (1936–2010), сделанной им в Югославии. В силу различных причин, лежащих преимущественно в художественной, но отчасти и в идеологической плоскости, лента фактически оказалась вне поля зрения историков как украинского, так и югославского кинематографа². Ее пограничное (или даже трансграничное) положение сыграло против режиссера, а между тем это в высшей степени любопытное произведение, которое, без сомнений, можно назвать одной из творческих удач в карьере Ильенко, хотя современники так и не считали.

Исторический момент, в который шла работа над фильмом, был и весьма драматичным из-за усиления цензуры в обеих странах, и одновременно переходным: в европейском кино, снимавшемся на историческом материале, проявились новые эстетические тенденции. Для того, чтобы понять, почему «Наперекор всему» оказался полузабыт, обо всем этом стоит сказать подробнее.

¹ Это советское прокатное название. Более точный перевод – «Жить вопреки».

² Примечательно, что в автореферате единственной обнаруженной нами диссертации, посвященной творчеству Ильенко и защищенной в Киеве в 1997 г., картина даже не упомянута, хотя в пункте «Предмет исследования» перечислены абсолютно все остальные работы режиссера вплоть до ленты «Лебединое озеро. Зона» (*Лебедине озеро. Зона*, 1990). См. подробнее: [Погребняк 1997, 4].

* * *

Вторая половина 1960-х годов в кино СССР связана с бурным развитием национальных кинематографий на волне «оттепели». Именно тогда заявили о себе грузинская, литовская, белорусская, киргизская и многие другие школы. Быть может, самой яркой из них была украинская — считается, что ее история началась с шедевра Сергея Параджанова «Тени забытых предков» (*Tini zabutih predkiv*, 1964), признанного в 2021 г. лучшим фильмом в истории украинского кинематографа³. Оператором-постановщиком этой картины, по сей день восхищающей визуальными находками, выступил Юрий Ильенко — на тот момент начинающий кинематографист, недавний выпускник ВГИКа. Не требует специальных доказательств утверждение, что он стал истинным соавтором Параджанова, и не случайно именно он продолжил и развил эстетические принципы «Теней...» в своем дальнейшем творчестве. Начав ставить самостоятельно, Ильенко снял три ленты, заложившие фундамент украинского поэтического кино⁴: «Родник для жаждущих» (*Криниця для спраглих*, 1965), «Вечер накануне Ивана Купалы» (*Вечір на Івана Купала*, 1968) и «Белая птица с черной отметиной» (*Білий птах з чорною ознакою*, 1971). Стоит подчеркнуть, что кинооператоры не так уж часто становятся режиссерами, и еще реже подобная практика дает убедительные художественные результаты. Ильенко периодически упрекали, что в его фильмах главенствует изображение, а драматургия хромает, однако в ранних поэтических работах (возможно, за исключением «Вечера накануне Ивана Купалы») такой «перекосяк» не выглядит недостатком. Это авангардистские, радикальные по духу эксперименты, призванные решительно раздвинуть границы традиционного нарративного кинематографа.

Наряду с Ильенко к представителям «поэтической школы» относят Леонида Осыку — прежде всего, его «Каменный крест» (*Камінний хрест*, 1968), Владимира Денисенко — «Совість» (*Совість*, 1968), Николая Машенко, Артура Войтецкого и некоторых других кинематографистов. Вспоминая Машенко в связи с его кончиной в 2013 г., киновед Е.Я. Марголит писал, что он стал частью «чуда преображения во всех смыслах периферийной киностудии, штампующей заведомо безликую третьеразрядную продукцию, в “конгломерат воинствующих индивидуальностей”» [Марголит 2019, 192]. Действительно, киностудия имени Довженко (великого советского авангардиста, который, к слову, был главным эстетическим ориентиром для украинского поэтического кино) в тот период приковала к себе внимание не только советского, но и мирового киносообщества. К сожалению, это длилось недолго, и уже в начале 1970-х годов режиссеров стали критиковать за формализм и национализм, что привело к фактическому разгрому направления, по времени совпавшему с наступлением в Советском Союзе застоя.

Сходная кризисная ситуация — при всех социально-политических различиях — сложилась на рубеже 1960–1970-х годов и в кинематографе Югославии. На середину — конец 1960-х годов в этой стране пришелся расцвет так называемого черного фильма (или, если быть ближе к оригиналу, «черной волны»), где в весьма критическом ключе, с элементами жесткого натурализма и беспощадной сатиры, изображалось современное югославское общество. Лидерами этого направления считаются сегодня Душан Макавеев, Живоин Павлович,

³ Опрос был организован Национальным центром Александра Довженко в Киеве и проводился среди украинских и зарубежных кинокритиков [ТОП 100 2022].

⁴ Авторство этого термина иногда приписывают польскому кинокритику Янушу Газде.

Желимир Жилник и другие режиссеры, которые после нескольких особенно скандальных лент («Ранние работы» (*Rani radovi*, 1969) Жилника и «В.Р. Мистерии организма» (*W.R. Misterije organizma*, 1971) Макавеева) подверглись уничтожающей критике⁵. Этот разгром был переломным событием в истории югославского кино, возрождение которого началось лишь десять лет спустя с приходом следующего поколения режиссеров.

Оказавшись в начале 1970-х в Югославии, Юрий Ильенко, таким образом, если и не попал в разгар борьбы с «черной волной», то уж точно застал отголоски этого процесса, ставшего частью общего «закручивания гаек» в искусстве социалистических стран после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Тем не менее Югославия оставалась пространством встречи культур, а также — что еще более важно — Востока и Запада. Там продолжали снимать большие копродукции, в том числе и военные ленты совместно с Советским Союзом, однако «Наперекор всему» очевидным образом выбивался из этого ряда, но в то же время вписывался в определенную тенденцию, проявившуюся в это время в кино «восточного блока». Какую именно?

Начиная со второй половины 1960-х годов происходило серьезное обновление исторического кинематографа, его «углубление» — в противовес официозным и помпезным картинам, посвященным как Второй мировой войне, так и событиям далекого и не очень далекого прошлого. Яркие тому примеры можно найти в кино советском («Андрей Рублев» (1966) Андрея Тарковского), болгарском («Козий рог» (*Kozijat rog*, 1971) Методи Андонова), венгерском («Пока народ еще просит» (*Még kér a nép*, 1972) Миклоша Янчо), польском («Дьявол» (*Diabeł*, 1972) Анджея Жулавского). При явных различиях художественных стратегий упомянутых режиссеров все это были произведения, в которых история так или иначе представляла в качестве фона для размышлений универсального, общечеловеческого и вневременного характера. Динамичное действие с интригой нередко уступало место притчевости, рефлексивности, медитативности с акцентом на изысканную пластику кадра. Ильенко с его бэкграундом (украинская поэтическая школа), исповедовавший похожие принципы, снял в Югославии именно такой фильм и, в сущности, открыл новую страницу истории кино этой страны.

Неслучайным кажется и то, что режиссер из Украины работал не на белградской студии «Авала-фильм», вокруг которой концентрировалась кинематографическая жизнь Югославии, а на скромной студии в Титограде⁶, т.е. в известном смысле он оставался в локальном национальном контексте (пусть уже не СССР, а СФРЮ). Это позволило киноведам М.М. Черненко назвать «Наперекор всему» «фильмом как нельзя более югославским, [...] даже — как нельзя более черногорским, одним из первых подлинно национальных фильмов этой самой маленькой республиканской кинематографии Югославии» [Черненко 1986, 40].

⁵ См. об этом подробнее, например [Нелепо 2022]. На официальном уровне термин «черный фильм» был впервые употреблен министром культуры Югославии В. Йовичичем в статье, вышедшей 6 августа 1969 г. в издании «Рефлектор» (приложении к главной газете страны «Борба»). Речь в ней шла о фильмах «Причину смерти не упоминать» (*Uzrok smrti ne pominjati*, 1968) Йована Живановича и «Скоро будет конец света» (*Biće skoro propast sveta*, 1968) Александра Петровича. Вместе с тем в сложившейся позднее киноведческой традиции (у нас — в исследованиях М.М. Черненко, на Западе — например, у М. и А. Лим) принято причислять к направлению «черного фильма» больший круг стилистически и тематически схожих картин.

⁶ Так в 1952–1992 гг. называлась Подгорица.

* * *

Сюжет картины «Наперекор всему» основан на событиях конца XVIII в., связанных с борьбой Черногории за независимость от Османской империи. Центральной фигурой в этом процессе был Петр I Негош, имевший в теократической монархии титул митрополита-владыки (в народе к нему обращались просто Владыка). Сразу следует оговориться, что эту картину никак нельзя назвать биографической: хотя здесь представлено некоторое количество фактов из жизни Негоша и его окружения, они утоплены в поэтико-метафорической повествовательной ткани, нередко даются намеками, почти никогда не раскрываются. Вероятно, зрителям, знакомым с историей Черногории, не составит труда сопоставить происходящие в фильме события с теми, что описаны историками, но таких, осмелимся утверждать, меньшинство. Причинно-следственные связи на экране неочевидны, мотивации героев не объясняются напрямую. Рискнем с высокой долей вероятности предположить, что Юрий Ильенко не ставил перед собой задачи снять исторический фильм в привычном понимании: он вполне намеренно избегал лишних подробностей, очищал сюжет от конкретики и оставил лишь необходимую канву. Ее достаточно для понимания контекста и — самое главное — авторского послания, а также для передачи духа времени. Рассуждая о фильме в связи с «новым историческим мышлением современного кинематографа», Черненко отмечал, что он «в центр своего внимания ставил не события, не деятельность военачальников, политиков, императоров и всякого рода иных выдающихся личностей, но саму материю истории, ее обыденность, ее инфраструктуру, ту реальность повседневности, которая лежала *между событиями* (курсив мой. — Д.В.), которая и представляла собой подлинную жизнь народа в ту эпоху» [Черненко 1986, 40]. Можно сказать, что Ильенко программно отказывается от традиционной драматургии повествовательного кинематографа.

Если говорить о фабуле, картина начинается с того момента, когда Негош возвращается в Цетине из России, где он не нашел помощи, и застаёт родную страну в состоянии страшной нищеты и полной человеческой разобщённости. Черногория зажата между империями, и местные властители дум постоянно спорят о том, кто может им помочь и с кем следует держаться вместе, а также ведут междоусобную борьбу. Если говорить об экранном действии, лента открывается долгой экспозицией, в которой обнаруживаются основные художественные особенности, свойственные не только этому фильму Ильенко, но и украинскому поэтическому кино в целом.

Прежде всего, это филигранная работа с изображением: композиция каждого кадра обладает подчеркнутой живописностью, и каждый в известном смысле можно считать самостоятельным произведением изобразительного искусства; статичные пейзажи чередуются с крупными планами лиц и планами-деталью (в первую очередь рук); но самое главное — очень многие кадры символически нагружены, представляют собой емкие визуальные аллегории. Режиссер признавался, что использует «принцип перенасыщенного раствора» [Фомин 2014, 82], заключающийся в максимальном наполнении кадра информацией, благодаря чему у зрителя создается ощущение жизненного правдоподобия.

Одно из первых появлений Негоша: он стоит на вершине горы с распростертыми руками — романтический герой? Христос в пустыне? К таким кадрам, по мнению Н.В. Злыдневой⁷, применимо понятие «иероглифичности».

⁷ Высказано на заседании Отдела истории культуры славянских народов ИСЛ РАН 16.03.2022.

Г.М. Иконникова, автор режиссерского портрета украинского кинематографиста, отмечает: «Природа в фильмах Ильенко неразрывно связана с миром человеческих страстей. Ее изображение не носит отвлеченный характер открыточной красоты. Человек и природа едины, — утверждает режиссер всем образным строем своих лент. В этом единстве прочитываются принципы фольклорного мышления, поэтика восприятия мира природы и человека как неделимого целого. Отступление от гармонических природных начал воспринимается Ильенко как явление противоестественное» [Иконникова 1987, 114]. Не менее значительны кадры с землей, усеянной трупами черногорцев после битвы с турками: здесь трагедийность усиливается высоким эстетизмом, свойственным режиссеру. Если в «Тенях забытых предков» Ильенко активно применял фильтры и вирирование, то оператор «Наперекор всему» Вилен Калюта⁸ часто использует широкоугольный объектив «рыбий глаз» для деформации пространства, создания ощущения той самой противоестественности, ненормальности и будто бы галлюцинаторности происходящего.

Еще одна не менее важная черта поэтики фильма Ильенко связана со звуком. Уже в экспозиции обращает на себя внимание отсутствие слов. По ходу действия слова звучат, но либо как западающие в память короткие уколы («Танцуй! Живи! Люби!» — восклицает Бояна, возлюбленная Негоша в исполнении Ларисы Кадочниковой, и эти слова эхом отзовутся в горьком финале ленты, когда девушка принесет себя в жертву ради спасения главного героя), либо как своего рода афоризмы, философские сентенции. «Строй не соборы, а тюрьмы! Оставь крест — возьми меч!» — призывает к Негошу родной брат. «Надо строить дома, а не соборы», — полемически заявляет его политический оппонент Йоко в исполнении Ивана Миколайчука — актера, ставшего «лицом» украинского поэтического кино. Язык героев возвышен, бытовая речь практически отсутствует, все произнесенное носит метафорический характер.

Не просто важным элементом, но основой звуковой ткани фильма являются народные песни, иллюстрирующие, а точнее — организующие многие сцены. Как правило, здесь поют женщины (например, собирая горсти земли между камнями или причитая о погибших мужьях и сыновьях). Фольклорное начало играет огромную роль для Ильенко как продолжателя линии Параджанова. В связи с «Тенями забытых предков» Черненко писал, что «не кажется неожиданным его обращение к архаике — к тому, что казалось тогда не более чем этнографией, реконструкцией исторических анахронизмов, что было на самом деле возрождением генотипа национальной культуры. Чрезвычайно существенно в этом смысле, что этот генотип обнаруживается Параджановым на самой дальней периферии культуры Украины, на Гуцульщине, среде обитания одной из самых архаичных этнических групп украинцев, сохранившей себя именно в силу своей периферийности, политической, экономической и всякой другой незначительности с точки зрения центра» [Черненко 2006, 86]. Примерно в той же ситуации оказывается Ильенко⁹, как уже было сказано, во многом

⁸ Начало творческого пути Вилена Калюты (1930–1999) тесно связано с кинематографом родной Украины. В 1980-е годы он был постоянным оператором Романа Балаяна («Полеты во сне и наяву», 1982). В 1990-е вышел на международный уровень, сотрудничая с Никитой Михалковым («Урга — территория любви», 1991 и «Утомленные солнцем», 1994).

⁹ Любопытно, что как раз в то время, когда Ильенко снимал «Наперекор всему», в самом разгаре был скандал с заменой скромной часовни памяти Петра II Негоша (племянника Петра I Негоша) на помпезный мавзолей работы Ивана Мештровича. Благодарю Н.В. Злыдневу за это замечание, создающее более объемный контекст бытования фильма.

закладывающий основы черногорского кинематографа, проблема формирования и обособленности которого по сей день вызывает вопросы¹⁰.

* * *

Огромное место в поэтическом строе фильма занимает ритуал как основа будничного существования персонажей. Это проявляется не только в сборе земли, о чем уже говорилось выше, но также в традициях, связанных, например, с магической силой волос. В начале картины мать Бояны привязывает к волосам Негоша, погруженного в тяжелые раздумья после возвращения домой, прядь своих волос и прядь волос своей дочери. Затем, в сцене танца с Бояной, происходит символическое возрождение Негоша к жизни и будущей борьбе, — девушка отрезает эти пряди, как бы выполнившие свою роль¹¹.

Рассуждая об украинской «поэтической школе», Марголит писал: «В первую очередь источником этой поэтики следует назвать обрядово-ритуальное действие. Символизация экранной реальности, ее предметного мира, обнаружила под ногами твердую почву, нашла серьезнейшее обоснование именно в функционировании предмета в обряде, когда его магическое, символическое значение выходит на первый план, но не перечеркивает обыденного прагматического. Причем символизация возникает в общении человека с реалиями окружающего его мира, она естественна для него» [Марголит 2004, 195]. Это касается в ленте Ильенко буквально всех предметов: серебряного пояса матери Негоша, который брат разрубает на две части, чтобы Негош смог продать его и собрать деньги на собор; черепа, символизирующего погибших отцов и сыновей, одновременно выступающего в роли детской игрушки («А это от ребенка убери: любви их учить надо — ненависти они уже научены», — велит Негош); различных видов оружия, которое может не только убивать, но и оберегать или даже быть компенсацией за смерть близкого; деталей одежды и быта.

Особое место отведено образу немого колокола, лежащего на земле «в ожидании» завершения строительства собора. Это строительство, по мнению Негоша, имеет неоценимое значение, поскольку собор трактуется им в категориях собирания народа и накопления сил для борьбы за независимость Черногории. В итоге собор будет построен, но заговорит ли колокол?

Фильм наполнен библейскими аллюзиями, и наиболее важно в этом контексте то, каким образом представлен главный герой. Он вводится в повествование как некто, находящийся над ситуацией (кадр с горным пейзажем), в одиночестве и постоянной рефлексии. Позволю себе не согласиться с историком кино В.И. Фоминым, который негативно оценивал картину, упрекал ее в «излишней декоративности» и «красивости», а также говорил о «довольно бледной» актерской игре [Фомин 2014, 87]. Эту характеристику точно нельзя отнести к В. Поповичу¹², создавшему неоднозначный образ Негоша в развитии — от мирного проповедника до духовного предводителя армии. Дважды Негош оказывается в смертельной опасности, причем в одной из сцен его

¹⁰ Проблема заключается в том, что черногорский кинематограф в «чистом» виде представлен фактически только одним режиссером — Живко Николичем, фильмы которого, очевидно, не были вдохновлены картиной Ильенко. Тем не менее ее появление не могло не повлиять на трансформацию исторического кино в Югославии в целом. Автор статьи благодарен Н.В. Бондареву за это замечание и некоторые другие встречные соображения.

¹¹ О функциях волос в фольклоре разных народов см., например [Ревуненкова 1992].

¹² На кинофестивале в Пуле Попович был удостоен приза за лучшую мужскую роль. Это была единственная награда, которую получил фильм Ильенко.

забивают камнями (в наказание за то, что хотел распродать церковные реликвии и богатства в обмен на хлеб), после чего он показан буквально полуживым. Ильенко, очевидно, прибегает в этой сцене к христианской иконографии и намекает едва ли не на бессмертие своего героя. Неслучайно и то, что в картине ни разу не звучит его имя. Постепенное усиление призывов к борьбе заставляет вспомнить классическую ленту Пьера Паоло Пазолини «Евангелие от Матфея» (*Il Vangelo secondo Matteo*, 1964), в которой образ Христа был решен в революционной традиции и стал, по выражению Л.А. Аловой, «символом молодого поколения будущих контестаторов» [Алова 2002, 131]. Замечу, что в условиях советского кинопроизводства подобные аллюзии неизбежно должны были бы пройти через сито цензуры.

Полемизируя со своими критиками, режиссер рассуждал так: «Когда говорят о “диктатуре изобразительности” в моих фильмах, то имеют в виду, вероятно, то обстоятельство, что будто бы изобразительное начало не дает как следует полнее развернуться другим компонентам фильма. Ходит, например, легенда, что ставка на изобразительность подавляет и сковывает актера. Не могу с этим согласиться. Когда снимается опытный профессиональный киноактер, то он чувствует себя на съемочной площадке как рыба в воде. Он понимает, что сопоставление того, что он делает в кадре как актер, с атмосферой кадра, его антуражем, фактурой, столкновением ритма движения актера с движением самой камеры не только не умаляет его работу, а обогащает ее, привносит новые, неожиданные краски»¹³. В фильме «Наперекор всему» этот режиссерский подход к актеру как одному из средств художественной выразительности ощущается отчетливо, здесь и речи нет об актерской беспомощности.

Образ Негоша противоречив: шокирует сцена сожжения им домов, где живут больные чумой (ради спасения города от эпидемии), поражает внезапное убийство оппонента Йоко перед отправлением на битву с турками. Главный герой действует хладнокровно и жестко, осознавая не только то, что конкуренция между ними не пойдет на пользу общему делу, но и то, что Йоко в любой момент может предать. В конечном счете черногорцы ценой огромных потерь выигрывают бой, однако что мы видим в финале? В построенном Негошем соборе, откуда соотечественники уходили на поле брани, Негош теперь находится в полном одиночестве среди горы трупов тех, кого звал в бой. Вспоминая слова Бояны, погибшей ради него, Негош начинает раскачиваться на колоколе, но мы слышим оглушительную тишину... И лишь на финальном ослепительно-белом кадре раздается звон.

Под сражением, последствия которого показаны в фильме, подразумевается битва при Крусах (1796), которую черногорская армия выиграла буквально чудом, при значительном численном превосходстве турецкой, однако конкретики здесь настолько мало, что даже этот факт можно установить, только зная историю. Еще раз подчеркнем: детали неважны, никаких реконструкций нет, язык максимально условен. Фомин считает, что драматургия фильмов Ильенко всегда строится на стыке эпоса и драмы, но в «Наперекор всему» «повествование резко сдвинуто в сторону “чистой” эпичности» [Фомин 2014, 72], и это, по мнению киноведа, серьезный драматургический просчет. Симптоматично, что критиков не устраивала и форма: «Благородство темы и авторских намерений бесспорно. Суровость времени, характеров, конечно, наложила

¹³ Цит. по: [Фомин 2014, 75]. Здесь стоит также отметить, что сам Попович был очень доволен работой с Ильенко и даже упоминал в интервью, что «ничего подобного в югославском кино еще не было» [Štrbac 2022].

своеобразный отпечаток на изобразительное решение фильма. Вполне понятна и увлеченность авторов этнографией. Только порой фильму как-то недостает чувства меры и простоты...», — писал рецензент «Советского экрана» [Наперекор всему]. Ему вторила Иконникова: «Задумывая пластическую основу фильма, Ю. Ильенко решил исходить из простых понятий: камень, огонь, вода [...] Но скупого и сдержанного, как многострадальная земля Черногории, пластического образа не получилось. Сдержанность формы, диктуемая сюжетом, оказалась не в характере художника, привыкшего работать в броской декоративной манере» [Иконникова 1987, 116].

Спустя десятилетия после выхода фильма на экран очевидно, что эти критические замечания не вполне релевантны и продиктованы, с одной стороны, желанием ясной расшифровки символов, наполняющих пространство картины, а с другой — определенными ожиданиями от режиссера, который, начиная с середины 1960-х годов, находился в поле пристального внимания кинематографического сообщества. Необходимо понимать, что перед Ильенко в ленте «Наперекор всему», завершившей первый период его творчества¹⁴, стояла задача погрузить зрителя даже не столько в атмосферу эпохи, сколько в состояние, которое переживала маленькая страна, идущая к независимости и свободе. Зрителю, открытому к сложным формам, понятно направление развития действия и внутреннее развитие протагониста — и этого достаточно, поскольку духовный путь главного героя составляет основу сюжета. Строго говоря, не так уж принципиально, о какой стране идет речь и в какие именно годы разворачивается действие. Как украинец, влюбленный в родину, глубоко укорененный в ее культуре и к тому моменту уже переживший разгром дебютного фильма, Ильенко остро чувствовал, что такое недостаток свободы.

В этой связи нельзя не отметить, что красной нитью через картину проходит тема братства черногорцев и русских. Несмотря на то, что Негош возвращается из России не просто ни с чем, но будучи униженно изгнанным, он произносит в начале фильма: «Не хлебом единым жив человек — и Россия не оставит нас в беде». Одна из самых запоминающихся сцен — знакомство черногорца с солдатом русской армии, которая в итоге приходит на помощь братьям по вере. Оба они с удивлением обнаруживают, что самые простые слова в русском и сербском языках звучат почти одинаково: камень — *камен*, земля — *земља*, брат — *брат*, сердце — *срце*, голова — *глава*, мать — *мајка*. И лишь расхождение водка — *ракија* заставляет их поспорить — впрочем, спор длится недолго и завершается совместным распитием и братанием. Эта идиллия в произведении режиссера, открыто декларировавшего особость украинской культурной традиции, вызывает определенные вопросы. С одной стороны, она обусловлена историческими фактами, мимо которых автору пройти было сложно. Негош воспринимал Россию «как братскую державу единого православного закона» [Блудилина 2017, 162] и до конца жизни поддерживал самые активные контакты с царским престолом. С другой — эта сюжетная линия представляется своего рода данью как обстоятельствам времени, так и условиям копродукции, которая делалась на совершенно официальном уровне.

Таким образом, мы возвращаемся к проблеме переплетения различных культурных кодов в картине «Наперекор всему». Она снималась на стыке официальной советской культуры и локальной украинской внутри нее, а также

¹⁴ В следующей картине «Мечтать и жить» (*Мріяти і жити*, 1974) режиссер обратился к современной тематике.

югославской и локальной черногорской внутри нее. Следы всех этих культур в той или иной степени обнаруживаются в ленте Ильенко. Анализ фильма выявляет возможности трансфера сложившегося эстетического метода (украинской «поэтической школы») на новую (черногорскую) почву, не подготовленную с точки зрения собственных кинематографических традиций, но тем не менее находящуюся в ареале большой наднациональной кинематографии (югославской). И пусть резонанс этого явления был невелик, сегодня довольно очевидно, что кинематография Черногории, хоть и не получила дальнейшего мощного развития, но все же таким образом встроилась в общий центрально-европейский контекст, где в тот же период велись похожие поиски в сфере нового исторического кино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [б/а]. Наперекор всему // Советский экран. 1973. № 10.
- Алова Л. Пазолини Пьер Паоло // Кино Европы. Режиссерская энциклопедия. М.: Материк, 2002. С. 131–132.
- Блудилина Н.Д. К истории взаимоотношений властей и народов России и Черногории. По переписке Петра I Петровича Негоша 1784–1798 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т. 12. С. 158–174.
- Иконникова Г.М. Фольклорные мотивы в творчестве Юрия Ильенко // Грани режиссерского мастерства / сб. научных трудов. М.: ВГИК, 1987. С. 96–125.
- Марголит Е.Я. Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития. (Краткий очерк истории художественного кино) // Киноведческие записки. 2004. № 66. С. 125–208.
- Марголит Е.Я. Памяти Николая Машенко // Марголит Е.Я. В ожидании ответа. Отечественное кино: фильмы и их люди. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 191–198.
- Хелено Б. Проект Жилника. Про всех несуществующих // Сеанс. 2015. URL: https://seance.ru/articles/zelimir_zilnik/ (дата обращения: 25.11.2022).
- Ревуненкова Е.В. Представления о волосах (опыт сравнительно-типологического анализа) // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 108–113.
- Фомин В.И. Юрий Ильенко: «Преодоление» // Фомин В.И. Пересечение параллельных-2. М.: Канон+, 2014. С. 54–91.
- Черненко М.М. Кино Югославии. М.: Всесоюзное объединение «Союзинформкино», 1986. 64 с.
- Черненко М.М. Проблема этнического кинематографа и «казус» Параджанова // Просто Мирон / сост. Г.Н. Компаниченко, О.К. Рейзен. М.: Материк, 2006. С. 82–87.
- Погребняк Г.П. Художне осмислення дійсності у творчості Юрія Ілленка: автореферат дис. ... канд. мистецтвознавства / Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України. Київ, 1997. 25 с.
- Štrbac D. Vladimir Popović kao Njegoš '72: O snimanju sovjetsko-jugoslovenske koprodukcije «Živjeti za inat». URL: <http://www.yugopapir.com/2017/11/vladimir-popovic-kao-njegos-72-o.html> (дата обращения: 10.11.2022).
- ТОП 100. Рейтинг найкращих фільмів в історії українського кіно. URL: <https://dovzhenkocentre.org/top-100-all> (дата обращения: 15.11.2022).

Рукопись поступила в редакцию 01.10.2022

Рукопись принята к печати 11.12.2022

REFERENCES

- [n/a]. Naperekor vsemu. *Sovetskii ekran*, 1973, no. 10. (In Russ.)
- Alova L. Pasolini Pier Paolo. *Kino Jevropy. Rezhisserskaia entsiklopediia*. Moscow, Materik Publ., 2002, pp. 131–132. (In Russ.)
- Bludilina N.D. K istorii vzaimootnoshenii vlastei i narodov Rossii i Chernogorii. Po perepiske Petra I Petrovicha Negosha 1784–1798 gg. *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2017, vol. 12, pp. 158–174. (In Russ.)
- Chernenko M.M. *Kino Iugoslavii*. Moscow, All-Union Association «Soiuzinformkino», 1986, 64 p. (In Russ.)
- Chernenko M.M. Problema etnicheskogo kinematografa i «kazus» Paradzhanova. *Prosto Miron*, ed. G.N. Kompanichenko, O.K. Reizen, Moscow, Materik Publ., 2006, pp. 82–87. (In Russ.)

- Fomin V. I. Yuri Ilyenko: «Preodoleniye». *Peresecheniye parallel'nykh-2*. Moscow, Kanon+ Publ., 2014, pp. 54–91. (In Russ.)
- Ikonnikova G. M. Fol'klornyye motivy v tvorchestve Iurii Il'jenko. *Grani rezhisserskogo masterstva*. Moscow, All-Union State Institute of Cinematography, 1987, pp. 96–125. (In Russ.)
- Margolit J. I. Sovetskoye kinoiskusstvo. Osnovnyye etapy stanovleniya i razvitiya. (Kratkii ocherk istorii khudozhestvennogo kino). *Kinovedcheskiye zapiski*, 2004, no 66, pp. 125–208. (In Russ.)
- Margolit J. I. Pamiati Nikolaia Mashchenko. *V ozhidanii otveta. Otechestvennoye kino: fil'my i ikh liudi*. Moscow, Rosebud Publishing, 2019. pp. 191–198. (In Russ.)
- Nelepo B. Projekt Zhilnika. Pro vseh nesushchestvuiushchikh. *Seans*, 2015. Available at: https://seance.ru/articles/zelimir_zilnik/ (accessed: 25.11.2022) (In Russ.)
- Pohrebniak H. P. *Khudozhnie osmyslennia dišnosti u tvorchosti Iurii Illienka*. Avtoreferat diss. kand. Mystetstvoznavstva. Kyiv, 1997. 25 p. (In Ukr.)
- Revunenkov Je. V. Predstavleniya o volosakh (opyt sravnitel'no-tipologicheskogo analiza). *Fol'klor i etnograficheskaya deistvitel'nost'*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 108–113. (In Russ.)
- Štrbac D. Vladimir Popović kao Njegoš '72: O snimanju sovjetsko-jugoslovenske koprodukcije «Živjeti za inat». Available at: <http://www.yugopapir.com/2017/11/vladimir-popovic-kao-njegosh-72-o.html> (accessed: 10.11.2022). (In Serb.)
- TOP 100. Rečynh naikrasychych fil'miv v istorii ukrains'koho kino. Available at: <https://dovzhenkocentre.org/top-100-all> (accessed: 15.11.2022). (In Ukr.)

Received on 01.10.2022

Accepted on 11.12.2022

Информация об авторе:

Вирен Денис Георгиевич,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3680-6028
E-mail: denis.viren@gmail.com

Information about the author:

Denis G. Viren
PhD (Philosophy),
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3680-6028.
E-mail: denis.viren@gmail.com

Гусизм в оценке петербургских славянофилов (из писем И.С. Пальмова В.И. Ламанскому)

© 2023 г. А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

a.v.malinov@gmail.com

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции:
два полюса русского общественно-политического мировоззрения
в философии и культуре XIX–XXI веков».

Аннотация. Статья предваряет публикацию двух писем слависта, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Саввича Пальмова его учителю Владимиру Ивановичу Ламанскому, раскрывающих обстоятельства командировки Пальмова в славянские земли в 1881–1882 гг. Отмечается, что во время командировки Пальмов продолжил собирать материалы по истории гуситского движения в Чехии, обратившись, прежде всего, к работам предшественников и последователей Я. Гуса. Рассматриваются взгляды Ламанского, отразившиеся в его лекционных курсах в Санкт-Петербургском университете, на истоки и характер гусизма. Приводится точка зрения Ламанского, в целом совпадающая с принятой у славянофилов интерпретацией гусизма, как попытки вернуться к преданиям кирилло-мефодиевской (до католической) версии христианства и богослужебной практике православной церкви. Отмечается связь восприятия Ламанским гусизма с его историософской концепцией, согласно которой учение Я. Гуса и войны таборитов были одним из проявлений цивилизационного противостояния романо-германского и греко-славянского миров. Воспроизводятся критические высказывания Ламанского о представителях чешской интеллигенции и современном ему положении чехов, которые привели к конфликту в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. Приводятся некоторые факты, иллюстрирующие характер взаимных отношений двух ученых.

Ключевые слова: история славяноведения, история Чехии, гусизм, славянофильство, Ламанский, Пальмов, греко-славянский мир, панславизм.

Ссылка для цитирования: Малинов Алексей В. Гусизм в оценке петербургских славянофилов (из писем И.С. Пальмова В.И. Ламанскому) // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 120–139. DOI: 10.31857/S0869544X0026711-5

Hussism as Evaluated by the Petersburg Slavophiles (From I.S. Palmov's Letters to V.I. Lamansky)

© 2023. Alexey V. Malinov

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

a.v.malinov@gmail.com

This publication was made possible by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00153, «The Idea of Empire and the Idea of Revolution: Two Poles of the Russian Social and Political Worldview in the Philosophy and Culture of the 19th and 21st Centuries»

Abstract. The article precedes the publication of two letters from the Slavist, Professor of the St. Petersburg Theological Academy Ivan Savvich Palmov to his teacher Vladimir Ivanovich Lamansky, which reveal the circumstances of Palmov's mission to the Slavic lands in the years 1881–1882. It is noted that during the mission, Palmov continued to collect materials on the history of the Hussite movement in the Czech Republic, referring primarily to the works of predecessors and followers of J. Huss. Lamansky's views on the origins and character of Hussiteism, which were reflected in his lecture courses at St. Petersburg University, are examined. Lamansky's point of view, which coincides in general with the Slavophile interpretation of Hussitism as an attempt to return to the traditions of the Cyrillic and Methodius (pre-Catholic) version of Christianity and to the liturgical practice of the Orthodox Church, is presented. The connection of Lamansky's perception about Hussiteism with his historiosophic conception is noted. According to this conception the doctrine of J. Huss and the wars of the Taborites was one of the manifestations of the civilizational confrontation between the Romano-Germanic and the Greek-Slavic worlds. The article reproduces Lamansky's critical remarks about representatives of the Czech intelligentsia and the contemporary situation of the Czechs, which led to the conflict in the St. Petersburg Slavic Benevolent Society. Moreover, some facts illustrating the nature of mutual relations between the two academics are presented.

Keywords: history of Slavic studies, history of Bohemia, Hussiteism, Slavophilism, Lamansky, Palmov, Greco-Slavic world, Pan-Slavism.

For citation: Alexey V. Malinov. Hussism as Evaluated by the Petersburg Slavophiles (From I.S. Palmov's Letters to V.I. Lamansky) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 4. P. 120–139. DOI: 10.31857/S0869544X0026711-5

Среди учеников В.И. Ламанского Иван Саввич Пальмов (1856–1920) занимает особое место, поскольку он фактически стал приемником Ламанского по отделению русского языка и словесности в Академии наук. Еще в конце 1913 г. Пальмов был избран экстраординарным, а в 1916 г. — ординарным академиком. Собственно «ученичество» Пальмова у Ламанского было непродолжительным. Готовясь занять кафедру истории славянских церквей в Санкт-Петербургской духовной академии, он в 1880–1881 гг. был командирован на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где занимался под руководством Ламанского, который и предложил ему в качестве диссертации тему «Вопрос о Чаше в гуситском движении». Выбор Ламанского в качестве руководителя диссертации не был случайностью. Вместе с И.И. Срезневским Владимир Иванович заложил основы славяноведения в Санкт-Петербургском университете. И.И. Срезневский умер в начале 1880 г. и пока в том же году на

освободившуюся вакансию не был приглашен И.В. Ягич, Ламанский оставался единственным ординарным профессором кафедры славянской филологии. С 1872 г. он также преподавал славянские языки в Санкт-Петербургской духовной академии, где, вероятно, и состоялось его знакомство с Пальмовым, окончившим ее в 1880 г. Пальмов не избалован вниманием современных исследователей. Пожалуй, лишь в работах Л.П. Лаптевой дается наиболее обстоятельное изложение творчества и биографии отечественного слависта [Лаптева 1990; Лаптева 1997; Лаптева 1998; Лаптева 2005; Лаптева 2007; Лаптева 2011; Лаптева 2014; Lapteva 1976; Lapteva 1980]. В статье Г.В. Бринзей «Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмова (1856–1920)» приведен обзор сохранившейся корреспонденции ученого, в том числе и его писем Ламанскому [Бринзей 2018].

После успешной защиты магистерской диссертации Пальмов продолжил исследования по истории гуситского движения. С этой целью он в 1881 г. оправился в заграничную командировку, следуя составленной для него Ламанским инструкции¹ и надеясь найти новые материалы о предшественниках и последователях Я. Гуса. Интерес славянофилов, к которым относил себя Ламанский, к учению Я. Гуса и его сподвижникам оправдывался, во-первых, тем что гуситское движение и вызванные им последствия представляли собой один из самых ярких эпизодов истории западного славянства, т.е. показывали, что у славян есть своя история, достойная изучения, а во-вторых, славянофилы усматривали в идеях и практике гуситов возвращение к традиции православной церкви. Ламанский, так же как Е.П. Новиков, А.Ф. Гильфердинг и некоторые другие славянофильствующие исследователи, был готов видеть в гусизме возрождение кирилло-мефодиевских обрядов и богослужебной практики православной церкви.

Сам Ламанский не оставил крупных работ о гусизме, но постоянно обращался к идеологии и истории этого движения в своих лекциях. В разные годы он читал в университете многочисленные курсы по чешской истории, литературе и языку, большая часть которых пришлась на 1880-е годы, т.е. когда Пальмов приступил к своим исследованиям. Так, 2 декабря 1881 г. он писал И.С. Аксакову: «Обо мне, говорите, ни слуху, ни духу. Дело в том, что лекции и приготовления к ним занимают много времени. Читаю Чехию и Польшу в XV–XVI в. Приходится много читать всякого рода старья»². По настоянию Ламанского чешский язык стал обязательным для изучения студентами-филологами в Петербургском университете.

Представление о взглядах Ламанского на историю Чехии, в частности, на его интерпретацию личности и учения Я. Гуса дает курс лекций, изданный литографским способом, «Записки о истории славян Венгрии и Чехии», читавшийся в университете в 1878/1879 учебном году. Необходимо отметить, что в то же время Ламанский работал над циклом статей «Новейшие памятники древне-чешской литературы», печатавшихся в «Журнале министерства народного просвещения», в которых он опровергал подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей. К сожалению, цикл статей не был завершен, хотя по объему мог бы составить отдельную монографию. В разделе по истории Чехии Ламанский главным образом уделял внимание двум фигурам: Я. Гусу и Я.А. Коменскому, в деятельности которых готов был видеть воплощение «славянской идеи».

¹ СПбФ АРАН. Ф. 105. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1об.–2.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 163об.

В различные периоды истории в славянском мире, полагал он, последовательно заявляли о себе разные славянские народы. В XV в. это были чехи, затем инициативу перехватили поляки, в XIX в. у русского народа в политическом и культурном отношении не стало конкурентов среди славян. «Современные западные славяне, — отметил Ламанский, — очень кичатся своей старинной образованностью, но при этом забывают, что все сделанное ими в XV—XVII ст. не было особенно самостоятельно, в трудах их мы находим мало славянского; исключение составляют одни чехи и то во время Гуса, в это время они стоят выше всех славян и только в этом революционном движении проявилась действительно славянская национальность и идея»³. Более того, по его словам, современные чехи «так сказать не доросли до того, чтобы понять его», даже Ф. Палацкий «не умеет оценить Гуса»⁴. Он не свободен от протестантской точки зрения, хотя и старается «никого не обидеть»⁵. Главный недостаток Ф. Палацкого, по мнению Ламанского, состоял в том, что тот «не имел достаточной степени свободы историка, чтобы сказать прямо»⁶ о православных преданиях в чешской церкви: «Раз Палацкий и вся эта чешская партия (старочехи) задалась желанием не возбуждать против себя аристократии, то понятно, что они должны были сделать уступку: тут была своя цензура, чтобы не раздражить как-нибудь пана или епископа. Затем у Палацкого другая дочь Тома, которую он любил, с которой занимался, когда овдовел, была очень умна и отчаянная ультрамонтанка: это имело на Палацкого большое влияние. Сверх того, Палацкий не любил России, смотрел на русских несколько свысока»⁷. Современная ему чешская аристократия не отличалась патриотизмом, поэтому не смогла оценить по достоинству историческое значение Я. Гуса. «Главное то, что они плохие славяне и не важные чехи, — отметил Ламанский в лекции. — Что же это, в самом деле, за чехи, которые исключают из своей истории гуситское время? [...] Аристократы чешские суть отчаянные поклонники Папы, многие из них желают восстановления светской власти Рима и ненавидят Италию»⁸. Усиление католического влияния в Чехии означало и онемечивание самих чехов, сопровождалось утратой народности. В итоге ученый пришел к выводу, что «только в России наука может беспристрастно относиться к Гусу и оценить его»⁹.

Взгляды Ламанского на причины гуситского движения коренились в его историософии, согласно которой в Европе происходила борьба двух цивилизационных миров — греко-славянского и романо-германского — частным проявлением которой выступал гусизм и войны таборитов. Гусизм, полагал он, не был чисто чешским движением, это «результат всей предыдущей борьбы Востока с Западом, славянства с германизмом»¹⁰. При этом Ламанский не отрицал религиозные истоки гусизма: эсхатологические ожидания, недовольство римской церковью, вопрос причастия и др. «Это было, так сказать, восстание народа против аристократических введений в церковь», — отметил он на лекции¹¹. Однако церковные вопросы, сближавшие гусизм с позднейшим протестантизмом, не были определяющими, хотя недовольство Римско-католической

³ Ламанский В.И. Записки о истории славян, 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 41.

⁶ Там же, 43.

⁷ Там же, 44–45.

⁸ Там же, 44.

⁹ Там же, 2–3.

¹⁰ Там же, 3.

¹¹ Там же, 29.

церковью в Чехии, безусловно, присутствовало. По словам Ламанского: «Затем в первой половине XVI в. указывается на то, что в Чехии раньше, нежели в Англии и Германии было, между прочим, сильное возбуждение разными сомнениями в правильности того, чему учит римская церковь, и сильное недовольство существующими отношениями к римской курии»¹². Он считал, что гусизм в известной степени предвещал движение протестантизма, он «имел большое влияние и на эпоху реформации»¹³, однако был вполне самостоятельным и имел предшественников в лице Конрада Вальдгаузера, Яна Милича, Матвея Яновского, Николая де Лаку, Фомы Щтитного.

Ламанский старался не говорить прямо о православных симпатиях гуситов, предпочитая другие выражения, например, «влияние воспоминаний прежней славы»¹⁴, т.е. отсылал к традициям кирилло-мефодиевской церкви. «Чехам, — отметил он, — хотелось быть членами церкви, покоящейся на авторитете предания, за исключением из католицизма всего, противоречащего первобытному вселенскому христианству, как-то: непогрешимость пап, причащения под одним видом хлеба, аристократического и светского характера иерархии и т.п.»¹⁵. Еще Иероним Пражский «приводил учение Гуса в связь с древнею славянскою церковью в Чехии»¹⁶. Ламанский указывал, что старочешские и моравские братья в XVII в. схожим образом оценивали гуситское движение. Об этом же писали П. Странский и Я.А. Коменский, хотя, по мнению историка, приводимые ими факты бездоказательны и «должны быть отвергнуты», но «мнения их не теряют значения. Важны не факты, которые они приводили в доказательство, но важны субъективные отношения их к доказательствам»¹⁷. Сам Ламанский приводил свидетельства, которые, как он полагал, иллюстрировали симпатии к грекам и православным у гуситов. Так, на Базельском соборе чехи и гуситы настаивали на признании греческих епископов, вели переговоры с константинопольским патриархом о том, чтобы «получить от него епископов и священников». Флорентийская уния, казалось, давала такую возможность, но падение Византии ее перечеркнуло. Тем не менее Ламанский упомянул о наличии в то время у чехов епископов, поставленных без назначения Римским папой, указывал на то, что чехи разделяли учение об исхождении Св. Духа только от Бога Отца. Все это, по его мнению, свидетельствовало о знакомстве чехов в XIV в. с православием. Православная традиция «удерживалась» у них до XI в., память же о ней сохранялась и в XII–XIII вв. Более того, по словам Ламанского, «все почти протесты, все почти движения религиозные против Рима были некоторым образом под влиянием восточной церкви»¹⁸.

Одну из причин отрицательного отношения к Я. Гусу на Констанцском соборе Ламанский усматривал в том, что большинство членов собора были номиналистами, в то время как Я. Гус придерживался точки зрения реализма. Связывая национальную борьбу с религиозной, он говорил в лекциях о начале гуситского движения: «Тут выступает идея мести за смерть магистров (Яна Гуса и Иеронима Пражского. — А.М.) и идея борьбы с врагами Божьего

¹² Там же, 40.

¹³ Там же, 99.

¹⁴ Там же, 45.

¹⁵ Там же, 104.

¹⁶ Там же, 45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 50.

закона и славянского племени»¹⁹. В лекциях Ламанский не мог удержаться от широких историософских параллелей, в частности, указывая на типологическое сходство Я. Жижки с Д. Гарибальди или даже сопоставляя последствия гуситских войн с мыслью славянофилов о необходимости собственного пути развития. Как в Чехии в XV в. это было достигнуто путем вынужденной изоляции, так и для России может быть не бесполезно временное отрешение от Европы. Отчуждение чехов в XV в. от остальной Европы, полагал Ламанский, имело громадное значение: «С чехами не хотели знаться, и наука падала вследствие этого; но зато чехи выиграли в смысле оригинальности и творчества идей. След[овательно,] это отчуждение было даже полезно для чехов в отношении сочности, содержательности, внутренности. У нас в литературе была высказана замечательная мысль *Веневитиновым* (в цитатах здесь и далее выделено в источнике. — А.М.), молодым поэтом-философом, в таком же смысле. Он сказал, что мы (Россия) на время должны отрешиться от Европы и обдумать то, что нами воспринято от Запада. Чехи отделение получили и нельзя сказать, чтобы это было очень вредно. Если что чехи и сделали, то это сделано гуситами и Коменским»²⁰. Залог успехов гуситов состоял в их военном превосходстве, которое позволяло эффективно противостоять половине Европы, обрушившейся на маленькую Чехию. «Чехи выиграли много сражений благодаря воодушевлению, новому роду войны, неизвестному для других народов, большому употреблению и лучшему владению огнестрельным оружием и наконец благодаря быстроте походов», — отмечал Ламанский истоки военных побед таборитов²¹. Однако значение гуситского движения для чехов состояло не в ратных подвигах, а в «наиболее полном проявлении чешской народности», которое и сказалось в творческом подъеме народа, в его оригинальной деятельности, о которой упомянул русский ученый, поскольку «основное условие развития науки, искусства, образования Ламанский видел в национальности этих процессов, вырастающей из их народности. Мировая история искусств, подчеркивал он, раскрывает теснейшую общность народного и личного художественного творчества» [Саприкина 2010, 261].

Ламанский не был первым, кто отстаивал мысль о сбережении православных преданий в Чехии, повлиявших на гусизм. В отечественной историографии, как он отметил, об этом писали В.А. Елагин и Е.П. Новиков, а в Германии протестантский историк Л. Круммель, признававший сохранение в Чехии традиции церкви Кирилла и Мефодия²². Со своей стороны Ламанский приводил современные свидетельства православных симпатий у чехов²³. Необходимо отметить, что славянофилов в чешской истории и литературе интересовали прежде всего памятники древней словесности, которые указывали бы на возможное единство славян, и следы православия, которые как раз пытались найти в гусизме. Славянофильский журнал «Русская беседа» охотно печатал чешских авторов: В. Ганку, Л. Риттерсберга, К.Я. Эрбена. Ламанский видел в распространении взглядов на гусизм как антикатолическое направление политическую цель сближения с Россией. Об этом он, в частности, писал Ф.Л. Ригеру 1 июля 1876 г., указывая на задачу «из соображений чисто политических питать и развивать в себе и в народе старые, добелогорские,

¹⁹ Там же, 95.

²⁰ Там же, 110–111.

²¹ Там же, 101.

²² Там же, 42–43.

²³ Там же, 48–49.

братские и гуситские предания и воззрения на христианство, на Рим и т.д. В этом вся суть дела. Только тогда чехи приобретут вновь великое важное значение и тогда, поверьте, весь русский народ станет за Вас горою» (цит. по: [Ровда 1978, 53]). Полемизируя с чехами, он признавался, что «мы особенно любим Чехию с 1409 по 1620 г., когда она была всего менее римско-католическою, но и не православною»²⁴. Деятельность и творчество Я. Гуса, П. Хельчицкого и Я.А. Коменского Ламанский считал высшим достижением чешского народа. Недаром в лекциях он прежде всего уделял внимание этим трем фигурам. В письме А. Патере 19 мая 1865 г. он признался: «Надо быть слишком немцем... или иезуитом, чтобы осмелиться дурно говорить о Гусе, Хельчицком, Коменском» (цит. по: [Ровда 1978, 170]).

Первое из публикуемых писем Пальмова не случайно начинается с упоминания А. Патеры, близкого друга Владимира Ивановича. Ламанский познакомился с Адольфом Патерой еще в 1862 г. во время своей первой заграничной командировки и поддерживал с ним близкие, доверительные отношения до конца жизни чешского ученого, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Первое упоминание Ламанским А. Патеры встречается в письме родителям из Праги 7 июня 1862 г.: «Другой мой самый близкий мой знакомец и приятель, молодой чех, лет 23, только что ныне сдающий экзамен в университет. По всей вероятности, он займет здесь кафедру славянских литератур. На этого Патеру надо возлагать большие надежды, из него может выйти нечто вроде Шафарика. Он хорошо говорит по-польски, отлично изучил лужичан, посреди которых прожил 3 месяца, знает и говорит по-русски, как не многие из наших немцев. Сын простого мужика, этот Патера, при всей своей учености, сохраняет всю прелесть того добродушия и наивности, которым отличается крестьянин вообще, славянский в особенности. Трудно Вам описать его ласки и его предупредительность. Он знает многих русских, Лавровского, Ровинского, Троянского, Петровского с женою, который недавно только выехал из Праги. Этот Патера много читал по-русски, очень любит Хомякова, постоянно читает “День”»²⁵. Уже через месяц Ламанский жил в деревне Гудлицы, на родине А. Патеры, в доме его отца и также сообщал об этом родителям 9/21 июня 1862 г.: «Другой его сын Адольф, мой приятель – будет в чехах вторым гудлицким Юнгманом. Он будет профессором славянских наречий в Пражск[ом] унив[ерситете] и профессором прекрасным»²⁶. Практически всех своих учеников, уезжавших в Чехию, Ламанский впоследствии направлял к А. Патере, о чем многие ему потом писали с благодарностью. Так, А.С. Будилевич известил своего учителя из Праги в 1868 г., что в Чешском музее вручил А. Патере «верительные грамоты», а затем признался: «А славный человек Патера. Так скоро с ним сходишься на короткую ногу»²⁷. Т.Д. Флоринский в недатированном письме, написанном во время командировки, написал: «Патера по обыкновению был очень мил. Он с успехом продолжает свои поиски за старыми рукописями и нынешним летом нашел несколько любопытных памятников XIV в., которыми думает воспользоваться для защиты Краледворской рукописи»²⁸.

²⁴ Ламанский В.И. Замечания, 17.

²⁵ Документы к истории славяноведения в России, 36–37.

²⁶ Там же, 39.

²⁷ СПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 6.

²⁸ СПБФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447. Л. 141–141об.

Ламанский нередко давал своим студентам близкие исследовательские темы. Не стал исключением и Пальмов. Среди учеников Владимира Ивановича работы по истории чешской реформации написали Ю.С. Анненков, В.Э. Регель и Н.В. Ястребов. Не все из учеников разделяли славянофильские установки Ламанского. Л.П. Лаптева отметила, что в магистерской диссертации Пальмов критически отнесся к мысли о православном характере учения гуситов: «Он не отождествлял гусизм с православием и считал, что чешская Реформация была одного происхождения с западноевропейскими реформационными движениями. Она возникла по тождественным причинам, но проходила в ином направлении, имела свой особый характер, возможно под влиянием восточного кирилло-мефодиевского православия. Тезис о сохранении в Чехии постоянного стремления к соединению с греко-православной Церковью не может, по мнению Пальмова, быть принят категорически как несомненно доказанная историческая действительность. [...] Пальмов признавал только, что это движение апеллировало как к идеалу к апостольской Церкви и, таким образом, к основам Церкви православной» [Лаптева 2007, 200]. В последующих работах он с большим пониманием отнесся к славянофильской интерпретации гусизма, что позволило Л.П. Лаптевой назвать его концепцию эклектической. Возможно, на изменение взглядов Пальмова оказала влияние его командировка в славянские земли. По крайней мере, его письма Ламанскому показывают, каким образом происходила эволюция взглядов молодого ученого, как новые материалы меняли его представление на характер учения Я. Гуса и его последователей. Для Ламанского гусизм не стал главной темой славяноведческих исследований, а часто использовался лишь для подтверждения историософских обобщений ученого. Мнение о православном характере гуситского движения уже в те времена подвергалось сомнению, а последующими учеными было и вовсе отвергнуто; оно осталось, пожалуй, лишь в качестве одного из исторических мифов, порожденных славянофилами [Краснова 2019, 69]. Пальмов же, напротив, был более осторожен в выводах, предпочитая работать с новыми архивными материалами и редкими источниками, только на основе которых и приходил к корректировке существующих оценок гуситского движения.

В одном из писем Пальмов также сетует на польские интриги и преследование со стороны австрийских властей, заставившее его преждевременно покинуть Прагу. Поездка Пальмова совпала с процессом А.И. Добрянского, его дочери О. Грабарь и некоторых деятелей русинского движения в Галиции, которых обвиняли в государственной измене, т.е. «панславистической пропаганде» с целью отделения Галиции, Угорской Руси и Буковины от Австро-Венгрии. С этого судебного процесса, завершившегося в 1882 г., началось преследование русского движения в Австро-Венгрии. Пальмов, прибывший во Львов 8 ноября 1881 г., прожил там пять недель, занимаясь под руководством А.И. Добрянского и А.С. Петрушевича в архивах Ставропигийского университета и князей Оссолинских. Предубеждение местной администрации к русским ученым, занимавшимся славянской тематикой, было связано с ее политизацией. Л.П. Лаптева справедливо заметила, что «события в славянском мире, как правило, активизировали изучение этого мира» [Лаптева 2014, 85]. Заграничные командировки Ламанского, например, нередко сопровождалось подобными подозрениями, которые, скорее всего, не всегда были обосновательными. По крайней мере, сохранились свидетельства, указывающие на то, что во время поездок за границу Владимир Иванович мог выполнять тайные поручения российских властей. Так, ученик Ламанского И.И. Соколов,

живший в качестве домашнего учителя в семье гр. Н.П. Игнатьева в имении русского дипломата в деревне Круподерницы Киевской губернии, спрашивал своего учителя в письме 19 июня 1878 г.: «Интересуюсь очень подробностями Вашей миссии в Вену и Прагу, о которой сообщил мне Н. П., сказав только, что она б[ыла] вполне удачна — Вы сделали все, что нужно. Жаль только, что все это теперь — ни к чему, по крайней мере до поры до времени. Н[иколай] Павлович справедливо видит в Вас вожака панславистов — в лучшем смысле слова — среди ученых славян. При теперешнем М[инистерст]ве ничего нельзя поделать и воспользоваться добрыми услугами знатоков славянства. М[инистерст]во радо было бы, чтобы все эти славяне куда-нибудь провалились»²⁹. О каком поручении Н.П. Игнатьева накануне Русско-турецкой войны идет речь точно неизвестно. Однако в одном из писем И.С. Аксакову 30 июня 1878 г. Ламанский извещал своего адресата, что представители Генерального штаба обращались к нему, чтобы воспользоваться его контактами в славянских землях Австро-Венгрии для получения разведывательной информации. Владимир Иванович и сам предлагал Министерству иностранных дел услуги в качестве консультанта по славянским делам, но получил отказ, на который намекает И.И. Соколов в письме, ссылаясь на Н.П. Игнатьева. Активность Ламанского в эти годы была вызвана общественным возбуждением, охватившем русское общество в канун Балканского кризиса. Впрочем разочарование в российских чиновниках не заставило себя ждать и уже 8 марта 1878 г. ученый писал И.С. Аксакову: «Я уже давно дал себе заказ не ходить на совет нечестивых и держу себя от всего этого мира как можно дальше. И всякий раз, как по собственной слабости или по неволе нарушаю это правило, только потом себя браню и упрекаю»³⁰.

К середине 1880-х годов у Ламанского стало нарастать разочарование в перспективах панславизма, приведшее в конце 1880-х годов к разрыву с националистически и панславистски настроенными членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Поводом послужили статьи Ламанского «Западный, славянский вопрос» и «Восточный, славянский вопрос», опубликованные в редактировавшихся им «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Уже в свой первый приезд в Прагу в 1862 г. Ламанский писал родителям: «Я очень люблю чехов, но Вы не поверите, как надо суживаться русскому, сколько ему надо заглушить в себе вопросов и требований, чтобы сочувствовать здешним славянским интересам, вполне окунуться в эту жизнь и ее интересы. Чехи очень хорошо образованы, но Россию знают очень дурно, проще совсем ее не понимают, а между тем толкуют о ней свысока. Исправлять их взгляд нельзя, потому что пришлось бы толковать им, как мало в них славянского духа, как мелочны их вопросы и интересы сравнительно с нашими. Понять иного они теперь не в состоянии и только бы обиделись. Немцы-колбасники обращаются здесь с нашими почти также, как во времена Бирона, только наружно деликатнее. А они еще вкривь и вкось толкуют о России»³¹. По результатам заграничной командировки Ламанский опубликовал серию статей, в одной из которых признался, что «чехи и словинцы сильно онемечены и кроме языка мало сохранили характеристических особенностей славянских»³². Постепенно ученый пришел к выводу,

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 27об.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 124–124об.

³¹ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 19об.

³² Ламанский В.И. Из записок о славянских землях, 652.

что славян-католиков следует исключить из возможного всеславянского объединения, в основе которого должны лежать прежде всего духовные факторы — по его мысли, общий литературный, научный и дипломатический язык. 14 февраля 1884 г. он выступил в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе с речью, в которой повторил свое давнее наблюдение об онемечивании австрийских славян, вызвавшее возражения со стороны И. Шумована, опубликовавшего в «Известиях» общества статью «Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно-славянских вопросах»³³. Ламанский реагировал на критику в свой адрес на страницах того же издания³⁴, уточняя, что использование народного языка еще не является признаком культурного развития и цивилизационной зрелости, а только оригинальность высказываемых на нем мыслей, самостоятельность творческой деятельности, чего лишена чешская интеллигенция. 25 сентября 1885 г. он поделился своими соображениями с И.С. Аксаковым: «Чем меньше будет славян-католиков в первом славянском союзе, тем лучше для него. Славяне-католики больше принесут помощи славянству, если попадут пока в союз немецкий»³⁵. В 1887 г. в статье «Западный, славянский вопрос» Ламанский продолжил критику чехов: «Своим духовным строем и бытом, своими нравами и обычаями чехи до того уклонились от прочего славянства, что в союзе с ним они были ему, особенно благодаря своей аристократии, скорее вредны, чем полезны. Разумеется более или менее ближайшее будущее»³⁶. Он предлагал не рассматривать чехов и словенцев как часть славянского мира, поскольку они больше тяготеют к немцам, католицизму, а не славизму. Обида и обвинения со стороны чехов и некоторых членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества не заставили себя ждать. В результате начавшейся полемики Ламанский оставил редактирование «Известий» и во многом отстранился от деятельности Общества (см. подробнее: [Медоваров, Снежницкая 2019]). В скором времени он перенес свою активность в этнографический отдел Русского географического общества и с 1890 г. стал издавать журнал «Живая старина».

Аргументы оппонентов не убедили Ламанского, который делал выводы, основываясь не на романтических иллюзиях панславизма, а на знании реального положения западных славян. В письме К.Я. Гроту 23 марта 1890 г. он выразился еще более резко: «Чехи не как народ, а как политический фактор, чехи-деятели, что младо-чехи, что старо-чехи для нас Русских да и для большинства даже австрийских Славян — решительно не одно и то же и добра от них мало. Даже Масарик, которого считал меньше других Чехом — оказывается такую же дрянью, как и Ригер. Погодите еще, что выйдет из них через год, через два»³⁷.

Сомневался Ламанский и в православных симпатиях чехов, что подтверждали и наблюдения учеников. Например, А.Л. Петров писал ему из Праги 14 августа 1889 г.: «Что касается религиозных вопросов, то о распространении православия среди чехов, вероятно, очень долго и думать нельзя. Дворянство — ультракатолическое, средний интеллигентный класс совершенно равнодушен к вере. И история чехов, и западное влияние, и сильная национальная борьба совершенно, кажется, их лишило способности веровать и заглушило к этому стремление. Если у кого и есть сочувствие к православию, то лишь из национальных видов. К тому

³³ Шумаван И. Голос чеха, 11–16.

³⁴ Ламанский В.И. Замечания, 16–19.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 199–199об.

³⁶ Ламанский В.И. Западный, славянский вопрос, 533.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 14об.

же они православия не знают, да и не интересуются его сущностью. Притом и с нашей стороны — большинство проповедующих православие, смотрят на него, как на средство охранения национальности славянской. А чтобы вызвать веру — нужна горячая вера — без всяких посторонних расчетов»³⁸. А.Л. Петров констатировал религиозный индифферентизм чешского народа, распространение социалистических идей среди рабочих, которые Ламанский и сам мог видеть во время заграничных командировок. Впрочем, Ламанского никогда нельзя было отнести к недоброжелателям чешского народа, что позволило А.А. Шахматову справедливо заметить в некрологе русскому ученому: «С горячей симпатией относился В.И. Ламанский к чехам, восхищался их плодотворными усилиями, приведшими к восстановлению их в одно время застывшего национально-го развития; но ему претят ультракатолические симпатии старочешской партии и слишком настойчивое стремление всех вообще чешских политических партий воскресить чешское королевство в прежних его правовых отношениях; напоминая чехам, что их королевство было неразрывною частью Германской империи, В.И. Ламанский надеется (так в тексте. — А.М.), что чехи обратят большее внимание на свои народные, этнографические интересы и откажутся от онемеченных северных окраин Чехии»³⁹.

Едва ли Ламанского можно упрекнуть в непоследовательности и противоречивости. Он прожил долгую жизнь, его взгляды менялись в зависимости от перемен в самой жизни, политических событий, новых вызовов, которые вставали перед славянством и русским государством. Он никогда не был догматиком, строго следующим заученным правилам. Эволюция представлений Ламанского на славянство объясняется обстоятельствами его жизни, знакомством с реальным положением в славянских землях и постепенным формированием его историософского учения, в котором он уклонялся от окончательного ответа на вопрос о политической конфигурации славянского единства. Еще А.Н. Пыпин отнес учение Ламанского к культурному панславизму. Однако Владимир Иванович прекрасно сознавал, что славяне не смогут заявить о себе как всемирно-историческом народе и славянская культура не сможет достичь уровня мировой культуры, если они будут политически разобщены. Он считал, что маленькие славянские государства, могут породить лишь провинциальную культуру, и быстро подпадут под влияние других, более сильных в политическом и культурном отношении государств. Чтобы избежать этого, славяне должны объединиться в христианскую империю, которую он понимал не как способ правления (ранние славянофилы воспринимали самодержавие как воплощение законности, последовательное проведение которой способно привести к «растворению» монархии в «общинном народном государстве» [Матвеева, Евлампиев 2022, 137]), а в качестве пластичной цивилизационной формы (см.: [Малинов 2023]).

В отличие от своего учителя Пальмов был больше историком, не стремящимся к широкому историософским обобщениям. Публикуемые письма лишь отчасти открывают обстоятельства их взаимных отношений. В фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранилось 35 писем, две открытки, одна записка, а также три визитные карточки Пальмова (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 1–6). Значительная часть из них представляет краткие сообщения, которые носят, преимущественно, деловой характер. Содержательное

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 38.

³⁹ Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский, 1347–1348.

общение двух ученых происходило помимо почтового ведомства. Они имели возможность обсудить интересующие их вопросы при личных встречах на субботних журфиксах у Ламанского, в Санкт-Петербургской духовной академии, где оба преподавали, в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. Большинство писем Пальмова были направлены с его домашних адресов: Невский пр. 139, кв. 40 (1894, 1895, 1896); Петропавловская ул. 26; Невский пр. 182, кв. 9. Наибольший интерес представляют два первых письма, написанных Пальмовым во времяграничной командировки.

В документах Ламанского сохранились и другие упоминания Пальмова. Например, посредством своего ученика он пытался приобрести книги по польско-литовской истории из библиотеки покойного М.О. Кояловича. Ламанский долгое время не мог узаконить отношения со своей женой Александрой Ивановной, поскольку ее первый муж не давал развода. Только после его смерти Ламанские смогли сыграть свадьбу. Венчание состоялось 21 апреля 1894 г. в Санкт-Петербурге в Николаевской Чернореченской церкви. Свидетелями выступили С.И. Ламанский, М.И. Белозеров и два профессора Санкт-Петербургской духовной академии: М.И. Каринский и С.И. Пальмов. В том же году Пальмов писал учителю 17/29 ноября 1894 г. из Праги о восприятии в Чехии речи Ламанского, посвященной памяти императора Александра III. «Статьи представляют собою пересказ содержания Вашей речи с некоторыми комментариями. [...] Чехи — конечно — имеют против Вас еще издавна несколько возражений», — отметил он, намекая на давнюю полемику Ламанского с чешской интеллигенцией⁴⁰. В недатированном письме Ф.И. Успенскому, относящемуся, скорее всего, к 1911 г., Ламанский сетовал на одиночество и признавался, что из своих учеников видится только с Н.В. Ястребовым и И.С. Пальмовым⁴¹.

Письма Пальмова публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения и лакуны в тексте восстановлены в квадратных скобках.

Приложение

ПИСЬМА И.С. ПАЛЬМОВА В.И. ЛАМАНСКОМУ

1

30 марта / 11 апреля 1882 г.

Прага.

Христос воскрес,

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

От души посылаю Вам со всем Вашим семейством всевозможнейших наилучших пожеланий.

Простите, что так долго я не писал Вам, даже в то время, когда вместе с Адольфом Осиповичем Патерой⁴² отправлял к Вам нашу совокупную книжную посылку. Стыдно сознаться в причине моего продолжительного молчания, хотя эта причина так распространена и общеизвестна, что Вы и без моего «сознания» предполагаете ее... Но чтобы не взваливать на лень всю вину, часть этой последней я приписываю тому распорядку времени, который я практикую по отношению к своим ежедневным занятиям в пражских библиотеках

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 33об.—34.

⁴¹ СПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 3.

⁴² Патера Адольф (1836—1912) — филолог, библиотекарь Чешского национального музея в Праге, один из ближайших друзей В.И. Ламанского.

и архивах. Так как я заговорил о библиотеках и архивах, то считаю долгом известить Вас о своих поисках в этом отношении.

Прибывши в Прагу, я принялся прежде всего читать Милича⁴³. В 3-х томах «*Postilla*», прочитанных мною по возможности сполна и внимательно, я заметил одну характерную местную особенность проповеди Милича. Это нравственное направление его проповеди — с постоянною ссылкой на образец первобытной апостольской церкви, но без специального указания на пример греческой (современной, конечно) церкви. Точно такое же направление и реформаторской деятельности Матвея Яновского⁴⁴, судя по прочитанным мною рукописным статьям соч[инения] «*Begulae Veteris et novi Testamenti*»: отсутствие строгой догматики, чистая христианская мораль с постоянною ссылкой на первобытные времена апостольской церкви, — вот особенность проповеди Матвея Яновского. Я не читал еще рукописных сочинений Фомы Штитного⁴⁵, но печатное издание его сочинений нисколько не прибавляет каких-нибудь новых черт к характеристике реформаторской деятельности предтеч Гуса⁴⁶. Образец для реформы церкви — у всех первобытная апостольская церковь; тоже самое говорили и позднейшие протестанты. На этом основании немецкие ученые (большинство), а за ними и чехи-ренегаты считали предшественников Гуса и самого Гуса предтечами позднейшего протестантизма. Заключение, имеющее за себя достаточно оснований, не имеет, однако, решающего значения. Дело в том, что в решении вопроса о характере чешской реформации нужно обращать внимание не столько на внешние свидетельства, ослабляющие протестантский взгляд на гуситство, сколько на главный принцип, положенный в основу чешской реформации. А этот принцип чешских реформаторов — не протестантское непосредственное отношение верующих ко Христу, а всепроникающее начало христианской любви, которая составляет сущность православия. Прекрасно, хотя и мимоходом, указал эту черту в Гусовом учении Гильфердинг⁴⁷: необходимо подробнее разъяснить этот пункт, и тогда — может быть — современные чехи — (в большинстве аристократы) инквизиторы Гуса перестанут требовать от русских ученых точной документальности и объективности, которой сами не имеют. Что же касается внешних свидетельств в пользу православия гуситства, то, при утрате подобного рода памятников во время иезуитской инквизиции после Белогорской битвы, трудно отыскать их, тем более что они (если предположить, что некоторые из них остались), может быть, тщательно оберегаются ультрамонтанствующими чехами. Впрочем, занимаясь в Праге, мне пришлось напасть на некоторые следы в этом отношении. Недавно, при посредстве А.О. Патеры, получивши позволение просмотреть небольшую коллекцию (неведомую другим) рукописей пражской церкви *zaduši*⁴⁸,

⁴³ Милич Ян (около 1320/25–1374) — чешский богослов и проповедник, автор сочинений «*Postilla a výklady na Ewangelia weyročnj*» и «*Knihu o zarmoucenjch velikých cirkwe swatě, o Antikristowi a gehosedmi ranach*». И.С. Пальмов изучал в Чешском национальном музее трехтомную рукопись Я. Милича на латинском языке «*Sermones Milicii*».

⁴⁴ Матвей из Янова (1350/55–1393) — чешский богослов и проповедник, считается одним из предшественников Я. Гуса.

⁴⁵ Штитный Фома (Томаш) (ок. 1333–1401/09) — чешский писатель, автор первых сочинений на чешском языке.

⁴⁶ Гус Ян (1369–1415) — священник, богослов, ректор Пражского университета, идеолог чешской реформации.

⁴⁷ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) — российский фольклорист, дипломат, славяновед, последователь славянофилов. Автор исследования «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871).

⁴⁸ *Záduši* (чеш.) — духовное завещание, завещание в пользу церкви.

я нашел сборник трактатов *sub utraque*⁴⁹. В одном из таких трактатов говорится, что причастие над обоими видами одобрили греки, бывшие в Праге в мае 1437 года. Указание это новое, до сих пор неизвестное, но, к сожалению, без подробностей и в той рукописи, где оно найдено. Ищу подробности этого указания, но еще не уверен в успехе поисков. Кроме этого указания, читая рукописи XIV и XV вв. на примерное устройство своей церкви времен св. Людмилы и Вячеслава; а просматривая миссалы чешской церкви до конца XIV в., я убедился, что имена святых Кирилла и Мефодия были внесены в святцы только в половине XIV в. Из этого последнего факта, между прочим, я делал вразумление В.В. Болотову⁵⁰, что он слишком преувеличивает латинство Эммауского монастыря, не без влияния которого, может быть, допущены в святцы имена свв. Кирилла и Мефодия⁵¹. — Притом я все усилия [направил] к тому, чтобы отыскать отчет о путешествии в Россию одного из «братьев» в 1490 году; но до сих пор, по крайней мере, напрасно: нет этого отчета даже в Герингуте⁵², хотя отчеты о путешествии на Восток трех других «братьев» есть. Многие весьма интересные для уяснения отношений чехов к Востоку, на что я имею положительные указания, безвозвратно, говорят, погибло. Все это [неразб.] здесь по большей части без малейшей доли участия и сожаления. Говорю о большинстве образованных чехов, а не о тех почтенных исключениях, которые, однако сами, при всем сочувствии к подобного рода вопросам, не могут, по характеру своей специальности, заниматься ими. Вообще наш русский исследователь, занимаясь подобного рода вопросами, одинок в своих поисках. — Как бы то ни было, а в Праге я думаю пробыть еще несколько времени: обретаю не мало интересного для моих занятий материала.

Упомянув об известном способе отношений современных чехов к гуситству, я мог бы указать Вам несколько подробностей в этом отношении. Но думаю, что с характером их Вы уже знакомы; знакомы также и с существующими направлениями чешских политических партий. Что касается ультрамонтанства чехов, то, поддерживаемое здешними иезуитами, немцами и отчасти самими чехами (вроде господ старых Иречков⁵³ и под[обных]), оно постоянно теряет почву в образованном классе чехов и даже в массе народа, разрешаясь у первых индифференцизмом, а у второго (народа) темными симпатиями к своей старой вере времен свв. Людмилы и Вячеслава. Правда, эти симпатии не оттолкнули еще народ от «костела», тем не менее они важны как знамение времени. Выйдет ли что-нибудь из этого, — не знаю. По крайней мере ч[ешское] католическое духовенство поняло важность момента и принимает все усилия к тому, чтобы исказить первоначальную историю своей церкви: интерес народа к памяти свв. Кирилла и Мефодия удовлетворяется содержанием книжек даже не в духе

⁴⁹ Sub utraque specie (лат.) — причастие мирян под двумя видами, т.е. хлебом и вином, на котором настаивали чашники — умеренное крыло гуситов.

⁵⁰ Болотов Василий Васильевич (1853—1900) — востоковед, ординарный профессор кафедры древней церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

⁵¹ И.С. Пальмов не знал о канонизации свв. Кирилла и Мефодия при Карле IV, а также то, что они были в числе патронов Эммаусского монастыря с момента его основания Карлом IV в XIV в.

⁵² Гернгут (гернгутская братская община) — город в Саксонии, основанный в 1722 г., в котором обосновалась община «Богемских братьев». Пальмов сначала в Земском архиве Праги изучал копии документов из архива Общины чешских братьев в Гернгуте, а после вынужденного отъезда из Праги отправился в Гернгут.

⁵³ Пальмов имеет в виду братьев Иречек: Иречек Йосеф (1825—1888) — чешский литератор, чиновник министерства образования, член австрийского парламента, президент Чешской академии наук, отец историка К.Й. Иречка. Иречек Герменегильд (1827—1909), историк славянского права, редактор журнала «Videňsky Denník».

Штроссмайеровских⁵⁴ посланий, а в чисто ультрамонтанском духе, а постепенно восстающий образ Яна Гуса затемняется все еще мифическими рассказами о подвигах Яна Непомуцкого⁵⁵. Пусть либеральные чехи уверяют, что пресловутое ультрамонтанство чехов теперь не существует, — ложь красноречиво опровергается фактами, на которые со всем азартом напускаются сами чехи-протестанты. В свою очередь и эти последние, в борьбе с католицизмом, преследуют ложную цель и с удивительным нахальством записывают Гуса в ряды протестантов, настойчиво убеждая своих адептов распространять о том по все уголкам бывших земель Чешской короны. Грустно смотреть на подобные аномалии... Только вера в их мимолетность облегчает тяжесть переживаемых впечатлений. Перед отъездом моим за границу Вы называли мое настоящее положение счастливым: да; но это счастье получается ценою всевозможнейших беспокойств, волнений, иногда даже отчаянной борьбы и пр. Вы также говорили, что здесь — за границей в особенности я полюблю Россию: исповедую Вам, что полюбил Россию именно там, как никогда еще прежде... Теперь пора заканчивать свое письмо к Вам и прошу Вас дать назначение найденной Вашей суммы, которая осталась у меня от покупки для Вас книг во Львове.

Всею душою преданный Вам
Ваш И. Пальмов.

Низко кланяюсь всему Вашему семейству, а также всем моим знакомым, собирающимся у Вас, молодым славистам.

PS) А. О. Патера предполагает написать Вам письмо на этой неделе.

PPS) Проф. Гаттала⁵⁶ готовит к печати обширную оборону Краледворской рукописи.

2

17/5 июня 1882 г.

Будишин.

Глубокоуважаемый

Владимир Иванович!

Вопреки всем своим расчетам и намерениям пробыть в Праге еще весь июнь месяц, я неожиданно должен был с поспешностью удалиться не только из Праги, но и вообще из Австрии. Фанатическое бешенство поляков, так варварски обрушившееся на многострадальных наших братьев русских, в известной мере коснулось и меня. Тяжелое, почти ничем не гарантированное от польского произвола положение приезжего русского в Галичине, Вам уже известно: подозрительность, разрешающаяся всевозможными экзекуциями, опросами, полицейско-судебными пытками и пр. — все это страшно беспокоит, запугивает и даже убивает энергию и охоту к продолжению научных занятий на месте.

⁵⁴ Штроссмайер Йосип Юрай (1815–1905) — католический епископ, хорватский политический деятель, лидер Народной партии (1860–1873), основатель Юго-Славянской академии наук и искусств в Загребе (1867) и Хорватского университета в Загребе (1874). В 1859 г. направил послание римскому папе Пию IX, в котором предлагал ввести славянское богослужение в хорватских епархиях. В 1876 г. адресовал русскому правительству «Меморандум», в котором предлагал России заключить унию с римско-католической церковью.

⁵⁵ Ян Непомуцкий (ок. 1350–1393) — чешский священник, убитый по приказу короля Вацлава IV и причисленный католической церковью к лику святых в 1725 г. Славянофилы, как и чешские протестанты, полагали, что почитание Яна Непомуцкого появилось, чтобы вытеснить память о Я. Гусе.

⁵⁶ Гаттала Мартин (1821–1903) — словацкий филолог-славист, профессор Карлова университета в Праге, католический священник, автор многочисленных публикаций в защиту подлинности Краледворской рукописи (*Obrana Rukopisu královédvorského*. Praha 1911, 408 s.).

Счастливо вырвавшись из-под надзора и опеки поляков, я спокойно поселился в Праге, регулярно занимаясь своим делом по большей части в библиотеках и архивах. Но польская подозрительность не оставила меня и здесь. Уже давно, почти с самого начала процесса против русских, в польских, а потом и мадьярских газетах стали появляться преднамеренно ложные и фальшивые корреспонденции о панславистских агитациях в Галичине и северной Угрии со стороны «московских эмиссаров», из которых, по их сообщениям, я и И.И. Соколов⁵⁷ им более всех известны — из недавнего прошлого. Несмотря на такие, не совсем безопасные для меня, известия, перепечатаваемые к тому же почти всеми австро-венгерскими и, в частности, пражскими газетами, я сперва мало обращал внимания на очевидно вымышленную ложь; и только после появления в «Деннике Польском» будто бы определению (?) львовского уголовного суда о задержании меня и др. мнимых «московских эмиссаров», я решился, во избежание всяких неприятностей, перешагнуть границу Австро-Венгрии и направился в Саксонию — к лужичанам. Лужичан я хотел посетить уже после окончания своих занятий в Праге, но неприятный случай привел меня сюда раньше предполагаемого срока. Теперь, как видите, я в Будишине: Смоляра⁵⁸ не застал, но в обществе его сотоварищей и друзей (Горника⁵⁹, Муки⁶⁰, Фидлера⁶¹, Шольте⁶² и др.) нашел радушнейший братский прием. Готовности их помочь мне в занятиях, искренности и чисто славянского гостеприимства я никогда не забуду и считаю своим долгом передавать об этом при всяком удобном случае.

Все — как один — говорят, что, хотя их мало количественно, однако им страшно хочется жить славянскою жизнью, — что в них очень живо бьется славянское чувство. В искренности их заявлений я не сомневаюсь: при личном знакомстве с их народными деятелями я легко мог понять одушевлявшие их славянские чувства и желания. Но, при этом, все в большом унынии, что им беспомощным все другие братья-славяне почти отказывают в помощи, — всю надежду возлагают на русских. А помощь им крайне нужна: иначе грозит полнейшая германизация, охватывающая их со всех сторон. Поездка Смоляра в Р[оссию] вызвана самыми насущными потребностями сербо-лужицкого народа: для успеха народного дела необходимо иметь им собственный дом, в котором бы удобно могли разместиться все их народные институции. Настоящий

⁵⁷ Соколов Иван Иванович (1852–1902) — славист, ученик В.И. Ламанского (окончил Санкт-Петербургский университет в 1876 г.), редактор «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (1883–1885), с 1885 г. член совета общества, казначей, член издательской комиссии. С 1883 г. секретарь Святейшего синода, с 1896 г. член училищного совета и заведующий канцелярий совета при Синоде; член редакции «Церковных ведомостей». Брат известного слависта Матвея Ивановича Соколова (1854–1906). В 1881 г. был в командировке с научными целями в Галиции и Венгрии. По итогам поездки опубликовал статью «Мукачевская псалтырь XV в.» в «Сборнике статей по славяноведению, составленном и изданном учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности» (СПб., 1883).

⁵⁸ Смолер Ян Арношт (1816–1884) — деятель лужицкого национального возрождения, филолог, один из организаторов «Матицы сербской» (1847), редактор и издатель газеты «*Serbske Nowiny*» (1853–1869) и журнала «*Lužičan*». В 1882–1883 г. приезжал в Россию по делу о постройке «Матичного дома» или «Сербского дома» в Будишине, в котором размещалось лужицкое литературно-научное и культурно-просветительское общество — Матица сербская.

⁵⁹ Горник Михал (1833–1894) — серболужицкий филолог, публицист, историк, с 1882 г. председатель общества «Матицы сербской».

⁶⁰ Мука Арношт (1854–1932) — серболужицкий общественный деятель, педагог, редактор «*Časopis Mačicy Serbskeje*» (1884–1932).

⁶¹ Фидлер Карола Август (1835–1917) — серболужицкий общественный деятель, педагог, поэт, музыкант.

⁶² Шолта — серболужицкий культурный деятель.

убогий дом «Матица», занимающий очень хорошее положение в Будишине с достаточным количеством принадлежащей ему земли, далеко не удовлетворяет самым даже первым потребностям «Матицы». Теснота помещений делает то, что не только не существует комнаты для собрания членов «матицы» (которые странствуют для своих [неразб.] сессий, по гостиницам Будишина), но нет даже помещения (более или менее удовлетворительного) для библиотеки и склада книжных изданий «Матицы». Неудобства эти Вы, может быть, очень хорошо представляете и понимаете также, как туго при таких условиях может продвигаться народное дело — без центра, внешних удобств, при внутренних общественно-политических стеснениях господствующей партии, при ничтожных материальных средствах и пр. А энергии, инициативы у здешних народных деятелей достаточно, по крайней мере, не меньше, чем у других более многочисленных славян, которые забыли этот симпатичный славянский уголок. Грех забвения лежит на всех славянах, а ближайшим образом на тех, которые призваны были руководителями своих меньших братьев, а еще более на самых ближайших соседях — чехах и поляках. О поляках говорить уже нечего: их ренегатство хорошо понимают сербы-лужичане. Чехи также, увлеченные идеей федерации австрийского славянства и одерживаемые эфемерною надеждою на А[встри]ю, замкнулись в тесном кружке своих личных интересов, удовлетворяющих только личную их национальную гордость. Тяжело и даже больно припоминать некоторые эпизоды из последнего периода фальшивых и поддельных для католиков густистких компромиссов с поляками и разного угодничества в ряде их во всяком случае неславянских тенденциях. И я не хочу касаться этого больного места в настоящей политике чешских вожakov, которые [дают] сравнительно большие (по возможным результатам) выгоды оппозиции, променяли на поддельный в некоторых отношениях (для интересов общеславянских) компромисс с поляками или на камер-лакейские должности при Г[абсбург]ском дворе; а скажу только, что в погоне за этими внешними выгодами они оставляют в стороне интересы общеславянские, а может быть делают худшего и еще более... Вследствие этого выходит между прочим и то, что собирая [неразб.] на театр без актеров и посетителей (конечно в смысле относительном), они отказывают в помощи не раз умолявшим их сербам-лужичанам. Поэтому, единственною надеждою этих последних остается Россия, — и наши друзья славянства должны бы посодействовать осуществлению настоятельнейших потребностей сербо-лужицкого народа. Тут — не милостыня только, но и долг: мы должны это делать, наперед не рассчитывая на реальную благодарность. При этом мы должны также помнить, что здесь сочувствие их нам не лицемерно, — знакомства, точнее — понимания общеславянских интересов здесь не меньше, чем у других славян, но зато меньше хвастовства политической свободой, мнимым превосходством пред русскими в культурном отношении и пр. Правда, что касается знакомства с Россией, и у них не хватает его: знают нас больше из иностранных газет, чем из русских... Но ведь это общее несчастье у всех почти наших братьев славян, а не у одних только сербов-лужичан, которые все-таки стараются понять наши внутренние отношения и, читая русские издания (некоторые сербы хорошо читают по-русски), по возможности эманципируются из-под влияния западноевропейской прессы. Поэтому было бы слишком строго и несправедливо обвинять их за мнимое равнодушие к судьбам великого славянского народа — русского. Мы должны прийти на помощь их благому начинанию, ради которого теперь Смоляр

в России, — и решительный шаг с нашей стороны будет лучшим залогом нашей взаимной славянской любви и сочувствия.

Во имя этой любви посодействуйте, если возможно, в пользу предприятия сербо-лужицкого народа: пишу так и прошу как очевидец их нужд и чистых задушевных желаний. Подробно разъяснять эти нужды я считаю излишним: по всей вероятности, от Смоляра Вы их достаточно узнали, а в виде прибавления прилагаю при сем проект устава для сербо-лужицкого народного музея — с русским переводом (как образчиком степени знакомства лужичан с рус[ским] языком) и смету на постройку дома.

Что касается моих личных дел, то некоторые, может быть, небезынтересные для Вас подробности отлагаю до другого письма; а теперь, пожелав Вам и Вашему семейству всего наилучшего, с искренним почтением остаюсь всегда глубоко уважающий Вас И. Пальмов.

Мой низкий поклон Ивану Егоровичу Троицкому⁶³, В.В. Болотову и моим приятелям — молодым славистам, Вашим ученикам.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 1—6

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. XII+408 с.

Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 152. С. 649—702.

Ламанский В. И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). 1878/79 год. [СПб.:] Литография Гробовой, [1879]. 98+160 с.

Ламанский В. И. Замечания проф. Ламанского на статью г. Шумавана // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 5. С. 16—19.

Ламанский В. И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 530—539.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 27об.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447.

СПбФ АРАН. Ф. 105. Оп. 1. Ед. хр. 30.

Шахматов А. А. Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914. С. 1339—1352.

Шумаван И. Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно-славянских вопросах // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 5. С. 11—16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бринзей Г. В. Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмова (1856—1920) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 95—105.

⁶³ Троицкий Иван Егорович (1832—1901) — историк церкви, профессор Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

- Краснова А.А. Славянская идентичность в контексте ментальной географии у А.С. Будиловича // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 1. С. 67–80. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.5>
- Лаптева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Folia Historica Bohemica. 1990. № 13. S. 369–425.
- Лаптева Л.П. Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Церковь в истории славянских народов. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 53–65.
- Лаптева Л.П. И.С. Пальмов и изучение им славянства в ходе заграничных поездок // Славянский мир. Проблемы изучения. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 99–109.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
- Лаптева Л.П. Профессор И.С. Пальмов и его исследования по церковной истории зарубежных славян // Вестник церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 196–220.
- Лаптева Л.П. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмов как историк зарубежных церквей // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик, 2011. С. 25–35.
- Лаптева Л.П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.
- Малинов А.В. «Римская идея» в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 155–166. DOI: [10.21146/0042-8744-2023-2-155-166](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-155-166).
- Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Петр I и Пугачев: зарождение идеи «народной империи» в творчестве А.С. Пушкина // Соловьевские исследования. 2022. № 3. С. 123–139.
- Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.
- Ровда К.И. Россия и Чехия: взаимосвязи литератур 1870–1890. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Саприкина О.В. Трактровка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах журнала министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 18. С. 258–269.
- Lapteva L. P. Der Russische Slavist I.S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben // Lětopis Reihe B. 1976. No. 23/2. S. 151–160.
- Lapteva L. P. Ruský slavista I.S. Palmov a jeho styky s Čechami // Československésovetske vztahy. 1980. No. 9. S. 129–159.

Рукопись поступила в редакцию 01.02.2023

Рукопись принята к печати 17.03.2023

REFERENCES

- Brinzei G.V. Epistoliarnoje nasledije professora Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii I.S. Pal'mova (1856–1920). *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*. 2018. № 2, pp. 95–105. (In Russ.)
- Krasnova A.A. Slavianskaia identichnost' v kontekste mental'noi geografii u A.S. Budilovicha. *Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniiia russkoi filosofii*, 2019, no. 1, pp. 67–80. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.5> (In Russ.)
- Lapteva L. P. Der Russische Slavist I.S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben. *Lětopis Reihe B*, 1976, no. 23/2, pp. 151–160.
- Lapteva L. P. Ruský slavista I.S. Palmov a jeho styky s Čechami. *Československésovetske vztahy*, 1980, no. 9, pp. 129–159. (In Chekh.)
- Lapteva L. P. Obshchina cheshskikh brat'jev v osvshchenii russkoi istoriografii XIX – nachala XX v. *Folia Historica Bohemica*, 1990, no. 13, pp. 369–425. (In Russ.)
- Lapteva L. P. Russkii uchenyi I.S. Pal'mov kak issledovatel' Obshchiny cheshskikh brat'jev. *Tserkov' v istorii slavianskikh narodov*. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 1997., pp. 53–65. (In Russ.)
- Lapteva L. P. I.S. Pal'mov i izuchenie im slavianstva v kxode zagranchnykh pojezdok. *Slavianskii mir. Problemy izucheniia*. Tver', Tverskoi gos. un-t, 1998, pp. 99–109. (In Russ.)
- Lapteva L. P. *Istoriia slavyanovedeniia v Rossii v XIX veke*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 847 p. (In Russ.)
- Lapteva L. P. Professor I.S. Pal'mov i jeho issledovaniia po tserkovnoi istorii zarubezhnykh slavian. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2007, no. 3 (7), pp. 196–220. (In Russ.)
- Lapteva L. P. Professor Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii I.S. Pal'mov kak istorik zarubezhnykh tserkvei. *Slavianskii al'manakh*. 2010. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 25–35. (In Russ.)

- Lapteva L. P. Vladimir Ivanovich Lamanskii (1833–1914) i ego ucheniki. *Slavyanovedenie*, 2014, no. 6, pp. 82–96. (In Russ.)
- Malinov A. V. «Rimskaia ideia» v tsivilizatsionnoi kontseptsii V. I. Lamanskogo. *Voprosy filosofii*, 2023, no. 2, pp. 155–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-155-166 (In Russ.)
- Matveeva I. Yu., Evlampiev I. I. Petr I i Pugachev: zarozhdenie idei «narodnoi imperii» v tvorchestve A. S. Pushkina. *Solovetskie issledovaniia*, 2022, no. 3, pp. 123–139. (In Russ.)
- Medovarov M. V., Snezhnitskaya S. I. Raskol sredi pozdnikh slavianofilov i rol' V. I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 38–47. (In Russ.)
- Rovda K. I. *Rossiia i Chekhii: vzaimosviaz' literatur 1870–1890*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 288 p. (In Russ.)
- Saprikina O. V. Traktovka slavyanskoi idei V. I. Lamanskim na stranitsakh zhurnala ministerstva narodnogo prosveshcheniia. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2010, no. 18, pp. 258–269. (In Russ.)

Received on 01.02.2023

Accepted on 17.03.2023

Информация об авторе:

Малинов Алексей Валерьевич
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Information about the author:

Alexey V. Malinov
DrSc (Philosophy), Professor
Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 4, с. 140–143

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 140–143

DOI: 10.31857/S0869544X0026714-8

Оригинальная статья / Original Article

К 100-летию профессора Мирослава Янакиева

© 2023 г. И.А. Седакова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ised@mail.ru

Ссылка для цитирования: Седакова И.А. К 100-летию профессора Мирослава Янакиева // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 140–143. DOI: 10.31857/S0869544X0026714-8

On the Centenary of the Birth of Professor Miroslav Yanakiev

© 2023. Irina A. Sedakova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ised@mail.ru

For citation: Irina A. Sedakova. On the Centenary of the Birth of Professor Miroslav Yanakiev // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 4. P. 140–143. DOI: 10.31857/S0869544X0026714-8

Профессор Мирослав Янакиев (19.08.1923–09.11.1998) — выдающийся болгарский филолог, славист, компаративист, фольклорист, стиховед, — и этим перечнем широкий круг его научных занятий и интересов не ограничивается. Автор новаторских трудов по многим гуманитарным направлениям, он значительно опередил развитие науки и предвосхитил многие идеи и научные направления. В области лингвистики Янакиев исследовал графику и правописание, фонетику и фонологию, морфологию, грамматику, синтаксис, стилистику и лексику, историю языка, — причем для своих изысканий он выработал специальный терминологический аппарат и основывался на четких статистических («глоттометрических» в его терминологии) данных. Приверженец семиотического направления, все языковые (и экстралингвистические) явления он рассматривал как знаковые; в частности, он писал: «С семиотической точки зрения соответствия типа «буква ~ фонема» — не что иное, как переводы с одного языка (в данном случае письменного) на другой (в данном случае речевой) (Теория орфографии и речь // *Вопросы языкознания*. М., 1964. № 1. С. 139). Янакиев полагал, что знакомство со знаковыми системами надо начинать с самого раннего возраста и вводить семиотику в школе (Семиотика и образование // *Образование*. 1992. № 5. С. 80–94). Одним из первых в Болгарии он

говорил о необходимости междисциплинарных исследований: так, фонетику он рассматривал *sub specie* неврологии и анатомии, а математика и статистика были основой для всех его гуманитарных работ.

Соавтором Мирослава Янакиева — а в последние десятилетия жизни и супругой — была доцент славянской кафедры филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Надежда Васильевна Котова (01.03.1926–30.01.2015).

К столетию Мирослава Янакиева и спустя 25 лет после его смерти представляется важным напомнить научному сообществу о его наследии и его месте в современной лингвистике и педагогике. Здесь необходимо отметить, что профессор Янакиев оставил когорту преданных учеников (к которым относится и автор этой статьи) и коллег. Один из них — болгарский лингвист, филолог Александр Иванов, который создал, пополняет и ведет сайт, посвященный М. Янакиеву (<https://miryan.org/index.html>). На этой платформе представлены автобиография и другие документы ученого, полная библиография его трудов с файлами публикаций, аудиозаписи выступлений и их расшифровка, материалы из его рукописного архива.

В 1947 г. М. Янакиев окончил отделение славянской филологии Софийского университета и начал работать преподавателем на этой кафедре. Первая публикация (в соавторстве с А. Димитровой) относится к 1940-м годам и посвящена фольклору — «Предания об исторических лицах в болгарских народных произведениях» (Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София, кн. VIII и IX за 1941–1943, София, 1948, с. 411–606). Уже в этой публикации заметны основные принципы изысканий Янакиева — любовь к материалу и новаторское отношение к классификации, стремление к междисциплинарности, интерес к устной и письменной речи.

В последующие пятьдесят лет активной научной деятельности опубликованы монографии, учебники, пособия, буквари, словари, статьи и заметки — рецензии, отклики на новые идеи, хроники конференций, материалы к юбилеям выдающихся лингвистов, замечания по языковой культуре и др. Аудитория этих изданий очень велика и разнообразна — школьники и их родители, учителя, студенты и преподаватели высшей школы, журналисты, редакторы, научные работники, носители болгарского языка и те, для кого болгарский не был родным. Среди монографий отметим такие разные по материалу и проблематике, как «Краткий курс лекций по болгарской грамматике и стилистике» (1958), «Болгарское стиховедение» (1960), «Стилистика и языковое обучение» (1977). Ряд трудов вызвал множество откликов с разными оценками — от сугубо положительных (Ст. Стоянов и Ц. Младенов) до обвинений в формализме (Л. Георгиев). Труды М. Янакиева отмечали подробными рецензиями и отзывами Б.А. Успенский, М.Ю. Лотман, И.И. Ревзин и В.Н. Топоров.

Глотометрия стала одним из основных методологических принципов научных работ М. Янакиева. С развитием компьютерных технологий эта методика всё больше привлекала ученого; он несомненно был одним из пионеров корпусной лингвистики. Отметим лишь некоторые из его работ в данной области: «О количественном основании лингвистических классификаций» (доклад, прочитанный 4 мая 1975 г. в Варне на первой национальной конференции по использованию математических моделей и электронных вычислительных машин в лингвистике); Компютърните технологии и текстологията // Компютърна обработка на средновековни славянски ръкописи. Доклади. Първа международна конференция, 24–28 юли, 1995, Благоевград, България. София, 1995. С. 315–322; Как може да се използва автоматична обработка на текстовете

в обучението по български език // Български език и литература. XXIV. 1985. № 2. С. 15–21. Кроме изданной монографии «Электроника в помощь учителю-филологу» (София, 1988), в архиве ученого хранится проспект большого исследования «Филолог и личный компьютер» (1986). В книге «Как да редактираме свой или несвой текст» (София, 1994), выдержавшей несколько изданий, он описывает процесс редактирования с использованием компьютера. М. Янакиев, ставший свидетелем выхода Болгарии из социалистического лагеря и начала миграционных движений, понимавший балканскую специфику болгарского языка (с присутствием цыганского, турецкого и других языков на территории страны), предвидел и описал ситуацию мультилингвизма (Един език, два езика, три езика, много езици. През английски към многоезичие (мультилингвизъм) // Чуждоезиково обучение. 1997. № 3–4. С. 4–13).

Особенно хочется вспомнить педагогический талант Мирослава Янакиева, выдающегося лектора по теоретическим предметам (под его руководством было защищено 850 дипломных работ) и преподавателя практического болгарского языка как родного и как иностранного. В течение 14 лет, с 1969 по 1984 г. (с перерывом в один год), он был лектором болгарского языка на славянской кафедре филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в том числе и в группе 1978 г. выпуска, в которой училась я. Он всегда ожидал от нас, студентов, большего. Так, уже на втором курсе лекции по грамматике современного языка читались по авторской методике, которая основывалась на том, что студенты владели традиционной грамматикой и обладали определенными знаниями теории. Янакиев скрывал свое знание русского (он владел русским и многими другими языками практически в совершенстве), мотивируя нас выражать свои мысли на болгарском, пусть и примитивном. Он использовал лингафонный кабинет, разрабатывая оригинальную методику усвоения трудных для иностранцев глаголов движения, для преодоления проблем с частицами, порядком слов и пр. (методике работы в лингафонном кабинете посвящена одна из самых ранних его работ). В экзаменационную программу в конце семестра, к нашему ужасу, входило даже исполнение фольклорных песен, что записывалось на магнитофон и анализировалось М. Янакиевым и Н.В. Котовой.

Чтобы не быть голословной, приведу интересное свидетельство его таланта как педагога в самом широком смысле этого слова. С разрешения моей коллеги по имени *Капка*, которая окончила отделение болгарской филологии Софийского университета и слушала курс стилистики Мирослава Янакиева, привожу ее рассказ:

Я сдавала экзамен Мирославу Янакиеву. Рассказываю, рассказываю, отвечаю на вопросы, экзамен проходит очень хорошо. Янакиев ставит мне высшую оценку и в конце, улыбаясь, говорит: «А теперь мне скажи (Янакиев с нами говорил на “ты”), раз ты так много знаешь, откуда происходит твое имя — *Капка* (“капля”)?». И я начинаю говорить о сравнении «красивая, как капля», о стилистике, чуть ли не о математике, а Янакиев смотрит на меня и посмеивается. Слушает, слушает и в конце замечает: «Это очень хорошо — “красивая, как капля” и т.д., это все хорошо, но неправильно, потому что речь идет о староболгарском имени, уже немного подзабытом, а оно параллельно имени *Сълза* (“Слеза”). Твои родители его воскресили. Потому что в болгарской традиции, если мать умирала в родах, а родилась девочка, ей давали имя *Сълза* или *Капка*. Имя *Сълза* осталось, а *Капка* утратило свое значение». Вот что мне сказал тогда Мирослав Янакиев, и действительно, среди моих знакомых не было девушек по имени *Капка*. И я вспомнила, что мама рассказывала мне, в честь кого я названа. Она была еще девушкой, когда ее попросили присматривать за девочкой-сиротой по имени Капка. Девочка была очень красивой, она очень нравилась моей маме, и она про себя подумала: «Однажды, когда у меня будет девочка, я назову ее Капка».

Как видно из этого воспоминания, М. Янакиев был не только чутким преподавателем, но и великолепным собеседником, и прекрасным знатоком болгарской народной культуры. Когда я писала кандидатскую диссертацию по святочнo-новогодней терминологии и обрядности болгар, он не раз выступал в роли информанта, подсказывая мне некоторые редкие сюжеты. Так, он вспоминал и описал мне рождественский ритуал с разговением после поста печеным воробьем — «для легкости», обращал внимание на общеславянскую лексику зимних ритуалов, специфические балканизмы в болгарском и др.

За пределами этой статьи осталось очень многое, что дополняет портрет талантливого творца-ученого, — создание букварей для детей цыганского и турецкого происхождения в Болгарии, публикация и обработка старославянских рукописей, прорисовка собственных шрифтов, которые использовались для публикации монографий. Профессор Янакиев запомнился нам, его студентам и коллегам, как уникальный лектор, душевный человек, оригинальный исследователь, вдохновивший нас на поиски неординарных путей в решении научных проблем и внушивший нам любовь к болгарскому языку, лингвистике и гуманитаристике.

К 100-летию Мирослава Янакиева в Болгарии готовится переиздание его монографий, публикации в филологических журналах, а Софийский университет им. св. Климента Охридского проводит научную конференцию.

Вечная благодарная память профессору Мирославу Янакиеву!

Рукопись поступила в редакцию 12.03.2023

Рукопись принята к печати 14.04.2023

Received on 12.03.2023

Accepted on 14.04.2023

Информация об авторах:

Седакова Ирина Александровна
доктор филологических наук,
Зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Information about the author:

Irina A. Sedakova
DSc. (Philology)
Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

B. Ferenčuhová. Bohdan Pavlů: politická biografia 1883–1938.
Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied,
Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2021. 512 s.

Б. Ференчухова. Богдан Павлу: политическая биография 1883–1938.

© 2023 г. Н.Н. Станков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

stankovnn@mail.ru

Ссылка для цитирования: Станков Н.Н. B. Ferenčuhová. Bohdan Pavlů: politická biografia 1883–1938. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2021. 512 s. // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 144–147. DOI: 10.31857/S0869544X0026715-9

B. Ferenčuhová. Bohdan Pavlů: A Political Biography (1883–1938).
Bratislava: VEDA, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences,
Institute of History of the Slovak Academy of Sciences, 2021. 512 p.

© 2023. Nikolay N. Stankov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

stankovnn@mail.ru

For citation: Nikolay N. Stankov. B. Ferenčuhová. Bohdan Pavlů: A Political Biography (1883–1938). Bratislava: VEDA, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, Institute of History of the Slovak Academy of Sciences, 2021. 512 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. № 4. P. 144–147. DOI: 10.31857/S0869544X0026715-9

Новая книга ведущего научного сотрудника Института истории Словацкой академии наук, члена Научного общества Словакии Богумилы Ференчуховой посвящена деятельности Богдана Павлу. Перед автором стояла непростая задача, поскольку специальные исследования об этом политике и дипломате отсутствовали, а его имя упоминалось лишь в общих работах по истории Словакии, в справочных и энциклопедических изданиях.

Воссоздание биографии Павлу осложнялось еще и тем, что он не оставил мемуаров и дневников, не сохранился его личный архив, а служебная и личная переписка разпылена по разным архивам. В ходе работы над книгой Б. Ференчухова изучала его письма и документы в пятнадцати архивах трех стран — Словакии, Чехии и Франции, а также опубликованные материалы, многочисленные статьи, установив во многих случаях авторство Павлу.

Первые главы книги посвящены детству и юности Павлу, его семье, учебе в чешской гимназии в Угерске-Градиште и на юридическом факультете Пражского университета. Автор стремилась воссоздать атмосферу, в которой формировались мировоззрение и культурные интересы Павлу. Б. Ференчухова отметила, что с юности он был убежденным сторонником чешско-словацкого сотрудничества, в студенческие годы активно участвовал в работе культурно-просветительского общества «Detvan», объединявшего обучающихся в Праге словаков, в издании журнала «*Průdy*» («Потоки»), сотрудничал с чешскими газетами. Значительное внимание в книге уделено общественной и публицистической деятельности Павлу, его отношениям со словацкими общественными деятелями, в будущем выдающимися политиками М.Р. Штефаником и М. Годжей, с лидером младочешской партии, депутатом австрийского рейхсрата К. Крамаржем, идеи «неославизма» которого он некоторое время разделял и сотрудничал с ним в 1908–1910 гг.

Б. Ференчухова отметила интерес Павлу к русской культуре, прежде всего к литературе: он выучил русский язык, в оригинале читал произведения русских писателей, переводил их на чешский и словацкий языки, на заседаниях «Detvan» выступал с докладами о творчестве Н.В. Гоголя и А.П. Чехова (s. 38–39, 102). В 1909–1910 гг. Павлу сопровождал Крамаржа во время поездок в Санкт-Петербург и Москву, в 1911–1912 гг. был корреспондентом газеты младочешской партии «*Národní listy*» («Национальная газета») в России. Как отметила Б. Ференчухова, пребывание в России извбило его от неославистских иллюзий, возлагавших на Россию большие надежды, «обострило его критику самодержавия и полицейского государства» (s. 90, 102).

Большая часть книги посвящена деятельности Павлу в России с декабря 1914 г., когда он сдался в плен, и до его возвращения на родину в конце 1919 г. Б. Ференчухова исследовала его роль в организации Союза чешско-словацких обществ в России в 1915 г., в создании печатного органа Союза — газеты «*Čechoslovák*» («Чехословак»), редактором которого стал Павлу. Автор подчеркнула, что с самого начала Павлу рассматривал «*Čechoslovák*» как «трибуну для пропаганды за образование чешско-словацкого государства», само название газеты «должно было символизировать братское единство и сотрудничество чехов и словаков на родине, в России и Америке» (s. 104–105). В условиях противоборства между различными группами словацких политиков, выступавших с проектами автономии Словакии в составе Венгрии или присоединения ее к Российской империи, Павлу всегда отстаивал идею чешско-словацкого независимого государства, которое он рассматривал как союз

двух равноправных народов. Павлу считал, что политическое и языковое равноправие чехов и словаков должно быть гарантировано основными законами государства. Б. Ференчухова подчеркнула, что Павлу всегда поддерживал Т.Г. Масарика в борьбе за создание чехословацкого государства (s. 104, 107–109) и был на его стороне, когда в противовес возглавляемому Масариком Чехословацкому национальному совету (ЧНС) в Париже Й. Дюрих попытался создать под своим руководством Чешско-словацкий народный совет в России (s. 138–139). Б. Ференчухова рассмотрела деятельность Павлу в составе Отделения ЧНС для России, образованном в марте 1917 г., в котором он возглавлял информационно-пропагандистскую комиссию, его роль в создании нового органа Союза чешско-словацких обществ и ЧНС «*Československý denník*» («Чехословацкий ежедневник»), в издании журнала «*Чехословацкое обозрение*» на русском языке (s. 151–157), его сотрудничество с лидерами ЧНС Масариком и Штефаником во время их поездок в Россию в 1916 и 1917 году (s. 116–133, 146–157).

Особое внимание Б. Ференчухова уделила деятельности Павлу как политического руководителя Чехословацкого корпуса в России в 1918–1919 гг. 23 мая 1918 г. на съезде делегатов этого воинского соединения в Челябинске он был избран председателем Временного исполнительного комитета (s. 176–178), затем в августе 1918 г. на съезде чехословацкого войска в Омске — заместителем председателя нового Отделения ЧНС для России (председателем был Масарик) (s. 183–184), а 14 октября того же года временное чехословацкое правительство назначило его своим дипломатическим представителем в России. Павлу не имел официальной аккредитации при каком-либо правительстве на территории России и вынужден был вести дела с теми, кто в то время находился у власти в Сибири. Он стремился к совместным действиям с демократическими силами России, возлагая надежды на их объединение, создание всероссийского правительства, которое бы аннулировало подписанный большевиками Брестский мир, восстановило вооруженные силы и возобновило военные действия против Центральных держав (s. 185–188).

Военный министр Чехословацкой республики (ЧСР) М.Р. Штефаник во время пребывания в Сибири в конце 1918 — начале 1919 г. назначил Павлу начальником политического отдела военного министерства и подтвердил его полномочия как представителя чехословацкого правительства в России. Б. Ференчухова подчеркнула заслуги Штефаника и Павлу в сохранении боеспособности Чехословацкого корпуса, обеспечения его взаимодействия с союзниками и в то же время его независимость от «верховного правителя России» адмирала А.В. Колчака, пришедшего к власти

18 ноября 1918 г. Чехословацкий корпус в политическом отношении подчинялся только правительству ЧСР, которое в Сибири представлял Павлу (s. 204, 213). Он решал политические, военные и дипломатические вопросы с правительством Колчака и представителями союзных держав в Сибири, информировал обо всем чехословацкое правительство. Как отметила Б. Ференчухова, в то время он получил ироничное прозвище «Богдан Первый, Великий, царь Сибирский». Основываясь на архивных материалах, исследовательница опровергла утверждения тех историков, которые считали Павлу колчаковцем и «рукой» Крамаржа в Сибири. В частности, она сослалась на письма Павлу Бенешу и Крамаржу, в которых он характеризовал Колчака как «истерическую фигуру» и крайне нелицеприятно отзывался о его окружении (s. 228–229). В то же время автор отметила, что Павлу поддерживал отношения со многими оппозиционными сибирскими политиками и защищал их от преследований (s. 263).

Б. Ференчухова подчеркнула, что он всегда считал действия Чехословацкого корпуса в Сибири важным вкладом в освободительное движение чехов и словаков, в создание самостоятельного государства. Взяв под контроль транссибирскую магистраль, корпус препятствовал возвращению в Центральную Европу немецких и австро-венгерских военнопленных, в результате чего они не смогли участвовать в боевых действиях против Антанты на западном фронте. В конечном итоге державы Антанты признали чехов и словаков своими союзниками в Первой мировой войне (s. 180–181, 343–344).

В последующих главах Б. Ференчухова рассмотрела общественную и журналистскую деятельность Павлу в Словакии после возвращения на родину, его участие в выборах в Национальное собрание в 1920 г., в участии в мероприятиях, посвященных памяти М.Р. Штефаника, в развитии словацко-французских и словацко-югославских общественных связей, особо подчеркнув его борьбу за интересы Словакии, критику пражской бюрократии и административного централизма, наносивших вред добрососедским отношениям между народами и регионами ЧСР (s. 266–272, 280). Анализируя статьи, опубликованные Павлу в газете «*Slovenský denník*» («Словацкий ежедневник»), главным редактором которой он был в 1920–1922 г., автор показала его отношение не только к внутриполитическим, но и к международным проблемам, затрагивавшим в той или иной мере интересы Словакии: к спорам с Польшей о границах в Тешинской Силезии, Ораве и Спиже, к польско-советской войне, к образованию Малой Антанты, к событиям в Венгрии, в Советской России и Украине (s. 269–270, 273–274, 280–283).

Большой интерес представляет описание Б. Ференчуховой неудачной попытки выдвижения Павлу на работу в Канцелярию президента ЧСР, где он должен был заниматься проблемами Словакии. В окружении Масарика такое назначение рассматривалось как «опасный эксперимент», и в результате после аудиенции у президента 23 декабря 1921 г. Павлу был рекомендован на дипломатическую службу и направлен посланником в Болгарию (s. 276–279).

Его пребывание в Софии пришлось на один из самых драматических периодов в истории Болгарии. Анализируя донесения Павлу в Министерство иностранных дел, Б. Ференчухова отметила, насколько детально он информировал Прагу о внутренней и внешней политике правительства Болгарского земледельческого народного союза во главе с А. Стамболийским, о деятельности оппозиционных буржуазных партий, коммунистов, советских агентов, терроре македонских организаций. Б. Ференчухова обратила внимание читателей на то, что главную опасность для правительства Стамболийского Павлу видел в македонском движении и не предполагал, что буржуазные оппозиционные партии решатся на государственный переворот, который произошел 9 июня 1923 г. Автор рассмотрела сложные обстоятельства, в которых пришлось действовать Павлу в то время: Прага не признала правительство А. Цанкова, пришедшее к власти в результате переворота; болгарский посланник в ЧСР, соратник Стамболийского Р. Даскалов был смещен новым правительством, а назначенный вместо него Д. Михалчев не получил акредитации чехословацких властей; по Болгарии прокатилась волна массовых репрессий и ответных террористических актов, в частности к последним обвиняли и Чехословакию, предоставившей убежище противникам нового режима. В болгарской политике Прага должна была считаться с интересами союзников по Малой Антанте, прежде всего Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также с опасностью укрепления во властных структурах Болгарии германофильских элементов. Как отметила Б. Ференчухова, оживление чехословацко-болгарских отношений началось в 1926 г. после прихода к власти правительства А. Ляпчева. Автор указала на развитие экономических и культурных связей, на заинтересованность царя Бориса III в помощи «славянской Праги» в преодолении международной изоляции Болгарии (s. 309–312). По мнению Б. Ференчуховой, наибольшим достижением Павлу на посту посланника в Болгарии стало подписание 15 мая 1926 г. в Софии двусторонних соглашений Болгарии и ЧСР о выдаче преступников и правовой помощи в уголовных делах и о взаимной правовой защите и правовой помощи в гражданских и торговых делах (s. 313–314).

Значительный интерес представляет характеристика Б. Ференчуховой деятельности Павлу на посту посланника ЧСР в Дании в 1927–1933 гг., стране, которая в значительной степени находилась на периферии интересов Праги (в течение 1927 г. Павлу не получил ни одной инструкции министра иностранных дел) и в которой в отличие от Болгарии политическая жизнь протекала без бурных потрясений. Б. Ференчухова подчеркнула, что основные усилия Павлу в Копенгагене были направлены на презентацию Чехословацкой республики и ее достижений в местной прессе, на развитие торговых и культурных связей. В этой связи он придавал большое значение визиту в Данию министра образования ЧСР М. Годжи осенью 1928 г. (s. 325–328). На рубеже 1920–1930-х годов Павлу обращал внимание Праги на усиление активности в отношении Дании со стороны Германии, ее заинтересованность в развитии экономического и культурного сотрудничества, на обострение немецкого вопроса после прихода к власти Гитлера в 1933 г. (s. 331–334).

После возвращения из Копенгагена в мае 1933 г. и до назначения посланником в СССР в июле 1934 г. Павлу служил в политической секции МИД ЧСР (s. 345–359). Дипломатическую деятельность Павлу в Москве Б. Ференчухова рассмотрела в контексте политического, дипломатического, военного, экономического и культурного сотрудничества Чехословакии и СССР. Автор отметила, что переговоры о советско-чехословацком договоре о взаимопомощи, который был заключен в Праге 16 мая 1935 г., вели министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш и советский полпред С.С. Александровский, и Павлу не имел к ним прямого отношения (s. 367). Но совместно с советскими представителями он решал многие вопросы, связанные с его осуществлением, в частности, вел переговоры о регулярном воздушном сообщении между Прагой и Москвой, которые завершились подписанием соответствующего соглашения 16 мая 1935 г. (s. 366–367). Павлу участвовал в переговорах относительно договора о торговле и мореплавании и соглашения о взаимной охране прав

производственной собственности (подписаны в Праге 25 марта 1935 г.), о консульской конвенции, которая была заключена в Москве 16 ноября 1935 г. (s. 369–370).

Б. Ференчухова подчеркнула, что с заключением советско-чехословацкого договора о взаимопомощи повысился статус Павлу в Москве как представителя союзного государства, расширился доступ к более ценной информации. Его сообщения в Прагу касались многих вопросов первостепенной важности: внутривнутриполитической ситуации в СССР, его действий по созданию системы коллективной безопасности, международных отношений в Европе и на Дальнем Востоке и других (s. 372–375).

Автор указала и на негативные последствия для ЧСР договора о взаимопомощи: давление Москвы на Прагу в эмигрантском вопросе, политические процессы в СССР, затронувшие граждан Чехословакии, борьба с троцкистами (s. 377–380).

Б. Ференчухова написала о том, что отношения с СССР продолжали оставаться в центре внимания Павлу и после возвращения в Прагу в октябре 1937 г., когда он был назначен заместителем министра иностранных дел ЧСР, вплоть до его трагической кончины в мае 1938 г.

К сожалению, автору книги не предоставилась возможность ознакомиться с фондами российских архивов, которые также содержат документы о Павлу. В частности, они свидетельствуют, что советские дипломаты высоко ценили его осведомленность в вопросах международных отношений, а министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш наметил его кандидатуру на пост посланника в Москву еще в 1927 г., т.е. за семь лет до установления дипломатических отношений с СССР¹.

Тем не менее монография Б. Ференчуховой является первой фундаментальной научной биографией Богдана Павлу. На основе широкого круга источников автору удалось создать его яркий образ как выдающегося журналиста, политика и дипломата, а также показать его огромный вклад в освободительное движение, в создание Чехословацкой республики и в развитие ее международных связей.

Информация об авторе:

Станков Николай Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5248-1027
E-mail: stankovnn@mail.ru

Information about the author:

Nikolay N. Stankov

DSc. (History), Professor
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5248-1027
E-mail: stankovnn@mail.ru

¹ См., например: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 91, 116.

Славяноведение, 2023, № 4, с. 148–150

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 148–150

DOI: 10.31857/S0869544X0026716-0

Рецензия / Review

А.В. Мартынюк. До Герберштейна. Австрия и Восточная Европа
в системе персональных связей и культурных контактов
(XIII – начало XVI века). М.: Квадрига, 2019. 574 с., библи.¹

© 2023 г. М.В. Дмитриев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

dmitrievm300@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Дмитриев М.В.* А.В. Мартынюк. До Герберштейна. Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М.: Квадрига, 2019. 574 с., библи. // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 148–150. DOI: 10.31857/S0869544X0026716-0

A.V. Martynyuk. Before Herberstein. Austria and Eastern Europe
in the System of Personal Ties and Cultural Contacts
(13th – early 16th Century). Moscow: Quadriga, 2019. 574 p. Bibl.

© 2023. Mikhail V. Dmitriev

Moscow Lomonosov State University
(Moscow, Russian Federation)

dmitrievm300@gmail.com

For citation: *Mikhail V. Dmitriev.* A.V. Martynyuk. Before Herberstein. Austria and Eastern Europe in the System of Personal Ties and Cultural Contacts (13th – early 16th Century). Moscow: Quadriga, 2019. 574 p. Bibl. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. № 4. P. 148–150. DOI: 10.31857/S0869544X0026716-0

Предметом книги известный белорусский исследователь А.В. Мартынюк выбрал широкий спектр сведений о связях Австрийского герцогства (и немецкого мира Центральной Европы вообще) с Восточной Европой, особенно же – с Великим княжеством Литовским и Белоруссией. Согласно хронологическому принципу изложения, в первой части монографии рассматриваются реалии XIII в., во второй – XIV в., в третьей – XV в.

¹ Благодарю Б.Н. Флорю, высказавшего ряд ценных наблюдений над книгой А.В. Мартынюка. Они учтены в данной рецензионной заметке.

Как и должно, в работе полно использованы все относящиеся к ее теме изданные источники и учтена соответствующая обширная научная литература. А.В. Мартынюк рассмотрел все вопросы исследовательской «анкеты» с большой тщательностью и ответственностью, беря во внимание доводы тех историков, с которыми он спорит или соглашается. Однако несколько неожиданно то, что в книге нет ни именного указателя, ни указателя географических названий.

В этой сугубо медиевистической работе использован и значительный массив архивных материалов, а это в медиевистике случается скорее

редко, чем часто. Отмечу, что источники — и опубликованные, и рукописные — очень сложны по языку и некоторым иным параметрам, и это также повышает ранг работы.

Среди источников большое значение имеет комплекс документов из архива Тевтонского ордена. Обращение к этим данным позволило А.В. Мартынюку провести внушительную просопографическую работу и, в частности, выявить много ценной информации об австрийских участниках восточноевропейских крестовых походов. Анализ большого числа актовых источников, памятников рыцарской поэзии (произведения Ульриха фон Лихтенштейна, Янса Эникеля, Зайфрида Хельблинга) и нарративных источников (и австрийских, и древнерусских, и венгерских) привели автора к выводу, что под именем «Пройсели» скрывались братья Вернхард и Генрих фон Шаунберг, представители знатного рода из Верхней Австрии. Комплексный анализ очень разных материалов и приемы микроистории позволили А.В. Мартынюку воссоздать исторический облик братьев Пройселей-Шаунбергов (с. 127–143), которые играли важную роль в политических и культурных контактах Австрии и Восточной Европы в далеком XIII в.

Важен анализ первых и последующих случаев фиксации исторического наименования «Белая Русь» в памятниках на латинском и немецком языках, которые связаны с Австрией (трактат «Описание земель», XIII в.; произведения Петера Зухенвирта и Генриха фон Мюгельна, XIV в.). Особенно привлекают внимание относящиеся именно к Австрии сведения всех наиболее ранних свидетельств о бытовании формулы «Белая Русь» за пределами собственно восточнославянских земель (с. 344–356).

Но в рецензируемой книге очень скупой (с. 345–346) отражен вопрос об объеме понятия «Белая Русь» в этих и иных памятниках, как и вопрос о том, что стояло за словом «белая» (с. 351–352). Мартынюк справедливо указал, что «Белая Русь» этих текстов никак не соотносится с более поздними представлениями о Белоруссии, вошедшими после 1654 г. в наш современный обиход, но не указал на наблюдения других историков, особенно же — А.В. Соловьева. Я имею в виду прежде всего его важную и влиятельную статью 1959 г. (Soloviev A. Weiss-, Schwarz- und Rotreussen. Versuch einer historisch-politischen Analyse // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 7 (1959), S. 1–33.), хотя она включена в приложенную библиографию и упоминается в сносках.

Очень важно, что в книге освещены не только, так сказать, «внешняя» сторона отношений и связей Австрии с Восточной Европой, но и некоторые важные стороны христианской

культуры Центральной Европы (и Австрии как ее части) в XIII–XV вв.

Автор следует амбициозному (в лучшем смысле этого слова) намерению «вернуть фигуру странствующего рыцаря в историю средневековья» (с. 397, курсив А.В. Мартынюка), «понимать логику и мотивы действия людей средневековья» (с. 552, 395–396), и тут без вопроса о христианских мотивах действий австрийского рыцарства на востоке Европы никак не обойтись. Соответственно, много внимания уделено тому, как в центральноевропейских памятниках отражена идеология, система представлений и практика, связанные с крестовыми походами против не только язычников, но и «схизматиков» Восточной Европы. Эту сторону в истории центральноевропейского рыцарства автор эмоционально назвал «великой эпохой» (с. 402). Чем же она была «велика»? А.В. Мартынюк очень подробно изучил феномен весьма агрессивных (мягко говоря) «рейз» (вооруженных нападений на те или иные поселения). Например, данные «похвальных песен» Зухенвирта о набегах 1305, 1322, 1329 и 1345 г. сопоставлены со сведениями орденских хронистов (Германа из Вартберга, Виганда из Марбурга и др.); удалось уточнить ход военных предприятий и — а это еще более важно! — показать, как пишет Мартынюк, «восприятие восточноевропейских реалий с точки зрения рыцарей — участников крестовых походов». В частности, автор проанализировал большое количество текстов и пришел к выводу, что столкновение с миром язычников и православных в Литве, Прибалтике и на Руси «способствовало оформлению идеала христианского воина и развитию рыцарской культуры в целом» (с. 392). Живущие здесь «язычники» — «вне рыцарского эпоса и вне христианского мира в целом» (с. 335), по отношению к ним возможны любые насильственные действия, так как «успех христианина — горе для язычника» (с. 366–368). Показано и то, как сложилась и была институционализована традиция «рейз», как они стали элементами рыцарской культуры эпохи и приобрели широкое распространение. Из работы А.В. Мартынюка ясно видно, что в XIII–XIV вв. не только язычники, но и православные жители Великого княжества Литовского и Восточной Европы стали новым «идеальным врагом» для европейского рыцарства, а крестовые походы в Восточную Европу заняли то место, которое ранее занимали крестовые походы в Святую землю. Но важно заметить, что в глазах составителей рыцарских поэм и хроник православные жители Руси («схизматики») принадлежали к иному миру, чем крестоносцы-католики. Например, к жителям Пскова относятся слова: «белые русские имели

мужество выехать против христиан» (с. 313–314), т.е. православные псковичи исключены из круга христиан. Крестовые походы и «рейзы» против язычников и православных, конечно, есть «форма культурного контакта запада и востока Европы» (с. 391), но следовало бы подчеркнуть специфически агрессивный характер этого контакта.

Всегда ли свидетельствам австрийских рыцарей-поэтов была свойственна «высокая достоверность», на которой настаивает белорусский исследователь? Если взять, например, такой важный источник, как судебные процессы Польши и Тевтонского ордена 1320 и 1339 г., то выяснится, что крестоносцы весьма часто грабили и разрушали польские храмы и монастыри. Однако рыцарская поэзия об этом умалчивает. Разрыв между идеалами, героико-поэтическими текстами и действительностью в этом случае бросается в глаза.

А. В. Мартынюк, как уже упоминалось выше, провел впечатляющий анализ соответствующей группы источников. В связи с этим стоит пожалеть, что в книге не поставлен вопрос о том, как соотносились в исследованных текстах именно христианские мотивы с решениями совершать «рейзы» на Востоке Европы и трактовать язычников и «схизматиков» как легитимный объект насилия. Религия в этом случае, как кажется, оказывалась весомым фактором именно агрессивного военно-политического отношения рыцарей Запада к населению и государствам восточной части Европы.

Тема эта не нова для западной историографии, но по-прежнему нова, однако, для российского и белорусского университетско-академического мира. Ее значение в том, что она позволяет понять логику, которая стояла за конфронтационным типом отношений Центральной Европы с ее восточной периферией. Из материалов, привлеченных А. В. Мартынюком к работе над монографией следует, как представляется, что некоторые конфессиональные типологические особенности католицизма приводили к нетерпимому взгляду на «еретиков» и язычников в Великом княжестве Литовском и древнерусских княжествах, но книга при этом показывает едва ли не органичность идеи религиозного насилия для идеологии

и ментальности, отраженной в изученных автором текстах. Это, в общем-то, одна из загадочных сторон средневековой культуры латинского Запада, и можно было бы острее и систематичнее поднять проблему связи религии (точнее — христианства в его «латинском» варианте) и военно-политических акций в данном случае.

При этом видно, что поставленные А. В. Мартынюком вопросы очень важны для понимания масштабных религиозно-политических и религиозно-культурных явлений европейской истории, это еще одна заслуга автора. «Крестоносные» сюжеты его исследования связаны с острейшей проблемой конфессионально-культурных типологических различий между православными и католическими обществами Европы. Православная знать и православное духовенство никаких «рейз» против язычников Литвы и Прибалтики не устраивала (даже Александр Невский — при внимательном рассмотрении источников — оказывается совсем не похожим на католического крестоносца...). Почему? Говоря о походе литовцев на бранденбургские земли в 1326 г., автор книги даже не упоминает, что вместе с литовцами с Бранденбургом воевала католическая Польша. В этом, как и в других случаях, необходимо заметить, что древнерусский опыт заметно отличался от опыта «латинской» культуры.

Фундаментальную книгу А. В. Мартынюка легко критиковать (скорее даже — «придираться к ней») с «чистой совестью», поскольку ее фундаментальность делает любую критику абсолютно безопасной для главного, что содержится в работе: исследование позволяет увидеть подлинно весомый, «европейского уровня» вклад в строго научную разработку истории политических и культурных отношений Центральной и Восточной Европы в XIII–XV вв., глубже, шире, и много внимательнее, чем прежде, взглянуть на историю связей между Центральной Европой и восточноевропейским регионом.

Наконец, у книги очень удачное название — «До Герберштейна...». Ее великолепный уровень — верный знак высокого профессионализма белорусских научных исследований по истории Центральной и Восточной Европы в Средние века.

Информация об авторе:

Дмитриев Михаил Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4101-8755
E-mail: dmitrievm300@gmail.com

Information about the author:

Mikhail V. Dmitriev
DSc. (History), Professor
Moscow Mononov State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4101-8755
E-mail: dmitrievm300@gmail.com

Славяноведение, 2023, № 4, с. 151–154

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 151–154

DOI: 10.31857/S0869544X0026717-1

Рецензия / Review

М. Живановић. И крст и петокрака.
Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку.
Београд, Институт за новију историју Србије, 2020. 568 с.

М. Живанович. И крест, и пятиконечная звезда. Русские комплексы захоронений в Югославии в 20 веке

© 2023 г. А.В. Ганин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

andrey_ganin@mail.ru

Ссылка для цитирования: Ганин А.В. М. Живановић. И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку. Београд, Институт за новију историју Србије, 2020. 568 с. // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 151–154. DOI: 10.31857/S0869544X0026717-1

М. Zivanovic. And the Cross and the Pentacle.
Russian Burial Complexes in Yugoslavia in the 20th Century.
Belgrade, The Institute for recent history of Serbia, 2020. 568 p.

© 2023. Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

andrey_ganin@mail.ru

For citation: Andrey V. Ganin. M. Zivanovic. And the Cross and the Pentacle. Russian Burial Complexes in Yugoslavia in the 20th Century. Belgrade, The Institute for recent history of Serbia, 2020. 568 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No 4. С. 151–154. DOI: 10.31857/S0869544X0026717-1

В 2020 г. в Белграде увидела свет монография научного сотрудника Института новейшей истории Сербии Миланы Живанович «И крест, и пятиконечная звезда. Русские комплексы захоронений в Югославии в 20 веке».

Исследование охватывает историю возникновения и развития российских и советских некрополей в Югославии с дореволюционного периода, включая захоронения воинов Русской императорской армии, эмигрантов, бойцов

Красной армии и ветеранов Второй мировой войны. В основе монографии диссертация автора, а источниковой базой послужили разнообразные архивные материалы из Сербии и России. Кроме того, исследовательница тщательно изучила периодическую печать и обширную литературу по теме монографии.

Наряду с обстоятельным исследованием самих некрополей и истории их возникновения, автор уделила большое внимание такому

популярному направлению новейшей историографии, как политика памяти и мемориальные практики. В поле зрения автора также находятся похоронная культура, ритуалы, правовое регулирование погребальных вопросов, символы. Как справедливо отметила М. Живанович, мемориальные практики были теснейшим образом связаны с внешней политикой и переменами курса в советско-югославских отношениях.

Монография состоит из четырех частей, каждая из которых охватывает определенный временной промежуток и соответствующие комплексы надгробий: погребения воинов, погибших в Первую мировую войну, захоронения эмигрантов периода 1918–1991 гг., могилы советских солдат 1941–1953 гг. и 1953–1991 гг. Издание снабжено именным и географическим указателями, иллюстрациями, а также обширными приложениями, которые удачно дополняют основной текст: списки сотен захоронений и карты расположения погребальных комплексов.

Автор проанализировала возникновение русского некрополя в Югославии, возникшего до Первой мировой войны. Так, еще в 1876 г. в Горнем Адровце был похоронен русский доброволец сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., полковник Н.Н. Раевский — прототип графа А. Вронского из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (см. подробнее [Шемякин 2002]). Ярким событием жизни Сербии накануне Первой мировой войны стало погребение русского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига, скончавшегося в июле 1914 г. после беседы с австро-венгерским посланником. Этой знаковой церемонии посвящен один из разделов книги.

В период Первой мировой войны на территории Югославии возникли захоронения русских воинов, сражавшихся на Салоникском фронте, а также военнопленных. В общей сложности речь идет о могилах порядка 10 000 человек, как правило, достаточно скромных. Со временем их состояние ухудшалось, но с прибытием в Королевство сербов, хорватов и словенцев русских эмигрантов первой волны начались акции по приведению захоронений в порядок.

Югославия стала одной из основных стран, принявших русских эмигрантов первой волны. Речь шла о десятках тысяч беженцев. Вполне естественно этим сюжетам в книге уделено немало места. В 1920–1930-е годы в стране сложился русский эмигрантский некрополь. Одним из наиболее крупных мемориальных комплексов стало Новое кладбище Белграда, на котором возникли крупные русские участки. Большую роль в поддержании этих захоронений играло само эмигрантское общество. Кладбище стало мемориалом и русским воинам, павшим в годы

Первой мировой войны. В 1935 г. там был сооружен величественный 19-метровый памятник-усыпальница императору Николаю II и русским воинам — жертвам Великой войны. В склепе памятника были перезахоронены останки 387 солдат и офицеров, погибших на Салоникском фронте, 136 павших при обороне Белграда, около 100 нижних чинов, умерших от ран в госпиталях на территории Югославии, четырех военнопленных, расстрелянных австрийцами и двух моряков (с. 125) (см. также [Никифоров 1992, 37; Живанович 2020, 219]). Непростой истории создания этого мемориала посвящен еще один раздел рецензируемой книги. Автор исследовала различные проекты памятника, роль русской эмиграции в его создании, церемониал перезахоронения останков.

Некоторые русские эмигрантские кладбища были достаточно обширны. Только на Новом кладбище Белграда похоронены порядка 3000 выходцев из России, на городском кладбище в Панчево — примерно 1100 русских эмигрантов, в Новом Саду — около 800 человек, в Белой Церкви — 700 человек и т.д. М. Живанович подробно рассмотрела историю перезахоронения одного из основоположников Белого движения генерала М.В. Алексеева, останки которого были вывезены из России в Гражданскую войну. Автор проанализировала мотивы сокрытия фамилии генерала на памятнике, где было выбито только имя. По мнению автора книги, это связано с опасениями вандализма из-за роли Алексеева в Белом движении, но с этим вряд ли можно согласиться, ведь многие вожди белых были похоронены в разных местах без какого-либо сокрытия информации о погребенных. Более правдоподобной представляется версия, связанная с ролью Алексеева в отречении Николая II от престола, а монархическое течение, возглавлявшее на Алексеева ответственность за участие в тех событиях и относившееся к нему с ненавистью, в эмиграции было достаточно сильным, и его участники могли осквернить могилу. Перезахоронение с кладбища в Брюсселе другого лидера белых, генерала П.Н. Врангеля, стало знаковым событием в жизни русского Белграда в 1929 г. и также проанализировано в книге.

Следующая часть монографии посвящена уже советским воинским захоронениям. В годы Второй мировой войны в Югославии погибли более 11 000 советских воинов, включая военнопленных и партизан. После освобождения Белграда началась массовая установка памятников погибшим. В ноябре-декабре 1944 г. их установили более сотни. Интересно, что бойцам Народно-освободительной армии Югославии такого количества памятников возведено не было.

Мемориалы советским воинам были призваны легитимировать только что установленную власть на освобожденных от гитлеровцев территориях, а также свидетельствовали о союзе советского и югославского командования и режимов, подчеркивали решающую роль Красной армии в освобождении Югославии от гитлеровцев.

Начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт отразился и на мемориальных практиках. В официальной пропаганде изменились оценки роли Красной армии, представители власти перестали возлагать венки к памятникам советским воинам, на одном из мемориалов изображение И.В. Сталина заменили на В.И. Ленина. Тем не менее памятники красноармейцам сохраняли и в послевоенные десятилетия даже возводили новые. Например, был торжественно открыт большой мемориальный комплекс — Кладбище освободителей Белграда, на которое перевозили останки югославских и советских бойцов. Как и в СССР, погибших и погребенных вне населенных пунктов или в небольших селениях перезахоранивали в более крупных населенных пунктах для достойного ухода за могилами. Всего в военный и послевоенный периоды в Югославии появились более 400 захоронений советских воинов.

Один из наиболее поздних по времени мемориалов советским воинам установлен на горе Авала. Там в 1964 г. при заходе на посадку потерпел крушение советский военный самолет Ил-18, на котором в Белград на празднование 20-летия освобождения югославской столицы от немецких оккупантов летела военная делегация СССР. Тогда погибли 23 человека, в том числе начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов. В составе делегации были три Героя Советского Союза.

Отмечу, что после 1991 г. на территории Югославии также появлялись захоронения выходцев из России. Например, некрополи русских добровольцев, участвовавших в боевых действиях 1990-х годов. Однако эти сюжеты выходят за рамки исследования М. Живановић.

Автор книги оценила российско-сербские отношения XX в. как преемственность разрывов, обращая внимание на то, что такие разрывы происходили после обеих мировых войн, сменяясь затем возобновлением отношений в новом качестве. Разумеется, эти сложности отражались и на мемориальной политике. В разные периоды к русским и советским могилам относились по-разному. В одно время бережно, в другое — равнодушно. Однако, как подчеркнула автор, мемориалы целенаправленно не разрушались и во многом сохранились до наших дней.

Все это не исключает утрату ряда захоронений, в том числе могил известных лиц. Ярким примером является могила генерал-лейтенанта Народно-освободительной армии Югославии Ф.Е. Махина, хотя этот человек являлся не простым русским эмигрантом, а одним из близких соратников югославского коммунистического лидера Й. Броза Тито. Махин в конце Второй мировой войны вошел в военную элиту Югославии и был похоронен летом 1945 г. на Новом кладбище Белграда с воинскими почестями. В настоящее время место захоронения Махина идентифицировано и существует надежда на восстановление этого захоронения.

Об утрате захоронений обычных эмигрантов, не входивших в югославскую элиту, и говорить не приходится. Я сам, наблюдая во время посещения Белграда за состоянием русского эмигрантского некрополя на Новом кладбище в динамике, зафиксировал неблагоприятные изменения. Прежде всего, реконструкция русской части кладбища была произведена с нарушениями сохранности и первоначального облика надгробий. Кроме того, русские могилы за пределами охраняемых участков постепенно приходят в упадок и уничтожаются. Так, в 2013 г. исчезла памятная доска с могилы ветерана Белого движения на Юге России генерал-лейтенанта М.Н. Промтова. Осталась лишь небольшая табличка с именем его супруги. В могилу Промтовых было произведено сербское подзахоронение. Почему оказалось невозможным сохранить историческую доску, неизвестно. Разумеется, этот пример не единичный. В работе М. Живановић упоминается исчезновение могилы генерала В.Е. Борисова, у которого не было потомков (с. 204).

Рецензируемая монография «И крест, и пятиконечная звезда» благодаря глубокому исследованию ее автором российского и советского некрополя в Югославии, погребальной культуры, мемориальных практик, несомненно, вносит вклад в сохранение российских и советских захоронений, имеющих огромное историко-культурное значение для нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Живановић М. Проекты российских воинских мемориалов Первой мировой войны в Королевстве СХС / Королевстве Югославия: идеи, символика, реализация // Славянский альманах 2020. М.: Индрик, 2020. Вып. 1–2. С. 204–227. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.12.
- Никифоров К.В. Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.
- Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербско-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М.: Индрик, 2002.

REFERENCES

Zhivanovich M. Projekty rossiiskikh voinskiikh memorialov Pervoi mirovoi voiny v Korolevstve SKHS. Korolevstve Iugoslaviia: idei, simbolika, realizatsiia. *Slavianskii al'manakh* 2020. Moscow, Indrik Publ., 2020, vyp. 1–2, pp. 204–227. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.12 (In Russ.)

Nikiforov K.V. Russkii Belgrad (k voprosu o deiatel'nosti russkikh arkhitektorov-emigrantov). *Slavianovedeniye*, 1992, no. 4, pp. 33–44. (In Russ.)

Shemiakin A.L. *Smert' grafa Vronskogo. K 125-letiiu Serbo-turetskoi voiny 1876 g. i uchastiia v nei russkikh dobrovol'tsev*. Moscow, Indrik Publ., 2002. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ганин Андрей Владиславович
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8602-1990
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Information about the author:

Andrey V. Ganin
DSc (History),
Leading Research Fellow
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8602-1990
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Международная научная конференция
«Проблема дипломатического признания Советского государства
странами Центральной и Юго-Восточной Европы (1920–1940-е годы).
К 100-летию Рапалльского договора и образования СССР»

© 2023 г. Ю.В. Лобачева

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lobachevaj@gmail.com

Ссылка для цитирования: Лобачева Ю.В. Международная научная конференция «Проблема дипломатического признания Советского государства странами Центральной и Юго-Восточной Европы (1920–1940-е годы). К 100-летию Рапалльского договора и образования СССР» // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 155–156. DOI: 10.31857/S0869544X0026719-3

International Scientific Conference «The Problem of Diplomatic
Recognition of the Soviet State by the Countries of the Central
and South-Eastern Europe (1920–1940-s). To the 100th Anniversary
of the Treaty of Rapallo and the Formation of the USSR»

© 2023. Yulia V. Lobacheva

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lobachevaj@gmail.com

For citation: Yulia V. Lobacheva. International Scientific Conference «The Problem of Diplomatic Recognition of the Soviet State by the Countries of the Central and South-Eastern Europe (1920–1940-s). To the 100th Anniversary of the Treaty of Rapallo and the Formation of the USSR» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 4. Pp. 155–156. DOI: 10.31857/S0869544X0026719-3

22 и 23 ноября 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Проблема дипломатического признания Советского государства странами Центральной и Юго-Восточной Европы (1920–1940-е гг.). К 100-летию Рапалльского договора и образования СССР», организованная Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения. Участие в конференции приняли историки из России, Белоруссии и Сербии, представляющие различные научные и образовательные учреждения.

Проведение конференции было приурочено к 100-летию юбилею двух значимых исторических событий — Рапалльского договора, подписанного 16 апреля 1922 г. РСФСР и Германией, и образования СССР 30 декабря 1922 г. В рамках мероприятия предполагалось рассмотрение и обсуждение следующих проблем: Советская Россия/СССР и страны Антанты после Первой мировой войны; Генуэзская конференция и советско-германский договор в Рапалло и международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе; образование СССР и его политика в Центральной и Юго-Восточной Европе; проблема дипломатического признания СССР странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Представление и обсуждение научных докладов проходили в рамках работы проблемно-тематических секций. В первый день конференции, 22 ноября, первую секцию – «Советская Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (1918–1924 гг.)» открыл доклад *А. Животича* (Университет Белграда) «Югославское королевство и Советская Россия (1918–1922 гг.)». Попытки достижения соглашения и признания». Югославская тема была продолжена в выступлении *А.А. Силкина* (ИСЛ РАН) «Центральное югославянское бюро при ЦК РКП (б) и усилия советской власти по установлению отношений с Югославией в 1918–1921 гг.». Затем *Д.С. Парфиров* (ИСЛ РАН) представил доклад «Проблема Восточной Галиции на советско-польских переговорах в Риге (конец 1920 г. – март 1921 г.)», а *И.Э. Магадеев* (МГИМО МИД РФ) выступил по теме «Чехословакия и советско-французские отношения периода непризнания: взгляд из Парижа (1920–1924 гг.)». Завершила секцию дискуссия по всем четырем докладам.

Работа следующей секции – «Генуэзская конференция и русская эмиграция» – началась с доклада *А.В. Ганина* (ИСЛ РАН) «Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 г.». Тема русской эмиграции раскрывалась в двух докладах: *Н.С. Гусева* (ИСЛ РАН) «Положение русской эмиграции в Болгарии на фоне советско-болгарского сближения в 1922 г.» и *Е.П. Серапионовой* (ИСЛ РАН) «Советско-чехословацкие отношения в начале 1920-х гг. и русская эмиграция в ЧСР». Затем последовали ответы на вопросы и обмен мнениями.

Завершала первый день работы конференции секция «Рапальский договор 1922 г. и международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе». *Н.Н. Станков* (ИСЛ РАН) сделал доклад «Рапалло и внешняя политика Чехословакии в 1922 г.». Темой, освещенной в выступлении *Н.Н. Мезги* (Гомельский государственный ун-т им. Ф. Скорины), стала «Роль польского фактора в рапальской политике (1922–1926 гг.)». Затем в докладе *С.З. Случа* (ИСЛ РАН) под названием «Закат “эры Рапалло”» были проанализированы отношения между СССР и Германией в начале 1930-х годов.

Второй день мероприятия, 23 ноября, открыла секция «СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1920-е гг.». Здесь выступили *Д.А. Короткова* (ИСЛ РАН) с докладом «Взаимодействие и взаимовлияние советской дипломатии с белорусскими партиями в Польше, Литве и Латвии в 1920-е гг.» и *А.Ю. Тимофеев* (Ун-т Белграда, Институт новейшей истории Сербии) с докладом «Советская разведка в Королевстве Югославия в межвоенный период (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)».

Научная дискуссия продолжилась на следующей проблемно-тематической секции «Международные отношения в Центральной Европе и Советский Союз в середине 1930-х гг.». «От кого равноудалаясь Польша в середине 1930-х гг.?» – ответом на этот вопрос задались в своем докладе историки *А.Е. Кузьмичева* (МГУ) и *Г.Ф. Матвеев* (МГУ). Затем *С.В. Морозов* (Белгородский государственный ун-т) представил доклад на тему «Несостоявшаяся гегемония Варшавы в Центральной Европе как следствие сближения Москвы и Праги в процессе борьбы вокруг Восточного пакта». Продолжил работу секции доклад *П.В. Мошечкова* (ИСЛ РАН) «Чехословацко-советские отношения во второй половине 1934 – начале 1935 г.: на пути к заключению договора о взаимной помощи». Завершило работу секции обсуждение этих трех докладов.

«Признание СССР странами Центральной и Юго-Восточной Европы 1930–1940 гг.» – тема последней секции второго дня конференции. Здесь рассматривались вопросы истории советско-венгерских и советско-румынских отношений. Были заслушаны два доклада: *А.С. Тыхалина* (ИСЛ РАН) – «Установление советско-венгерских отношений в 1934 г. и его последствия для развития двусторонних связей», и *И.С. Путинцева* (МГИМО МИД РФ) – «Дипломатия Литвинова – Титулеску: успехи, неудачи, оценки современников». Потом последовали ответы на вопросы и общая дискуссия.

В заключение краткой хроники работы конференции отмечу, что и сами доклады, и оживленное обсуждение участниками мероприятия целого ряда аспектов проблемы дипломатического признания Советского государства странами Центральной и Юго-Восточной Европы еще раз подтвердили ее актуальность и позволили по-новому осветить поставленные в научной дискуссии вопросы.

С видеозаписями докладов можно ознакомиться на youtube-канале Института славяноведения РАН.

Информация об авторе:

Лобачева Юлия Владимировна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1675-1381
E-mail: lobachevaj@gmail.com

Information about the author:

Yulia V. Lobacheva
Ph D. (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1675-1381
E-mail: lobachevaj@gmail.com

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2023, № 4, с. 157–159

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 157–159

Оригинальная статья / Original Article

К юбилею Валерии Сергеевны Ефимовой

© 2023 г. Д.Ю. Ващенко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

daranis@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Ващенко Д.Ю.* К юбилею Валерии Сергеевны Ефимовой // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 157–159.

On the Anniversary of Valeria Sergeevna Efimova

© 2023. Daria Yur. Vashchenko

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

daranis@mail.ru

For citation: *Daria Yur. Vashchenko.* On the Anniversary of Valeria Sergeevna Efimova // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 4. Pp. 157–159.

26 августа свой юбилей празднует доктор филологических наук, заведующая Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН Валерия Сергеевна Ефимова.

Валерия Сергеевна родилась в 1948 г. в Москве в семье ученых, с детства интересовалась древними языками: в частности, латынь и древнегреческий она начала учить еще до школы и затем оттачивала свои навыки. В 1982 г. В.С. Ефимова окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Затем последовала аспирантура и защита кандидатской диссертации (научный руководитель А.С. Новикова). В 2006 г. Валерия Сергеевна защитила в Институте славяноведения докторскую диссертацию на тему «Старославянская словообразовательная морфемика».

Валерия Сергеевна Ефимова — выдающийся специалист по старославянской лексикологии и словообразованию, автор нескольких фундаментальных монографий. Ее научный стиль отличается системный подход к описываемым явлениям, глубокая проработка материала. Важное значение в применяемой методологии имеет учет греческого оригинала и влияния греческой словообразовательной модели на старославянскую, глубоко и полно исследуются процессы калькирования в диалекте «греческий — старославянский». Так, в монографии «Старославянская словообразовательная морфемика», вышедшей в 2006 г., представлено максимально системное описание морфемного состава старославянского языка, при этом анализ векторов влияния греческих текстов на старославянскую словообразовательную морфемiku играет здесь ключевую роль. В 2011 г. последовала монография «Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора» (М., 2011. 224 с.), посвященная номинативным процессам в старославянском языке. В данном исследовании представлено масштабное системное описание путей номинации лиц в старославянском языке. В частности, сюда относятся такие модели, как использование лексики народной славянской речи, субстантивное употребление прилагательных и причастий, деривация, словосложение, калькирование — отдельное внимание автор уделяет использованию грецизмов. Определяются

приоритетные стратегии выбора способов номинации в отдельных тезаурусных лексико-семантических группах и подгруппах. Следующая монография Валерии Сергеевны – «Пути формирования старославянского лексического фонда» (М., 2021. 264 с.) также посвящена старославянской лексике, однако на этот раз в фокусе исследовательского внимания оказались пути формирования старославянского лексического фонда в зеркале переводческих предписаний св. Кирилла. При этом автор, следуя своим установкам на системность и полноту охвата материала, рассматривает разные сферы номинации – деривацию, образование композитов, передачу греческого суперлатива славянскими средствами, а также прежде мало исследованные номинации путем субстантивированных причастных форм и несколькословных наименований. Новые данные подтверждают высказывавшиеся и ранее автором монографии соображения, что существует принципиальное различие между процедурами создания композитов и образования однокорневых суффиксальных дериватов и что поморфемное калькирование особенно нуждается в переосмыслении его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке.

Валерию Сергеевну любят и ценят в институте, коллеги уважают ее преданность институту и славистике – делу всей своей жизни; огромную эрудицию, тонкое чувство стиля; полную самоотдачу при выполнении всех начинаний, будь то научная, научно-организационная или административная деятельность.

Огромной заслугой В.С. Ефимовой является организация регулярных научных встреч, посвященных истории славянской письменности. «Палеославистические чтения», начало которым было положено в 2016 г., собирают широкий круг специалистов в области славянской письменности, которые с неослабевающим интересом обсуждают самые сложные аспекты своей научной деятельности. Материалы конференции публикуются в тематических выпусках серьезного серийного издания «Славянское и балканское языкознание», которое высоко котируется в профессиональной среде, – при этом Валерия Сергеевна берет на себя колоссальный труд по его сведению, редактуре, верстке и предпечатной подготовке.

С 2014 г. Валерия Сергеевна возглавляет Отдел славянского языкознания и за это время она проявила себя как мудрый начальник, который принимает деятельное участие в научных судьбах вверенных ей членов коллектива.

За последние годы в отделе усилиями Валерии Сергеевны была собрана команда молодых и амбициозных ученых. Ею была претворена в жизнь эффективно зарекомендовавшая себя экстенсивная стратегия развития, когда отдел выстраивается не под конкретное направление или проект, но под целый спектр направлений, с максимально полным охватом всей языковой территории Славии. При этом за каждое направление отвечает человек, имеющий опыт работы с обширными базами данных в соответствующей области. Задача руководителя в данном случае заключается в разумном поощрении инициативности и в координации общих усилий, т.е. в том, чтобы позволить каждому из этих ученых реализовать себя в конкретных формах научной деятельности и привлечь к активному профессиональному диалогу коллег из других научных институтов (в широком смысле слова). Это предполагает не только огромную эрудицию начальника, но и мастерство психолога, внимание к каждому сотруднику, умение найти для него нужные слова. Отдел, помимо уже упомянутых «Палеославистических чтений», проводит другие ежегодные круглые столы с международным участием: круглый стол по славянской диалектологии и круглый стол по славянской грамматике. Реализуются в отделе фундаментальные научные гранты и создаются монографии по этимологии и истории языка, палеографии и истории славянской письменности, социолингвистике и языковым контактам. Валерия Сергеевна демонстрирует заинтересованность в каждом сотруднике, она вдохновляет на новые идеи и проекты и вместе с тем с высоты своего опыта дает четкие и очень мудрые советы.

Не менее важным фактором здесь является сохранение преемственности поколений, учет накопленного опыта, уважение к колоссальным научным заслугам тех, кто работал в отделе прежде и посвятил всю свою жизнь славянскому языкознанию. Мы возрождаем отдельскую библиотеку, проводим тематические конференции, посвященные нашим коллегам, внесшим значительный вклад в науку: за последние годы Отдел славянского языкознания провел конференции памяти Р.М. Цейтлин, Л.Э. Калнынь, Г.К. Венедиктова.

Мы очень благодарны Валерии Сергеевне за поддержание общей позитивной атмосферы в коллективе, когда собственные научные интересы каждого его члена предполагают поддержку и обмен опытом внутри микросоциума: мы все помогаем друг другу в работе и живо обсуждаем любую тематику, как лингвистического, так и экстралингвистического свойства. Отдел стал нашим вторым домом, местом, куда хочется приходить и где всегда встретишь друзей и единомышленников. Все это было бы немыслимо без человека, который является стержнем нашего коллектива, скрепляет и объединяет его.

От всей души мы поздравляем Валерию Сергеевну с юбилеем, благодарим ее за помощь и советы, желаем и дальше не терять вдохновения и совершать новые научные открытия, а еще мы желаем ей крепкого здоровья и счастья.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлениям и желают Валерии Сергеевне здоровья и творческих успехов.

Информация об авторе:

Ващенко Дарья Юрьевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1628-3861
E-mail: daranis@mail.ru

Information about the author:

Daria Yur. Vashchenko
Ph D. (Philology)
Senior Researcher
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1628-3861
E-mail: daranis@mail.ru